

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

~~~~~  
*Miser sum, mi serisque succurrere disco.*

~~~~~  
1823 ГОДЪ.

—•••—
Ч А С Т Ь XXIII.

~~~~~
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспи-
шашельнаго Дома 1823 года.

№ 9783/23a

1823, кн 1-3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чѣобы, по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлено было въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги для препровожденія, куда слѣдуешь, на основаніи узаконеній. Іюля 1 дня, 1823.

Цензоръ Ст. Сов. и Кавалеръ
Алек. Бирцковъ.

53421

ЛИТЕРАТУРА.

А.

П Р О З А.

ВТОРОЙ ВЕЧЕРЪ НА БИВУАКЪ.

Орудій заряженныхъ строй
Сстоялъ съ готовыми громами;
Спрѣлки, припавъ къ нимъ головами,
Дремали — и подъ ихъ рукой
Фишиль курился роковой.

Жуковский.

Эскадронъ Подполковника Мечина прикрывалъ двѣ пушки главнаго пикета, расположеннаго на высотахъ ***. Сырой туманъ сплался по окрестности, рѣзкой вѣтеръ проникалъ на сквозь: Офицеры лежали вокругъ дымнаго огня. Конно-Артиллерійскій Поручикъ сидѣлъ на колесѣ орудія; Подполковникъ, опершись на длин-
Часъ XVIII. Кн. I.

ную саблю свою, стояль въ задумчивости. Все молчали. — „Какое вещешивенное сознанье человекъ!“ началъ Шшабсь-Ропимиспръ Ничповичъ: „каждая игрушка его швишишь, каждая бездѣлица огорчаешь, малѣйшая боль распроиваешь нравственныя способности и переменна погоды дѣисшвуешь на разположеніе его духа. Дѣвно ли мы были веселы, пѣли, рѣзались: подулъ холодный вѣшеръ и вмѣсипъ съ небомъ нахмурились наши брови, и говоруны сидящъ, будпо въ Пиеагоровой школѣ молчанія“ — Не ручаюсь за друкихъ, возразилъ Лидинъ: но покуда старосипъ и подагра не сдѣлали изъ меня барометра — погода неимѣешь на меня никакого вліянія. Когда я доволенъ, то по мнѣ хонъ права не росипи: снѣгъ, градъ, дождь, вьюга — все праздникъ. Но ежели грустно на сердце, то и свѣшлый день досадень. Тогда кажешься, будпо все веселы на зло мнѣ, и я спановлюсь прихонпливъ, какъ невѣста. — „Следовапельно, сказалъ Шшабсь-Ропимиспръ, погода дѣисшвуешь на себя въ обратномъ порядкѣ, но шѣмъ неменѣе вліаніе оной

сущесствуетъ.“ — Не думаю, отвѣчалъ Лидинъ: это чувство естъ слѣдствіе внутреннихъ, а не внѣшнихъ ощущеній, и до сихъ поръ будетъ имѣть мѣсто, куда перевѣсь оспаненся на его спороны. На примѣръ: я люблю смотрѣть на играющую молнію, люблю слушать вой грозы и шумъ проливнаго дождя . . . но почему люблю я это?— „Потому что шы чудакъ, перебилъ Шшабсь-Ропмистръ; впрочемъ, какъ самъ изъясняешься, шы любишь не испытывать, но только смотрѣть, только слушать бурю, какъ Вернешову каршину, или Моцаршову Оранорію.“ — Прошу извинить, Г. Шшабсь-Ропмистръ, я люблю наслаждаться ею на чистомъ воздухѣ, въ лѣсу, на горахъ; но возвращаюсь къ причинѣ: я люблю это по пріятнымъ воспоминаніямъ, которыя родятся во мнѣ ошъ бури. Однажды, на примѣръ, — ахъ! для чего это было только однажды! . . . — „Для того, перебилъ Ничшовичъ, что въ Кургановой Ариемешикѣ весьма замысловато сказано: *единожды единѣ,—единѣ, а не два.*“ Всѣ засмѣялись; но Лидинъ съ улыбкою

*

продолжалъ; надвюсь, Г. Шпабсь-Ропмиспръ просипишь мнѣ это восклицаніе: оно вырвалось изъ сердца, а сердце плохой ариемешикъ. — „Не знаю, каково швое, опвѣчалъ смвючись Ничповичъ: но мое даже подъ ядрами шакъ вѣрно опсчитываешь шесшьдесять секундь въ минушу, какъ папеншове часы.“ — Во время сраженія мнѣ нѣкогда бывало занимаюсь повѣркою своего пульса, хладнокровно замѣшилъ Лидинъ. Эшо замѣчаніе задѣло за живое Шпабсь-Ропмиспра: онъ уже съ примѣпною досадею спросилъ: „Конечно ты за эскадромъ въ замкѣ спроилъ воздушные замки?“ — Дурная игра словъ, Ничповичъ, сказалъ Подполковникъ дружески, желая замаять ссору, которая бы навѣрное кончилась саблями: пусшая игра словъ, да и предметъ ея неслишкомъ хорошій. Вы подсмѣиваешь другъ надъ другомъ на счетъ опваги; но я желаю знать, кто бы изъ всей арміи осмѣлился подумашъ, не шолько сказать, что въ нашемъ эскадронѣ ешь кто нибудь двусмысленной храброспи.— „Пущь ъми Французской флейщикъ передъ раз-

водомъ выбрѣешь усы, если это не правда! вскричалъ Роммиспръ Спруйской, кошпорый, лежа на попонѣ, казалась, слушалъ только, какъ расстепъ шправа. „Вамъ грѣшно, господа, въ нашей беззавѣшной бесѣдѣ говорить колкосши, или обращаешь шушки въ дѣло. — Ну, други! мировую! . . . А еслижъ вы не поцѣлуешесь, то ты, Лидинь, незови меня никогда въ секунданы, а ты, Ничшовичъ, впередъ не узнаешь, длинны, или коротки спремена на моемъ Черкесѣ, когда нужно будешь понавздничать. — Помилуй, Спруйской, съ чего ты взялъ, будио мы ссоримся, сказалъ Ничшовичъ, подавая Лидину руку. — „Ну, полно, полно! продолжалъ Роммиспръ: кшо старое помянешь, пому глазъ вонъ.“ — Я это всегда говорю своимъ заимодавцамъ, сказалъ Лидинь; но уважая Роммиспра, онъ сжалъ руку Ничшовича.

„Надѣюсь однакожъ, что анекдотъ, кошпорый начался такимъ романпическимъ восклицаніемъ, имъ не кончился, и Лидинь доскажетъ его друзьямъ своимъ? сказалъ Мечинь.“ — О, безъ сомнѣнія,

Подполковникъ! я шакъ люблю говоришь о милой Александринѣ, что очень радъ случаю. — „Воля твоя, Лидинъ, возразилъ Подполковникъ: ты сбиваешься въ произшествіяхъ. Сохраняя все уваженіе къ дамѣ твоего сердца, кажешся, дѣло шло не объ ней, а объ ненастной погодѣ.“ — Имѣйте немного терпѣнія, Г. Подполковникъ, и оно приведетъ насъ къ шому же . . . надобно вамъ знать, друзья мои, что живучи въ зашверхой Москвѣ, влюбился я . . . “ — Знаемъ, знаемъ, въ кого и у кого, какъ по формулярному списку, подхватилъ Ничповичъ; благодаря твоей нѣжности, я могу описать ея ростъ, лѣта и примѣшы, до послѣдняго родимаго пятнышка, какъ въ зеркалѣ. Ты намъ объ ней наговорилъ сполько. . . “ — Объ ней можно говоришь, можетъ бытъ, *слишкомъ много*, но довольно наговориться объ ней нельзя. Ты незнаешь этого ангела, Ничповичъ, и пошому скупаешь рассказомъ; но спроси у Роммиспра, какъ она прелесна собою, какъ мила со всѣми, какъ любитъ просвѣщеніе, словесность . . . „Бьюсь объ закладъ,

вскричалъ Ничшовичъ, что она хвалила шишки, копорые написалъ пы ей въ Альбомъ!“ — Какъ умна, какъ чувстви-тельна. . . . „Къ теплу и холоду, приба-вилъ Роммиспръ, одувая фициль, копо-рымъ собирался закуришь свою трубку.“ — Вы вѣчно шушите, Спруйской; но что она любезна въ самомъ дѣлѣ, это больше всего доказывается вѣрносцію шакого вѣщренника, каковъ я. — „Признайся, мудрено на бивуакахъ сыскашь и слу-чай для измѣны, примолвилъ Роммиспръ; шѣмъ болѣе, что изъ женскаго пола здѣсь никого и ничего нѣтъ, кромѣ этой пуш-ки.“ — „Это единорогъ, замѣнилъ Ар-шилмерійскій Офицеръ.“ — Тѣмъ еще без-опаснѣе! опвѣчалъ Роммиспръ. — Но шѣмъ хуже, что вы не даете мнѣ доска-зать моей повѣсти.“ — Подполковникъ, шутя, возгласилъ: смирно! и по долгомъ смѣхѣ, Лидинъ продолжалъ.

„Я уже познакомился со всею род-нею Александрины: ласкался къ машуш-кѣ, ухаживалъ за опцемъ, хвалилъ собакъ и приспяжныхъ брашца, слушалъ рого-вую музыку дядей, и что всего, не нос-

нѣе — пересуды пестушекъ. Гостепрѣимство есть всегдашняя добродѣшель моихъ земляковъ, и наконецъ меня пригласили приѣхать къ нимъ въ Подмосковную. — Нужно ли сказывать, что я провель шамъ день, какъ въ раю, что мнѣ удалось говорить съ нею на единѣ, что я былъ неловокъ и смѣшанъ въ по время, будно юнкеръ, копорый не въ формѣ попался своему Генералу; что у меня наконецъ вырвались кой-какіе намеки, и что меня слушали благосклонно. — Въ вечеру надобно было ѣхать шѣмъ ранѣе, что они сами собирались въ городъ. Я разкланялся, со вздохомъ влѣзь на дрожки, и чрезъ минуту облако пыли скрыло ошь меня замокъ Армиды.

„На дорогѣ я завернулъ въ деревню къ прѣпелю. Черезъ часъ выѣзжаю, — и вообразиле мое счастье: встрѣчаю дормезъ, везомый шестью заслуженными конями, — и въ эпомъ степенно-колыхающемся дормезѣ — Александрину со всѣмъ причетомъ. Между шѣмъ небо облоклось пучами, началъ накрапывать дождикъ, и молнія заиграла во всѣхъ углахъ гори-

зонша. — Въ такую погоду ъхашъ въ каретѣ выгоднѣе, чѣмъ на дрожкахъ — было первою моею мыслью; но бышь вмѣшавъ съ нею, шакъ близко подлѣ нее, вопишь что очаровало мое воображеніе до такой степени, что я бы ондалъ препеть моей жизни за прокапъ въ эпомъ полинявшемъ дормезѣ. Но какъ залепѣшь въ него? Мы еще не шакъ коропко знакомы, чшобъ они могли меня пригласишь, а приговоришься къ этому совѣспно. — Однакожь попышаемся. — Проѣзжаа мимо, я заговориль о грозѣ, о бѣшеныхъ лошадахъ моихъ; но эшо не помогло: отецъ спросиль шолько, съ какого онѣ завода? а мать пожелала мнѣ счасшливаго пуши. Препяспшвія поджигашъ желанья, и я рѣшился на опважную выходку. „Пошелъ по всѣмъ!“ — Я и шо насилу держу коней, опшвѣчалъ мой кучеръ: есшли ихъ пуспишь, они разшреплюшь насъ. — „Пошелъ, говорю я: не разсуждашь, а дѣлаешь!“ — и съ эшимъ словомъ вся шройка подхвашила бишь, понеслась,—и дрожки, звѣня, запрыгали по кочкамъ и выбоамъ, вправо, влѣво, подъ гору и на по-

воропѣ прямо на камень — кракъ — ось по поламъ, колесо въ дребезги, а я вмѣстѣ съ кучеромъ опленилъ сажени напри въ ровъ.

„Къ счастью, кучеръ вывихнулъ себѣ только носъ, а я лишь крылышко помялъ, но лежалъ недвижимъ изъ пришворства, чѣмъ сдѣлать занимательнѣе сцену. — Черезъ двѣ минуты открываю глаза — и вижу Александрина въ обморокъ ось испугу: мать опшираетъ ее спиртомъ, а отецъ окуриваетъ меня сѣрными спичками. Одно меня пронуло, другое разсѣлило. Скоро все пришло въ порядокъ, — и вопъ, послѣ многихъ разпросовъ, приглашеній и отговорокъ, я влѣзаю охая въ карешу, рассыпаясь въ благодареніяхъ и внутренно радуясь своей хитрости. — И вопъ наконецъ я подлѣ милой Александрины! . . . У меня занялся духъ. — Темнѣло, дождь лилъ ливня, — кареша, въ слѣдствіе моего шпаклаша, объ электричествѣ и опасности въ грозу скоро ѣздитъ, двигалась шагомъ; отецъ и мать дремали, и только при сильныхъ ударахъ грома пробуждались —

одинъ, чшобы зѣвнуть, — другая, чшобъ испугаться. — Александрина молчала, а я несмѣлъ говорить, попому, чшо голосъ мой дрожалъ, какъ ненапянушая квинша; за шо я несводиль глазъ съ прелесшнаго лица своей сосѣдки, ловиль каждую черту, каждое выраженіе, каждый абрисъ его, исчезающій въ темношъ, каждый взоръ, когда молнія облескивала внутренность карешы. Я вдыхалъ какую-шо помную свѣжестъ съ щекъ ея, я слышалъ біеніе ея сердца, я чувшвовалъ, какъ мое неровное дыханіе колебало ея локоны. — Друзья мои! я молодъ, но я жилъ, я чувшвовалъ, я наслаждался; но никогда не испытывалъ высшаго наслажденія, какъ въ эпошъ разъ! однимъ словомъ: когда ешь счасніе въ жизни — я былъ счасливъ, по шому, чшо неимѣлъ никакого желанія!!—Неужели, Ничповичъ, ты будешь спорить, чшо буря не можешь доспашишь удовольствія по воспоминаніямъ?“—

— Сушишься ошъ дождика воспоминаніями, или чшо еще хуже, для нихъ мокнушь, для меня сполько же смѣшно, какъ увѣреніе, будшо скучашъ—весело! Чшо ка-

саешся до меня, несогрѣшаго пылкимъ воображеніемъ, я бы промѣнялъ пенерь двѣ дюжины золопыхъ своихъ поминокъ на рюмку Бургонскаго. — „Я васъ беру на словѣ, Шлабсъ-Рошмистръ, сказала Артиллерійскій Офицеръ: за виномъ дѣло не спанешъ. Эй, фейерверкеръ! принеси сюда изъ заряднаго ящика двѣ бушылки, пѣ, копорыя лежашъ въ крышкѣ на лѣвой споронѣ.“ — Да здравствуешъ Артиллерія! воскликнулъ Спруйской, отбивая саблюю бушылочное горлышко: ну, что бы иной умудрился соединишь въ одно мѣсто и смершныя снаряды, и жизненные припасы? Теперь предлагаю поспѣ за пивою Александрину!“ Лидинъ положилъ руку на сердце, высоко поднялъ спаканъ, по Рыцарски, вышилъ его и разбилъ въ дребезги о шпору. „Прошу извинить, Господа, что я разбилъ послѣдній хрустальной спаканъ: шеперь уже здоровье чужой красавицы не зашускнишь его, какъ въ моемъ сердцѣ неизгладишся образъ моей невѣсты!“ —

Бургонское оживило зябнущихъ Офицеровъ; доньшко серебряннаго спакана

сверкало вновь и вновь, и похвала вину непереспавала. „Какая тонкость! говорил Рошмиспръ; высасывая послѣднюю каплю.“ — *Какой букетъ!* сказала Ничповичъ, нюхая опорожненную бутылку. *Воптъ* Лидинъ, такое благовонное воспоминаніе — пріятно! — „Эпо вино, сказала Артиллеристъ, дославляетъ мнѣ еще пріятнѣйшее воспоминаніе, которое дѣлаешь честь великодушію женскаго пола; воспоминаніе, за которое едва не заплашилъ я жизнью. Если Господамъ угодно будетъ послушать хоть краемъ уха, я расскажу, какъ эпо случилось.“

„Три дни тому назадъ, я былъ посланъ фуражировать въ окрестности Сен-Дизье. Непріятеля близко нечаяли, и потому мнѣ дали только пять человѣкъ ѣздовыхъ. Я отправился прямо въ деревню *Во-сюръ-блезъ*, гдѣ уже два раза проходила и спояла наша рота, и гдѣ жители принимали насъ очень ласково. Братская привязанность привлекала меня къ Генриетъ, дочери Мера: она прелестное, преневинное созданье. Меня ушѣшала ея дѣтская опкровенность, ея

неизмѣнно—веселый нравъ. Бывало, когда я задумаюсь, она рѣзвилась вокругъ меня, и шупя разглаживала морщины на лбу моемъ. — „Развеселись; добрый Руской!“ говорила она, и я невольно улыбался ея привѣпливости, и въ ея свѣтлыхъ глазахъ искалъ — и находилъ забвенье всего непріятнаго. Генріеша выбѣжала и тогда меня вспрѣвшишь, играла съ моею лошадыю, пѣла, прыгала, какъ ребенокъ, и наконецъ унесла у меня саблю. — Мера, опца ея, небыло дома. Пославъ за нимъ канонера, я велѣлъ оспальнымъ кормить коней и присмашривашъ фуража, а самъ пошелъ на верхъ въ обыкновенную свою комнашу. Мнѣ принесли вина; но я едва выпилъ стаканъ его, едва успѣлъ сѣсть на канале, какъ глаза мои сомкнулись, голова упала, — я погрузился въ глубокой сонъ. — Не помню, долго ли спалъ я, ушомленный переходами и двух-дневною безсонницею; знаю только, что я пробудился опъ голоса, кошорый называлъ меня по имени. Открываю глаза: Генріеша, блѣдная, шрепещущая, спояла надо мною. Бѣги, Руской! сказала она за-

мирающимъ голосомъ, спасайся, или ше-
 бя убьюшь! уже все гошово . . . они со-
 брались . . . швои солдашы запершы . . .
 Но я погибла, если узнаюшь. Бѣги, умо-
 ляю шебя, бѣги! . . . “ и Генріеша исче-
 зла, какъ привидѣніе. Рускому Офицеру
 бѣжашь! нѣшь, этого nebudeшь!— Я вско-
 чиль, кипя гнѣвомъ, зашкнулъ за порпу-
 пею писполешы и пошихоньку сошелъ
 внизъ. — Въ залѣ слышались многіе го-
 лоса . . . прикладываю ухо: одни хотѣли
 убить насъ, другіе совѣщовали опдать
 въ плѣнь своему опряду, кошорый, по
 ихъ словамъ, долженъ быть недалеко. —
 „Чего вы боишесь, — говорилъ Меръ, —
 опомспишь смершью за гибель опцовъ
 вашихъ и брашьевъ, погубленныхъ Рус-
 кими? И почему эши будутъ счасшливѣе
 другихъ, впадавшихъ къ намъ въ руки?
 Если вы неопдѣлаешесь опъ эшихъ —
 эши проложушь дорогу тысячамъ граби-
 телей, и ваши запасы, ваши драгоцѣн-
 носши не надолго скроюшся подъ кров-
 лею Церкви опъ ихъ поисковъ. — Впро-
 чемъ, умершвишь ихъ необходимо для соб-
 сшвенной безопасности, пошому что од-

на смерть можете ручаться за пайну; иначе, они изъ самага плана накличуть на насъ мщеніе своихъ!“ — Судите, каково мнѣ было слушать эпого Орапора; но я, обрадованный открытіемъ запаснаго ихъ магазина, рѣшился на все, только бы доставить рожь фуража, тѣмъ скорѣе, чѣмъ у насъ такой былъ въ немъ недостатокъ, чѣмъ солдаты кормили лошадей хлѣбомъ, конюраго и сами они не ѣли до сыта. Вхожу . . . и ежли бы Конгревова ракета упала погда между заговорщиками, то вѣрно бы она перепугала ихъ менѣе моего появленія. „Г. Мель, сказалъ я: какой-то шалунъ, вѣроятно ошибкою, заперъ въ конюшнѣ солдатъ моихъ, — прикажите ихъ опомкнуть; да теперь же, сей часъ, сію минуту.“ Грозивій взглядъ, брошенный на безоружныхъ храбрецовъ и движеніе руки моей къ писмолету, увѣрили ихъ, что я не шучу. — „Прошу впередъ, безъ церемоніи . . .“ И вошь, между полною звякъ, въ конвоѣ вѣзовыхъ моихъ, я двинулся къ церкви. — „Звонарь! оппирай; а вы, Господа, возьмите свѣчки, проводи-

ше меня на чердакъ и подивилесь чупью Рускихъ.“ — Между тѣмъ я поставилъ двухъ рейпаровъ у входа, еще двухъ на разныхъ дорогахъ, съ приказаніемъ по первому выспрѣлу скакать, одному въ Дивизионный Шпабъ, другому въ ропу и объявить объ опасности. Съ оспальными взобрался я на верхъ. — Представиле себя, что кромы насыпаны были овсомъ и жипомъ до кровли, все лучшее имѣніе поселянъ было снесено шуда же. Куча сундуковъ, ящичковъ парчей, золотыхъ и серебрянныхъ вещиць, — но что всего болѣе поразило меня — это были Рускія ружья, кивера, Уланскія пики, сабли, каски, — вѣроятно, несчастныхъ земляковъ нашихъ, заплапавшихъ жизни за неоспорожность. Я содрогнулся — но изслѣдованіе было неумѣста. — Въ это время поселяне, воображая, что мы спанемъ грабить ихъ драгоцѣнности, взволновались, ударили въ набашной колоколь, и съ воплями окружили Церковь. Крикъ: *à bas les Russes, mort aux brigands*, вызвалъ меня на колокольню, и я насилу могъ добиться, чтообъ мена вы-

*

слушали. — „Французы! сказалъ я: мы въ вашей власни; но вашъ Паспоръ, вашъ Меръ въ моей, и они жизнию заплашашъ за малѣйшее насиліе, да и мы четверо не даромъ продадимъ свою. Этого мало! часовые мои дадутъ знать о томъ въ армию и мщеніе Рускихъ разразится надъ вашими головами. — Я пришелъ не грабить ваше имущество, но взять немного овса и хлѣба, за что Государь нашъ заплатитъ по моей роспискѣ. Обвѣчаю жизнию, что все до послѣдняго волоса будетъ цѣло.“ — Это успокоило поселянъ. — Я велѣлъ Меру приказать въ полчаса доставить восемь подводъ, и нагрузивъ на двѣ оружія, чтобы неоставить имъ средства къ вооруженію, а на прочія шесть овса, хлѣба и немного вина, я отправилъ ихъ подъ конвоемъ въ ропу. Проводивъ глазами обозъ мой, я спустился съ опасной каеэды своей, проспился ропщущими жипелями и поблагодаривъ поклономъ великодушную Генриету, поскакалъ назадъ. Французы вошли въ Во-сюръ-Блезъ на нашихъ хвостахъ. . . . “

— Кто идешь? закричалъ часовой Гусарь на ближнемъ ведешъ: спой, или убью! — Ему тихо ошвѣчали пороль и лозунгъ. Это были ихъ Поручикъ Волгинъ, вздвигшій осматривашъ цѣпь. „Г. Подполковникъ! пикеты и ведеты сполтъ исправно. У непріятеля движеній никакихъ не видашь.“ — Нѣтъ ли чего новаго? не слышно ли объ дѣлѣ? спросили Волгина вдругъ всѣ Офицеры. — „Радуйтесь, Господа ошвѣчалъ Поручикъ, не слѣзая съ коня, я привезъ къ вамъ добрыя вѣсти: Наполеонъ уже въ Сен-Дизье, и нашему маленькому корпусу доспанешся честь задержашъ всю армію, копорая на насъ опрокинешся, — покуда союзныя идушъ на Парижъ. Говоряшъ, у Государя навернулись слезы, когда онъ прошилсѣ съ нами. — Друзья! врядъ ли намъ вышояшъ живыми, за то объ насъ вспомняшъ въ Россіи, и ошъ насъ поплачущъ во Франціи.“ Слава Богу, сказалъ радостно Подполковникъ. — „Будетъ гдѣ позвенѣшь саблями! воскликнулъ Спруйской: смотрите, Г. Аршиллерисшъ, не выдайте насъ!“ — Не бойтесь, Рощ-

миспръ! пылко опвѣчалъ Аршиллерійскій Офицеръ: мои канонеры неразъ дрались банниками; и даромъ не сожгущь зерна пороху. Только вы, когда у меня не спанешь карпечь, подѣлишесь со мною подковами и пуговицами — ихъ много на вашихъ доломаныхъ, а шамъ будешь довольно шейло, чптобы драшья на разпашку. Впрочемъ, когда до того дойдешь дѣло, я буду спрѣляшъ послѣдними своими франками!“ —

Офицеры шумѣли и радовались, будто на канунѣ гулянья; забытый ими огонь спадалъ, и только вздуваемый въ-промя, сыпалъ искры и порою освѣцалъ дремлющихъ гусаръ, половину верхами, половину у ногъ коней.

„Опъ чего вы такъ грустны?“ съ участиемъ спросилъ Лидинъ у Подполковника, который неподвижно споялъ, опершись на длинную саблю свою, ничего не видя и не слыша. — Я неизлѣчимо болѣнъ воспоминаніемъ тяжкихъ потерь моихъ, опвѣчалъ онъ; и теперь, добрый мой Лидинъ, мнѣ казалось, будто я бесѣдую съ другомъ моимъ Владовымъ; и

послѣднее наше свиданіе оживилось передъ глазами моими. Это было передъ Капцбахскихъ сраженіемъ: какъ шеперь, дулъ холодный вѣтеръ отъ Сѣвера; какъ шеперь шуманъ сшалася въ лощинахъ и мы съ Владовымъ, покрытые одною буркою, безмолвно лежали у огонька. „Вѣришь ли ты предчувствію?“ Спросилъ онъ меня. Я улыбнулся. „Другъ мой, продолжалъ Владовъ, ты знаешь, суевѣренъ ли я, ты видалъ, боюсь ли я смерти; но шеперь какой-то неопступной голось швердишь мнѣ: *ты будешь убитъ!*“ . . . Голось, кошорымъ говорилъ Владовъ, навель на меня ужась . . . „Впрочемъ, если это предчувствіе необманчиво — я радъ; жизнь изшомила меня. Неудивляйся, Мечинъ, что другъ швой, сбросивъ съ себя покровъ шупочной философіи, окажется шеперь въ мрачномъ своемъ видѣ. Я нехощлъ двоить шоски швоей, своею; но шеперь, на порогѣ смерти, открою шебѣ всю душу свою. . . . Слушай: Я любилъ — это еще не рѣдкость; мнѣ измѣнили, Мечинъ, и это весьма обыкновенная вещь; но надобно было любить, какъ

я, чтобы почувствовать, подобно мне, всю жестокость измены. — Друг! я бы простил это неопытной девушке, которая при первом трепетании сердца, при первом румянце щеки уверяешь себя, будто она любит — и глаза ее говорят то, что она когданибудь почувствует. Я бы мог простить это взысканной кокетке, которая из тщеславия, или для забавы, швердитъ каждому недурному собой: *люблю тебя!* Но могу ли извинить девушку, исполненную свѣтлаго ума, далекую отъ всѣхъ предразсудковъ, одаренную всѣми качествами, всѣми прелестями и душой, открытою для чувствъ возвышенныхъ! . . . Сходность мнѣній насъ сблизила, пламень сердца и мечтательность породили любовь. Я уже позабылъ нарѣчіе любви, и потому скажу просто: мы любились, мы разумѣли другъ друга; насъ одно радовало, одно огорчало, . . . и не разъ слышалъ я уверенія, что она можетъ быть счастливою только со мною. — И этакъ Идеаль мой фантазіи — плѣнился Генеральскими эполетами, — и этакъ-то

Ангель на земли, она, — имѣла сполько коварства, чшобы скрывать эшо; имѣла рѣшимость меня обманывать, и въ то время, когда гошовилась отдашь мнѣ руку — сердце ее принадлежало уже другому. — Другъ! эшо опрокинуло мою нравственность; я безумствовалъ, и съ эшихъ поръ возненавидѣлъ женщинъ. — И можно ли довѣрять имъ счастье жизни, когда ихъ мнѣнїя, ихъ желанїя, ихъ спраспи — основаны на прихоти? Для нихъ сотворены моды, а не чувства; онѣ умѣють нравиться, но не любить; имъ незнакомо высокое ощущение, бышь любимой человѣкомъ съ благороднымъ характеромъ: съ шѣхъ поръ прошло много времени; бывало, иногда, я забывался сномъ надежды подлѣ милой красавицы, бывало, какое-шо сладостное чувство просыпалось вновь въ груди моей — но разумъ шепсаль: *вспомни ее*, и я опсывалъ опъ сердца льстивую мечшу, и испуганный, бѣжалъ далеко, далеко, куда глаза глядять, покуда безнадежность вновь неохватывала сердце.

„Я желалъ опдохнуть душею между людьми, къ которымъ принесъ брашскую довѣренность и весь жаръ быть поле-зень имъ. — И чтоже? люди оправдали опасашокъ моего покоя. — Однимъ словомъ, Мечинъ, кшъ испышалъ измѣну прелестной, можешъ быть наилучшей изъ женщинъ, шопъ вѣрно презираешъ и любовь и ненависть женщинъ; кому случалось часто видѣшь и разглядѣшь вблизи низость и ничтожество мужчинъ, шопъ вѣрно потерялъ уваженіе къ человѣчеству — а безъ этого жить тяжело, несносно.

„На утро мы были въ дѣлѣ. Полкъ при разѣ ходилъ въ атаку, но Владовъ оспался невредимъ. — Мой эскадронъ между тѣмъ послали преслѣдовать сбиваго непріятеля. Возвращаясь къ полку, я опспалъ опъ фронта, чтобы прямикомъ проѣхать въ Шшабъ съ рапортомъ. Смотрю — подлѣ дороги лежишь раненой Гусарской Офицеръ: я спѣшу къ нему — и чтожь? . . . это Владовъ. Рядомъ съ нимъ поверженъ былъ убитый конь его. — Онъ самъ опершись на обломокъ сабли, глядѣлъ на кровь, кощорою исходилъ.

Глаза его спали, лице подернулось смерпною синевою. — Мой вопль возбудилъ друга, онъ приподнялъ голову, улыбнулся, хохлъ подл. . . мнѣ окровавленную руку; но она упала, какъ свинцовая. — Другъ! сказалъ онъ тихо . . . мое предчувствіе сбылось, — мое желаніе исполняется, я — умираю . . . Онъ замолкъ; кровь проспунала сквозь меншикъ, — я опъ ужаса и сожалѣнія не могъ промолвишь слова. Смотри, сказалъ онъ опянь, смотри, Мечинь, какъ капля по каплѣ испощаепся во мнѣ жизнь, какъ поспепенно густѣеть и холодѣеть кровь моя: еще капля, еще минуша — и меня нестанеть! Люди говорятъ, будшо умирашь шяжело; но прошедшее и будущее принадлежашъ не намъ, а шеряшь наспоящее ужели мы непривыкли? . . . Онъ спихаль; я плакаль на взрыдь; и могъ ли не плакашь я, когда мой ангель ушѣшишель, шопъ, который былъ для меня все на свѣшѣ, покидалъ меня? — Не плачь, продолжалъ онъ, шяжко переводя духъ: не жалѣй меня, пошому, что на землѣ я жалѣю шолько о дружбѣ. — Я неумѣль жить, за по

умью умереть . . . Въ это время я под-
ложилъ ему подъ голову пашку свою,
чтобы ему было покойнѣе . . . и глаза
Владова засверкали, упавъ на вышипаго
орла. Россія! . . . родина! . . . вскричалъ
онъ . . . Мечинь! прости. . . . “ —

Александръ Бестужевъ.

ОТКРОВЕННОСТЬ МОЛОДОЙ ДѢВУШКИ.

Fallere credentem non est operosa
Puellam gloria.

Ovid. lib. II.

Во всякомъ возрастѣ бывають счастливыми приключенія: но дружба пятнадцати лѣтней дѣвушки, опкровенной — какъ невинное дитя, прелестной — какъ Ангель и хитрой — какъ сапана, съ спарикомъ, которому близко семидесяти — есть самое изъ нихъ рѣдкое. — Это рѣдкое приключеніе судьба готовила мнѣ. — Я теперь переселился въ Парижъ и живу въ огромномъ домѣ; но квартаира моя весьма не велика и находишся шакъ низко, что окна ея равняются съ землею (au rez de chaussée). — Здѣсь подружился я съ шюю необыкновенною дѣвушкою, ко-

порой свойства изобразилъ выше сего въ нѣсколькихъ словахъ, и успѣлъ уже ошь нее узнать, что она внучка Г-жи Лорисъ, владѣтельница дома, и еще въ дѣтствѣ осталась сиротою. — Сія Г-жа, съ того времени; какъ лишилась спаршей дочери, копорая умерла съ печали по своемъ супругѣ, — (Генералъ опличныхъ доспосинствъ, убишомъ въ сраженіи подъ Аусперлицемъ) воспитываешъ внучку свою у себя, какъ нѣжная мать. — Ида еспъ чудо, во всемъ значеніи сего слова. — Едва только успѣла выдти изъ дѣтства, и уже обладаетъ всѣми прелеснями юности и судитъ шакъ здраво, какъ чловкъ зрѣлыхъ лѣтъ, наученный опытностію. Низкія окна моей комнашы, обращенныя къ саду, служатъ для нее дверью; прогуливаясь шамъ каждое утро, часто приходитъ она поговоритъ со спарымъ своимъ пріятелемъ — *Робинзономъ*. — Симъ именемъ зовешъ мена одна только Ида! — Послѣдній нашъ разговоръ зашавилъ ее обнаружитъ всѣ способности ума, превышающаго ея возрастъ. Она дѣлала споль острья замѣчанія, что я, у-

державъ ихъ въ памяти, въ потъ же день записаль у себя въ книжкѣ, сколько могъ подробности. Въ это утро она поспучалась у окна ранѣе обыкновеннаго.

П. (отворяя окно).

Что такъ рано, любезная Ида? Въ эти часы приходилъ къ вамъ учитель Исшоріи!

И д а.

Онъ вчера сказалъ, что ко мнѣ небудеть. — Сего дня заговѣнье, — а эшотъ день онъ обыкновенно празднуеть съ своими домашники. Пользуясь его отсутствіемъ, пришла было заняться съ бабушкой; но въ то самое время входитъ къ ней Г-жа Галліоль, — и я поспѣшно ихъ оставила.

П.

Развѣ вы не любите эту Г-жу?

И д а.

На прошивъ, очень люблю; но на эшотъ разъ не могла остаться при ней, потому, что боялась увеличитъ ея горесъ. — Г-жа Галліоль недавно лишилась дочери, однихъ лѣтъ со мною.

П.

Какъ же вы постигли пайну эпой горесши?

И д а.

Воображая себя на мѣсцѣ шой, копорая ее чувствуетъ.

П.

Чтобы знать всю цѣну такой горести, надобно имѣть поняшїе и о томъ родѣ счастья, ошъ потери коего происходитъ она; но это приобрѣщается шочно шакъ же, какъ и поняшїе о всѣхъ вещахъ — одною шолько опышношїю. —

И д а.

А я васъ увѣрю, что мы дѣвушки шасшо показываемъ видѣ, будшо учимся шому, что давно уже намъ извѣшно. По мнѣнїю многихъ, мы видимъ шолько шо, что намъ показывающъ учимся и слышимъ одни шолько ихъ шолкованїя. Многие полагающъ, что мы ошпаемся на всегда въ предѣлахъ нашего воспитанїя и ошказывающъ намъ въ способношїи думать, размышляшъ и выводимъ заключение, безъ посторонняго руководства. — Признаюсь, мой другъ! я и сама гораздо

лучше знаю то, чему меня еще не учили. —

П.

Какимъ же образомъ вы учились сами собою?

И д а.

Я безпрестанно сравниваю преподаваемые мнѣ наставленія съ шѣми примѣрами, коихъ ежедневно бываю свидѣтельницею, и изъ противорѣчій, рождающихся опъ сего въ моемъ умѣ, извлекаю истину, копорую попомъ спараюсь хранишь, какъ самую важную шайну.

П.

Не спѣши, дочь моя, учишься наукъ свѣша! — Истинны ея подобны сѣмянамъ, копорыя никогда не принесушь плода, ежели не посвѣшь ихъ въ надлежащее время. — Воспитаніе показываешь намъ общество въ шомъ самомъ видѣ, въ какомъ оно бышь должно.

И д а.

Для чего же показываюшь намъ его не въ наспоющемъ его видѣ; для чего неволью заспавлиюшь насъ замѣчать вечеромъ поступки, совершенно прошив-

ныя пому, что намъ говорено было упрямъ и правила обращенія, совершенно противорѣчація образу нашего воспитанія? — Во всѣхъ учебныхъ моихъ книгахъ нахожу толкованія о превосходствѣ душевныхъ качествъ предъ плѣсными, во всѣхъ, — наставленія о предпочтеніи прочныхъ добродѣтелей пріятнымъ дарованіямъ: вхожу въ залу — тамъ хвалящъ только сиротный мой спанъ, правильныя черныя лица и прелестный голосъ. — Кажется, я добросердечна, крошка и поспойна въ характерѣ; но никому еще на мысль не приходило хвалить меня за эти качества.

Когда во время нашихъ занятій съ бабушкою, вспрѣвшись что нибудь о любви; она какъ огня боится этого слова, и всегда объ немъ умалчиваетъ: но съ учителемъ пѣнія, сто разъ случится мнѣ повторить при каждой музыкальной нотѣ, — и по Французски и по Италіански: *любовь есть верховное благо, безъ него невозможно жить на свѣтѣ; только любя, можно вполне наслаждаться счастьемъ.* — Въ вечеру везущъ меня въ О-

перу. Тамъ вижу Веспалку, копорая не боишя шого, что ее зарюють живую въ могилу и даже охотно рѣшается пожертвовашь жизнью за одну минушу, посвященную любви. Куда бы я ни пошла: вездѣ говоряшъ о любви, — поюшъ о любви, вездѣ ее славяшъ и о ней только печалашя; да и сама бабушка увѣрена въ томъ, что я понимаю значеніе слова *любовь*, ибо ей извѣстно, что я выучила наизусть всю седьмую книгу *Телемака*.

II.

Слѣдственнно вы знаете и то, что сія еспрасшъ должна бышъ управляема благо-разуміемъ; иначе она дѣлается источникъ всѣхъ безпорядковъ общественныхъ, бѣдспвій семействъ и обращается въ позоръ шѣмъ, копорые предаюшя ей.

И д а.

Я въ томъ увѣрена, любезный Робинзонъ! — Но признайшесь, когда молодая дѣвушка замѣчаешъ со вниманіемъ все, что во кругъ ее происходишъ и слушаешъ все, что говоряшъ: то незаслуживаешъ ли, чтобы ее любили? Какъ бы вы ошвѣчали на то, если бы кто вамъ ска-

*

заль: любовь соснавляетъ необходимую связь и прелестъ обществъ; — она есть первѣйшій источникъ для разговоровъ, цѣль всѣхъ желаній и главный предметъ всѣхъ пріятныхъ искусствъ. Она должна соснавлять счастье семействъ; — кпо служить въ ней образцомъ, пошъ бываетъ принята вездѣ съ особеннымъ расположеніемъ и ласкою. Безсомнѣнія она много способствуеетъ и къ славѣ; — пошому, что получаемый въ ней успѣхъ называющъ побѣдою.

II.

На это могъ бы я, другъ мой, отвѣчать такимъ образомъ: языкъ обществъ не просширается далѣе оныхъ и кпо бываетъ хорошо принята въ свѣтѣ, не всегда пользуется опличнымъ уваженіемъ; а слова, въ нихъ употребляемыя, подобны въ назначеніяхъ своихъ маркамъ въ карточной игрѣ, коихъ цѣна зависить отъ произвола игроковъ и уничтожаеетъ вмѣстѣ съ окончаніемъ игры.

И д а.

Теперь я довольна вашимъ уподобленіемъ; но когда выйду за мужъ, по вы

услышите отъ меня на эшотъ предметъ множесшво такихъ возраженій, копорыя вамъ уже не такъ легко будете опровергнуть. Въ то время мнѣ будетъ легче спрашивать, и вамъ отвѣчать. — Я думаю, что не скоро найдете словъ къ оправданію и другихъ противорѣчій, о копорыхъ спанемъ тогда съ вами разсуждашь.

Съ тѣхъ поръ, какъ начала себя поминишь, всѣ мнѣ твердятъ, что бѣдной, но честной человекъ заслуживаетъ почщеніе, а богачъ, копорой пріобрѣлъ богатство несправедливостью, презрѣніе. Вы много разъ обѣдали у моего дядюшки съ Г-мъ Аршелемъ и Мальяромъ. — Кажешся, никло изъ честныхъ людей не можешъ бышь бѣднѣе перваго; и напрошивъ, ни какой росповщикъ не сравняется богатствомъ съ послѣднимъ. Но вы сами замѣшили, что Мальяръ сидитъ за столомъ всегда на первомъ мѣсшѣ, а Аршель всегда на шомъ, копорое я осшавляю для него подлѣ себя.

Вы знаете обѣихъ моихъ шешушекъ, и мнѣніе, какое имѣютъ люди о каждой

изъ нихъ. — Г-жа Монжене можетъ служишь примѣромъ добродѣтели. — Она пожертвовала всѣмъ своимъ имѣніемъ, на исполненіе обязанностей супруги; обязанности матери составляютъ для нее все удовольствіе и счастье: — но живетъ въ неизвѣстности и почти въ бѣдности. — Сестра ея, Графиня Эссениль, избрала совершенно прошивную дорогу: — но вездѣ ее принимаютъ, всѣ ищутъ ея знакомства; она имѣетъ первое мѣсто въ лучшихъ обществахъ; она богата, въ почестяхъ и даже могла приобрести себѣ почтеніе. Я знаю что не должно такъ вести себя, какъ Г-жа Эссениль; но признаюсь, не хотѣла бы имѣть участи Г-жи Монжене.

Безпрестанно твердятъ, а особливо намъ, молодымъ дѣвушкамъ, чѣобы мы вели себя благоприсойно, были скромны въ обращеніи и оспорожны въ разговорахъ. — Мнѣ стоило весьма большаго труда приобрести эти два послѣднія качества; ибо къ несчастію, характеръ мой былъ имъ противоположенъ: — но ни оцъ кого не слышу за то похвалы. —

Дворянская моя сестра Адель, всегда спарается блистать качествами, совершенно противными тѣмъ добродѣтелямъ, кои почищаются лучшимъ украшеніемъ нашего пола: — но всѣ осыпающъ ее похвалами, всѣ отдающъ ей преимущество передъ ея подружками.

Законъ природы, Религіи и воспитанія повелѣваетъ почищать людей, дожившихъ до старости. — Что касается до меня, то я не нахожу ничего пріятнѣе исполненія этой обязанности въ отношеніи къ вамъ и бабушкѣ: но послушайте, съ какимъ презрѣніемъ говорятъ другіе о старыхъ людяхъ! — Ихъ чуждаются, оставляющъ безъ помощи и даже обращаютъ въ посмѣяніе свойственныя имъ слабости! — Я незнаю еще, чему смѣюсь, когда начну говорить, что я васъ люблю и хотѣла бы имѣть своимъ мужемъ; но гошова биться объ закладъ, что смѣются надъ вами.

II.

Вы и сами будете смѣяться, когда узнаете шому причину.

И д а.

Разговоръ нашъ никогда бы, кажешся, некончился, ежелибъ я спала повѣряшь вамъ всѣ мои тайны, Чшо скажете вы, на примѣръ, о случившемся со мною въ прошедшее воскресенье? — Первые годы дѣтства провела я съ Аннешой, дочерью горничной женщины, которая ходила за маменькой. — Одинакій возрастъ и воспитаніе въ одномъ пансіонѣ были причиною взаимной нашей дружбы. — Прошло уже около чепырехъ, или пяти лѣтъ, какъ я распалась съ нею, и съ тѣхъ поръ ни разу ее не видала, потому, что она, вышедши изъ пансіона, жила все это время въ деревнѣ. — Вы можете судить, съ какимъ удовольствіемъ мы опять увидѣлись! Все упрое проговорила я съ Аннешою въ моей комнатѣ; — пришло время итти къ сполу. Мнѣ очень хотѣлось, чшобы она опобѣдала вмѣстѣ со мною: но Аннета не соглашалась и говорила мнѣ, чшо должно выпросить на шо позволеніе у бабушки. Услышавъ это, я въ тотъ же мигъ побѣжала къ бабушкѣ, ни мало не думышляя, чшо

въ шеперещія мои лѣща не будетъ уже для меня прилично то, что казалось прилично тогда, когда я была ребенкомъ. Но мое ожиданіе не исполнилось; я получила отъ нее отказъ. — Она сказала, что Аннети должно послать объѣдать въ людскую.

Сколько я ни говорила, что Аннета была подругою моего дѣтства, что она мила, хорошо воспитана, что я называла ее моимъ другомъ; — сколько ни старалась я припоминать бабушкѣ собственныя ея слова, которыя она мнѣ часто швердила: шщеславіе есть самой смѣшной, самой несносной изъ всѣхъ пороковъ; но на все слышала однѣ только разсужденія, коими хотѣла она доказать, что я худо воспользовалась ея наставленіями. — Наконецъ, слезы и просьбы сдѣлали ее снисходительною. — Она позволила мнѣ отобѣдать съ Аннетою — только въ моей комнатѣ. Прощаясь, Аннета увѣряла меня, что если я приѣду къ ней въ деревню, то буду обѣдать вмѣстѣ со всѣми ея домашними. “

Ида разсуждала обо всемъ чрезвы-

чайно основательно. Нѣкоторые изъ ея возраженій были шакъ замысловашы, что иногда я приходилъ въ замѣшательство, не зная, какъ ихъ опровергнушь; однакоже, на послѣдокъ, далъ ей почувствовать, что большая часть противорѣчій, замѣченныхъ ею въ образѣ воспитанія и въ обычаяхъ, имѣють одну только пѣнь вѣроятія; объяснилъ ей, что причины, копоры заспаваютъ людей по видимому ошелупають отъ строгихъ правилъ нравственности и Религiи, суть личная выгода, учтивость, приличіе и общественныя отношенія, и доказалъ наконецъ самими убѣдительными примѣрами, что только соблюденіемъ сихъ правилъ можно снискаеть общее отъ всѣхъ уваженіе, безъ коего нѣтъ истинныхъ удовольствій, пѣмъ менѣе прочнаго счастья.

(Изъ I Части *L'Hérmitte de la Guiane*).

Д. Вськеѣ.

К Р И Т И К А.

О РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

СТАТЬЯ I.

Воображеніе, усыпающее цвѣтами
тернистый путь нашей жизни, есть са-
мая прихотливая способность души че-
ловѣческой. Оно скучаетъ однообразіемъ,
ищетъ всегда новаго и тогда только
вполнѣ наслаждается, когда находишь
нѣчто дошолѣ ему незнакомое. Часно
мы видимъ людей, копорые подвер-
гаются опасностямъ въ дальнихъ и
трудныхъ путешествіяхъ, для того
только, чшобъ увидѣшь что нибудь но-
вое, или прежде ими невиданное; еще ча-
ще случаетъ намъ встрѣчатъ шакихъ,
копорые, по образу ихъ воснипанія, бо-

ась мертвецовъ и привидѣній, съ жадностію слушають повѣсти о сихъ спрашилищахъ, хотя волосы у нихъ спановяшся дѣломъ опъ такихъ разеказовъ. Но нигдѣ воображеніе не показываетъ столько своенравія, какъ въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ. Здѣсь оно рѣшительно опмешаетъ все обыкновенное, желаетъ и ипробуетъ только новаго, небывалаго. Не слѣдуя за нимъ по всей области сихъ искусствъ, обратимъ вниманіе нашихъ читателей на самое обширнѣйшее и богатѣйшее изъ всѣхъ — на Поэзію.

Гдѣ болѣе разнообразія, какъ не въ Спихотворствѣ? По формамъ своимъ, оно раздѣляется на четыре главные рода (Эпическій, Лирическій, Драмащическій и Дидакщическій); но сколько подраздѣленій въ каждомъ изъ сихъ родовъ, сколько измѣненій, опщѣнокъ въ каждомъ подраздѣленіи! Казалось бы, гдѣ болѣе пици, даже роскоши для воображенія? Но крылашое и своенравное, оно пролетѣло уже весь сей рядъ подраздѣленій, измѣненій и опщѣнокъ, оно пресышилось уже

ихъ впечатлѣніями — и наскучило ими. Новой пищи, новыхъ наслажденій оно пребуешь — и обвиняешь Поэзію классическую въ пѣснопѣ ея предѣловъ.

Не должно однакожь въ семь случаѣхъ строго судить воображеніе. *Изыщныя*, или *свободныя* искусства, имъ и для него созданныя, перестаютъ бытъ *свободными*, когда ихъ пѣснятъ ярмомъ правилъ условныхъ. Въ природѣ нравственной и физической — многое нравится безусловно. Часто мы не можемъ дать себѣ отчета, по чему такое лицо, или такое мѣстоположеніе привлекаетъ, и можно сказать приковываетъ наши взоры? — Эта безусловная прелесть еще болѣе ощущительна въ Поэзіи. Мы пленены, очарованы стихопвореніемъ, которое, при строгомъ разборѣ, представляетъ намъ явное нарушеніе многихъ правилъ, пребуемыхъ приверженцами Поэзіи классической. Что же составляетъ эту безусловную прелесть Поэзіи? — Вопросъ затруднительный; но почему же не попытаться отвѣчать на него? Миѣ кажется, что сія прелесть состоитъ въ но-

воспи, неожиданности мыслей, картинъ, положеній драматическихъ и выраженій, кошорыми Поэтъ шѣмъ сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, чѣмъ менѣе мы были къ нимъ пригошовлены. Въ Поэзіи классической, принимая ее въ шомъ смьслѣ, какъ Французы ее разумѣють, мы почти на передѣ угадываемъ, какія пособія упошребитъ Спихошворецъ, чшобы насъ *разтрогать*, или *убѣдить*. По сему впечатлѣнію, ею производимыя, скользятъ на нашемъ воображеніи, не оспавляя по себѣ слѣдовъ глубокихъ, ибо они подчинены холодной кришикѣ ума, съ кошорою мы слѣдуемъ за Писателемъ, будшо подглядывая, шакъ ли онъ выполнилъ свое намѣреніе, какъ желалъ, или какъ мы были въ правѣ опъ него ожидать? Поэзія не Архитекштура, гдѣ спрогой глазомѣръ съ точностию повѣряетъ всѣ совершенства и погрѣшности симетрии. Измѣряя масштабомъ и циркулемъ каждый спихъ, каждое выраженіе, каждый порывъ Генія — мы ошдадимъ шолько холодную дань удивленія шому, кто выполнилъ всѣ условія, пребуемыя правилами

ми Аристофелевскими; но сей чистый
воспоргъ, сіе быстрое пламя огня небес-
наго — духъ Поэзіи, никогда насъ не со-
грѣшитъ и не вознесетъ душу нашу въ
спрану очарованій, въ міръ духовный!

Спранно, что Французы, одаренные
пламеннымъ воображеніемъ и спрасные
къ свободѣ, подчинились въ искусстввахъ
раболѣпнымъ условіямъ, и счишаютъ ош-
супленіе ошъ нихъ за дерзкое наруше-
ніе идеальной красоты и совершенства.
Причина тому, можетъ быть, что у
сего народа правила предшествовали об-
разцамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Буало из-
далъ свой спихотворный *Кодексъ* для
Спихотворцевъ, всякой школьникъ счи-
таетъ себя въ правѣ судить и рядить
по оному. Въ живописи хотя вкусъ Фран-
цузовъ и измѣнялся, но всегда была у
нихъ какая нибудь ограничивающая чер-
та, за которую никто не смѣлъ пере-
супить, — и Геній долженъ былъ или
дремать, или спать брести путемъ да-
рованныхъ обыкновенныхъ. Песпрыя кар-
тины школы Лебрёновой, спашуйныя
положенія тѣла и слишкомъ вынужден-

ныя дѣйствія свѣта и тѣни въ картинахъ новѣйшей ихъ школы — суть явныя тому доказательства. Тоже самое было и есть съ ихъ музыкой: сами они смѣются реву и крику большой своей Оперы, и не перестаютъ реветь и кричать (*), потому что это увѣковчено давностью. По какой-то неизяснимой игрѣ Природы, Французы, непостоянные во многихъ другихъ отношеніяхъ, постоянны именно въ тѣхъ предметахъ, которые болѣе всего требуютъ новосши и разнообразія.

Еще спрашивается, что до преобразования Французскаго языка, въ самыхъ Стихотвореніяхъ Трубадуровъ Провансальскихъ, мы не находимъ той смѣлости, той свѣжести мыслей и выраженій, которыхъ бы можно ожидать отъ вѣковъ Рыцарскихъ и отъ языка, болѣе способнаго къ Стихотворству, нежели нынѣшній Французскій, и незаключенному въ столь тѣсныя границы. Изъ множества стихо-

---

(*) C'est la vache qui galoppe, говорилъ Ж. Ж. Руссо о Французской музыкѣ.

твореній того времени, приводимыхъ Ренуаромъ въ его книгѣ: *Des Troubadours & des Cours d'Amour*, мы видимъ, что почти всѣ они сходны между собою, почти всѣ посвящены любви и вздохамъ. Въ нихъ видно чувство, но мало воображенія, мало Поэзіи. Удивительно, что близкое сосѣдство Мавровъ, которыхъ Поэзія блистала всѣми роскошными красками Востока, не имѣло ни какого вліянія на Стихотворство Трубадуровъ и не отразилось въ ихъ произведеніяхъ. Переведемъ одно изъ нихъ, чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о Французской Поэзіи среднихъ вѣковъ. Это Стихотвореніе Гарень-лѣ-Брѣна (*Garin le Brun*), отличающагося отъ другихъ своею замысловатостію.

„Разсудокъ ласково и крошко говоришь мнѣ, чтобы я въ поискахъ моихъ слѣдовалъ правиламъ благоразумія; Глупость пропившись тому, увѣряя, что если я слишкомъ полежусь на ея соперника, то никогда ничего не выиграю.

Часть XXIII. Кн. I.

4

„*Разсудокъ* преподалъ мнѣ такіе уро-
 „ки, копорымъ слѣдуя, могу избѣгнушь
 „опгъ пошеръ, заблужденій, спраспи къ
 „игрѣ и многихъ заботъ. Если я чего
 „пламенно желаю, шо могу упаишь, или
 „вовсе изпребишь мое' желаніе.

„*Глупость* опнимаешь у меня раз-
 „сужденіе и говоришь, что я не долженъ
 „излишнею спрогосшью къ самому себѣ,
 „неволишь мою волю; что еесли я поль-
 „зуюсь случаемъ, не моя въ томъ вина.

„*Разсудокъ* мнѣ совѣшуесть не при-
 „лѣпляться къ женщинамъ, не пылашь
 „къ нимъ любовью; и когда я прилѣп-
 „люсь къ одной, шо долженъ выбрашь
 „осмопришельно и благоразумно; ибо ес-
 „ли буду влюбляшься въ каждую, шо
 „скоро погибну.

„*Глупость* налагаешь на меня дру-
 „гой законъ; она хочешь, чтообъ я опдал-
 „ся ласкамъ и привѣшамъ, какъ спрасшь
 „мнѣ совѣшуесть; ибо если я не буду на-
 „слаждашься удовольствіями, копорыя
 „опгъ меня зависяшь, — шо лучше за-
 „ключишься въ кельѣ.

„*Разсудокъ* говоришь мнѣ: не будь

„скупъ, не мучь себя, накопляя богатства; не разпочай на безразсудные дары по, что имѣешь. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ я раздавалъ все, что вздумаешь, къ чему бы послужила такая щедрость?

„Глупость увивается около меня и дергая за носъ, говоритъ: другъ! завтра, можешь быть, ны умрешь; а когда тебя положатъ въ могилу, тогда на что тебѣ богатства? Разпочай ихъ по своимъ прихошамъ!

„Разсудокъ тихо и ласково твердитъ мнѣ, чтобъ я наслаждался жизнью не спѣша и умеренно; а Глупость говоритъ: къ чему? Спѣши, наслаждайся, сколько можешь; роковая минута приближается.“

Это Поэзія ума, а не сердца и воображенія. Здѣсь мы видимъ правильность мыслей, обдуманнхъ доводовъ; но напрасно будемъ искашь впечатлѣній, производимыхъ истинною Поэзіей. Вообще Снихопворенія Трубадуровъ доказываютъ ихъ оспроуміе, искусство выражать свои чувствованія и владѣшь языкомъ; но можно ли заключить Поэзію въ сіи

тѣсныя предѣлы? Поэзію, копорая, подобно быспрому пошоку, часно снреминся по негладкимъ пушямъ, и ненаходя ни въ чемъ себѣ преградъ, увлекаешъ все за собою?

Съ шѣхъ поръ, какъ Французы ввели на своемъ Театрѣ правильную Трагедію (*), слухъ ихъ почти исключительно приучился къ именамъ Царей, Цариць и Героевъ Греческихъ. Первые опыты ихъ въ семъ родѣ, были подражанія Грече-

(*) До половины XVI вѣка, у нихъ представлялись только такъ называемыя *таинства* (Mystères), принесенныя во Францію странниками, ходившими на восшокъ для поклоненія Святымъ мѣсцамъ. Предметы для сихъ *таинствъ* были всегда избираемы изъ Священнаго Писанія. Театръ Испанскій также долгое время представлялъ подобныя зрѣлища, подъ названіемъ *Дѣяній Священныхъ* (Autos Sacramentales); чему и мы имѣемъ образцы въ твореніяхъ Симеона Полоцкаго и еще нѣкопорыхъ Россійскихъ Писателей, жившихъ въ XVII, и даже въ началѣ XVIII вѣка.

скимъ Трагедіямъ. Корнель первый рѣшился нарушить сіе правило изключенія, давъ право гражданства на Французскомъ Театрѣ Сиду, заимствованному изъ Театра Испанскаго. Сію Трагедію можно называть, въ нѣкоторомъ отношеніи, первою Романтическою Драмой на Французскомъ языкѣ. Расинъ послѣдовалъ Корнелю въ томъ, что не выбиралъ раболѣпно изъ одной Греческой Исторіи. Бышописенія Римлянъ и Евреевъ доставили ему предметы для двухъ прекраснѣйшихъ его Трагедій: Бришанника и Говелии. Вольтеръ еще болѣе показалъ смѣлости и рѣшимости, представивъ на Французскомъ Театрѣ произшествія изъ Исторіи среднихъ вѣковъ и своего опечеснва, въ Трагедіяхъ: Танкредъ, Аделаида дю-Гекленъ и пр. Нѣкоторые изъ послѣдовавшихъ Спихотворцевъ также дѣлали сіи опступленія; но вообще вкусъ Французовъ рѣшительно былъ на сторонѣ Трагедіи Греческой, т. е. Трагедіи, въ которой имѣна и произшествія взяты изъ древней Исторіи. Герои Троянской войны, и предпочтительно предъ другими, вѣчная дина-

сшія Анпридовъ, завладѣли почти всею областью Французской Мельпомены. Это подало мысль оспроумному *Берну* пошупши въ Сапирѣ своей: *Les Grecs et les Romains, надъ симъ изклогительнымъ правомъ* (*).

Мы часно говоримъ, вѣря Французамъ, что у нихъ введена Греческая Трагедія, и не входимъ въ дальнѣйшія объ этомъ разсужденія. Но что Французы разумѣють подъ Греческою Трагедіей? — Соблюденіе шрехъ единспвъ, и, какъ я выше сказалъ, имяна и произшесствія, взяшья изъ древней Испоріи. Взглянемъ

(*) Ce fut bien pis encor quand je fus au Théâtre:
 Je n'entendix jamais que Phédra, Cléopatre,
 Ariane, Didon; leurs amans, leurs époux,
 Tous Princes euragés hurlant comme des
 lous;
 Rodogune, Jocaste, et puis les Pélöpides,
 Et tant d'autres héros noblement parricides...
 Et toi, triste famille, à qui Dieu fasse paix,
 Race d'Agamemnon, qui ne finis jamais,
 Dont je voyais partout les querelles antiques
 Et les assassinats mis en vers héroïques. . .

Berchoux.

пристальнѣе на характеры сихъ Еллино-Французскихъ Героевъ, и мы увидимъ въ нихъ условную вѣжливосль и свѣпскосль Кавалеровъ Двора Людовика XIV, или Людовика XV. Нѣпть шой обнаженной, такъ сказашь, Природы (*), копорая была характериспическою черпою древней Трагедіи. Ахилль, со всею пылкоспію своего нрава, какъ будто боищя промолвищяся: эшо не Ахилль Гомеровъ, буйный и неукрошимый, а Конде, или Вилларъ, запынупый въ лапы и гнуційся подь шлемомъ, копорый, въ жаркомъ спорѣ своемъ съ Агамемнономъ, ни на минушу не позабываелся, не выходилъ изъ себя, и кажешя, держилъ на всякой случай въ запасѣ нѣскольго комплименшовъ.

(*) Многіе изъ Писателей Французскихъ утверждали, что она неприлична ихъ Драматической Поэзіи. Шамфоръ явно возсисавалъ пропивъ подражанія Природѣ въ Трагедіи Французской, а Вольтеръ осмѣивалъ сіе подражаніе въ Трагедіи Шекспировой.

Разсматривая внимательно стихотворныя произведенія Французовъ, легко можно замѣтить, что господствующая у нихъ Поэзія — есть Поэзія Дидактическая. Кромѣ множества Поэмъ и мѣлкихъ Стихотвореній, собственно ей посвященныхъ, кромѣ Поэмъ описательныхъ, въ которыхъ она занимаетъ почетное мѣсто, — мы встрѣчаемъ ее во всѣхъ прочихъ родахъ Поэзіи Французской: ею наполнены опыты Французовъ въ Эпическомъ Стихотворствѣ (*); она опъывается въ ихъ Одахъ и другихъ Лирическихъ стихотвореніяхъ и она же проглядываетъ въ Поэзіи Драматической (**). Эпо доказываетъ наблюдательный умъ Французовъ; но съ другой стороны открываетъ опчаспи причину той сухости и холодности, которыми, смѣло можно сказать, составляютъ опличительную черпу ихъ Поэзіи.

(*) Вся *Петреида* Томаса есть почти собственно Дидактическая Поэма, хотя предметъ ея приличенъ болѣе Поэзіи Эпической.

(**) Особливо въ такъ называемой *характерной Комедіи* (*Comédie de Caractère*),

Здѣсь у мѣста повторить извѣстный Афоризмъ, что нѣтъ правила безъ исключенія. И у Французовъ, между многочисленнымъ Поэтовъ, подчинившихся правиламъ такъ называемой классической Поэзии, выказываются иногда также, которые сбросили съ себя иго условій неопуступныхъ. Однимъ изъ сихъ смѣлыхъ почиаю я пылкаго Парни. Въ Поэмѣ своей: Исмель и Аслега, онъ проложилъ себѣ дорогу совершенно новую и разсыпалъ свѣжис, блестящя цвѣшы на угрюмыя скалы снѣжной Скандинавіи. Эша Поэма можеть назваться первою Романтической Поэмой во Франціи. Шапобрианъ, котораго проза есть часшо Поэзія безъ Стихотворной мѣры и риѣмъ, можеть также, по выбору предметовъ, смѣлости выраженій и цвѣшистому слогу, причестся къ Писателямъ Романтическимъ. Непомуценъ Лемерсье (Néromucène Lemercier) нѣкошорымъ своимъ Трагедіямъ далъ совершенно-Романтическую форму, хошя въ отношеніи къ слогу онъ не показываешъ равной смѣлости,

Теперь, кажется, Французы сами почувствовали тѣсношу предѣловъ своей Поэзіи и производящую ошъ шого блѣдностъ и однообразностъ ихъ стихопворныхъ произведеній. Они начали переводить Шекспира и другихъ Англійскихъ Романшійческихъ Поэшовъ, не такъ, какъ переводили ихъ Дюсисъ и Лё Турнёръ, передѣлывая по своему и планъ и выраженія подлиннииа; нѣтъ! они рѣшились передавать на своемъ языкѣ каждую Поэму такъ, какъ она есшь, со всѣми ея совершенствами и недоспапками; ибо и самыя ошибки Генія поучительны для шаланшовъ юныхъ:

C'est du Ciel que partit le feu qui l'égara.

Не говоря уже о переводахъ на Французскій языкъ Поэмъ Байрона, Томаса Мура, Соушея и Вальпера Скоппа, довольно упомянушь объ огромномъ предпріятіи нѣкошорыхъ современныхъ намъ Французскихъ Липерапоровъ, переложишь на свой языкъ лучшія драматическія произведенія всѣхъ Европейскихъ народовъ, какъ то: Англичанъ, Германцевъ, Ишаль-

янцевъ, Испанцевъ и Рускихъ. Трудъ, который безъ сомнѣнія принесетъ великую пользу Словесности Французской, ибо откроешь новые пути къ наслажденіямъ умственныхъ и развяжешь крылья Генія, спущанныя условіями.

(Продолженіе въ средѣ).

Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

~~~~~

КЪ КН. Н. А. ЦЕРТЕЛЕВУ.

~~~~~

Мой другъ! Не пошь еще Поэшь,
Кпо Музамъ преданный ошь юношескихъ
лѣшь

И успарѣвъ надъ ихъ закономъ,
Съ! обычной нѣжностью ласкаешъ юный
свѣшь

Однообразнымъ лиры звономъ.
Не пошь еще Поэшь, кпо, слабою душой
Искусива позабывъ высокія начала,
Въ толпѣ своихъ друзей съ цѣвницей иль
трубой

Идешъ проспорнѣю тропой
По шумнымъ гульбищамъ Журнала.
Нышь! не заблещешъ лавръ безсмертный на
челѣ

Рабовъ общественнаго мнѣнья,
Привыкшихъ истину вѣщашъ — безъ убѣ-
жденья.
Неправду и порокъ щадящихъ на землѣ.

Законы Генія — свобода!

Не знаешь онъ оковъ иныхъ,

Въ глубокихъ вымыслахъ своихъ

Неизчерпаемъ, какъ Природа,

Какъ Ангелъ бышя съ надзвѣздной вышины

Проникнувъ въ таинства созданья,

Онъ видишь слышишь шамъ мяшежный ликъ

спраданья

Съ прекраснымъ ликомъ шишины.

Онъ слышишь гласъ судьбы, въковъ предназ-

наченья

И, власный въ души намъ свой пламень пе-

редашь,

Кладешъ онъ на свои живыя пѣснопѣнья

Ума высокаго печашь.

То дней минувшихъ собесѣдникъ,

Въ счастливой дерзости своей,

Вскрываешъ древній прахъ народовъ и Царей

Народовъ и Царей отважный проповѣдникъ;

То воспѣваешъ онъ грядущій, свѣпмый мѣръ,

И души горніе съ безоблачнаго края,

Еще невольно воздыхая

Онъ звуковъ сладоспныхъ поющихъ въ небѣ

лирь,

Слепають хорами на гласъ пѣвца земнаго.

Смопри: какъ Байронъ въ наши дни,

Въ опчизнѣ испытавъ гоненія одни

Въ слезахъ спраданія живаго

Великъ душою на земли!

Смотри, съ какимъ презрѣньемъ онъ оставилъ

Забавы свѣтскія и свѣтскую шолпу,
И съши узкія разорванныхъ имъ правилъ!
Безъ страха разглядѣвъ грядущихъ дней
судьбу,

Онъ бросился въ ея холодныя объятія,
Не шрапя гордыхъ силъ на позднюю борьбу,
Сокрывъ въ дупѣ своей моленье и проклятія.
И предназначенный къ великому, не палъ
Спрадалецъ-юноша: его хранили чувства!
И въ немъ, какъ вѣчный огонь, горѣлъ, не по-
шухаль

Свѣшляникъ мыслей и искуссва.

Проливъ онъ брашій шюки слезъ,

Онъ зналъ людей, порокомъ оболъщенныхъ,
Сихъ падшихъ Ангеловъ — и шрашою небесъ
Ко раскаянью не пробужденныхъ.

Рукой безжалосшной покровъ онъ съ нихъ
сорвалъ

И страшный человекъ предшлалъ

Испуганному человеку,

Онъ видѣлъ ужасъ ихъ — и въ испушленнѣ
силъ

За язвой новую онъ язву наносилъ,

Какъ шрупъ безчувственному вѣку.

Онъ пѣлъ любовь — чшобъ сердцу пока-
зать

Любви жестокою измѣну,
Онъ вѣрной дружбы славиль цѣну,
Чтобъ быше ея предъ міромъ опровергать.
Но онъ Поэшь и гласъ его нельшивый
Свирѣпый, безнадежный гласъ,
Какъ въпра бурнаго порывы
И мучишь и шерзаешь насъ. —

Гуманскій.

О Д О Б Р Е Н І Е.

Сіянье дню, роса цвѣтамъ,
Крыле уму въ его стремленьѣ,
Таланповъ воспиташель намъ,
Живительное одобренье! . . .
Не шылъ ввело молодыхъ пѣвцовъ,
Марона, Флакка, честь вѣковъ,
Въ черпоги Меценаша пышны?
Не шылъ воспоргъ внуцило имъ?
Ихъ лирами — гордился Римъ,
И звуки ихъ — вселенной слышны!

И шамъ, гдѣ Цезарь воздвигаль
Торжесивъ Трофеи, въ страхъ вселенны:
Ошколь мечъ просшря побѣдный,
Законъ земнымъ Царямъ даваль, —

Тамъ въ чesнь ума и дарованій,
 Пѣвецъ Лауры и Мечпаній,
 Багряной шогой облечень,
 На спогнахъ славы, въ Римѣ шумномъ,
 При плескъ гражданъ, громъ шрубномъ,
 Въ Капишолійскій храмъ введенъ.

Невѣрно счастье намъ, но слава, —
 Не пребуешь его вѣнцовъ!
 Необорима, величава,
 Сквозь даль проспранствъ, сквозь мракъ вѣ-
 ковъ, —

Она свой блескъ распроспираетъ,
 Въ полетѣ время облекаетъ;
 Не кипарисъ, но Лавръ распишетъ.
 Дерзай, чье сердце къ славѣ бьется!
 Забвенье Лиры некоснется,
 И ты не будешь позабытъ!

Позоръ тому, кѣмъ непочтень
 Мужъ дарованьемъ знаменитый!
 Омеръ, присшанища лишень,
 Въ безумныхъ домѣ Тассъ сокрытый,
 Коварну зависть обличаетъ. —
 Таланшамъ къ славѣ — нѣтъ преградъ;
 Невѣждъ безсильны всѣ упорства,
 Гоненье изнеможешь ихъ,

И грозный приговоръ попомснва —
Ошмснпшъ за чесь пѣвцовъ своихъ.

*

Счастливъ, кто хочетъ уступать
Зависнникамъ успѣхъ невѣрной,
И выше ставъ молвы премѣнной —
Хулу и лесь ихъ презирають;
Надъ облаками шакъ парящій
Орель, не слышитъ рой жужжащій;
Но въ силахъ ослабѣвъ души,
Чувствительный къ неблагороднымъ —
Расинъ поникъ челомъ печальнымъ,
И Озеровъ — угасъ въ пиши.

*

Безсмертень вѣкъ ихъ кропкій днями,
Но ободреньемъ лишь цвѣшущъ
Сады наукъ; его лучами
Согрѣшы, зрѣмый плодъ дающъ!
Хвались плодомъ благошвореній,
Шуваловъ, мирныхъ знаній Геній!
Ошчизна дѣль швоихъ полна,
И въ свипкѣ Клии, предъ вѣками,
Злашыми блещущъ писменами
Тебѣ подобныхъ имена.

*

Здѣсь даръ почшенъ! здѣсь онъ прославленъ!
Въ справѣ побѣдъ, въ землѣ снѣговъ

Аѳинскихъ Музъ Парнаѳъ восплавленъ;
 Здѣсь Холмогорскій рыболовъ
 Дворъ украшалъ Елисаветы,
 Былъ званъ на Царсквенны совѣщанья
 Державинъ, лиры власпелинъ;
 Вѣнчанный лавромъ спражъ закона,
 Предсаватель Дмипріевъ у Трона, —
 И гость чертоговъ — Карамзинъ!

Любимцы Піеридъ безсмертны,
 Ихъ имя по печеню лѣтъ,
 Изъ рода въ роды опдаленны
 Юнѣя славою преидешъ.
 Измѣнится лице природы
 И минуетъ Царства и народы; —
 Аѳины были! — пупникъ шамъ
 Одръ развалины заспанешъ:
 Твой лавръ, Державинъ, не увянешъ,
 Вносясь челомъ, въ упоръ вѣкамъ! —

Благоговѣнне къ дому Феба!
 Здѣсь жилъ Державинъ, здѣсь звучалъ.
 Здѣсь проповѣдникъ, — шайны Неба,
 Онъ Бога пѣлъ — и мѣръ внималъ!
 Слѣды его здѣсь не оспыли;
 Сюда, мы зрѣшь его спѣшили;
 Мы незабыли звука словъ,

Какъ здѣсь привѣшнымъ разговоромъ,
Грядущее провидя взоромъ,
Онъ ободряль младыхъ пѣвцовъ.

*

Такъ; ободренья, ободренья,
Прошу, о Музы, я опъ васъ,
Вамъ, на доспойны пѣснопѣнья,
Внушите вы мой робкій гласъ!
Забудь звукъ чашъ, пировъ свидѣпель,
Вѣнчай цвѣтами добродѣпель!
Воспой Опечесства сыновъ.
Побѣды славной ищемъ воинъ:
Да будешъ насъ предметъ доспойнъ,
Поэзія — языкъ боговъ.

Б. Федоровъ.

22 Маія 1823 г.

М У Д Р О С Т Ь.

Б а с н я.

Когда безсмертные пернашыхъ разобрали,
Юпишерь взялъ орла, Венерѣ горлицъ дали,
А бдишельный пѣшухъ былъ Мудроси удѣлъ.
Но бдишельность его осталась безъ удачи:
Нашли, что онъ имѣлъ не къ спашии нравъ
горячій;

Что неуступчивъ онъ, крикливъ и слишкомъ
смѣлъ.

А пуще на него всѣ жаловались боги,
Что самъ онъ мало спитъ и спашь имъ не
даешъ.

Минервѣ опъ опца указъ объявленъ спрогій,
Что должность пѣшуха сова при ней займешъ.

*

Чтожь можно заключишь изъ этой были,
сказки? —

Что мудрецу вѣрнѣй бышь мудрымъ безъ о-
гласки.

Кн. Вяземскій.

БЪГУНЪ И КЛЯЧА.

С к а з к а.

Однажды — право вамъ не лгу —
Я видѣлъ — гдѣ же? — на бѣгу
Зимою экипажъ чудесной.

Мой кумъ, чудакъ извѣстный,
Въ большія обшивни нарочно заложилъ
Залѣта, рысака лихаго,
Красиваго и молодаго;
А Сиску спараго, хромага,
Который и воды лѣпъ пять ужь не возилъ
И роспомъ съ козу былъ,
Припрягъ онъ шупъ же на приспяжку.
„Смотрише — говорилъ — свернется какъ
кольцомъ!“

Самъ, на бекрень надѣвъ фуражку
И въ руки возжи взявъ, сѣлъ въ сани молод-
цомъ.

Народъ вокругъ его полпился;
Кто лишь ни взглянешъ, удивился;

Одинъ плечами жмешь,
 Тонъ улыбаешься — *Залётъ* копытомъ бьешь.
 Вошь наконецъ мой кумъ пошевелилъ воз-
 жами —
Залётъ лешишь какъ вихрь, а *Сивка* вверхъ
 ногами!

Вмигъ на бокъ обшивни, оглобли обѣ вонъ.

Чшожь Кумъ? — Упалъ бѣдняжка онъ;

Но вспалъ, вспряхнулса

И усмѣхнулса.

„*Залётъ* — сказалъ — домой, я знаю, прибѣ-
 жишь.“

— Да ты совсемъ ума рлхнулса —

Ему Типъ Карпычъ говоритъ:

Ну можноть *бѣгуна* запрячь и *кляту* вмѣспѣ?—

На эшо Кумъ ему въ опвѣшь:

„Ступайка, дѣдушка! ступай къ своей невѣ-
 спѣ.“

На головѣ волосъ, во ршу зубовъ ужъ нѣшь;

А хочешь, спарый хрычь, жену взяшь въ двад-
 цать лѣшь.“

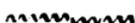
А. Измайловъ.

И А У К И.

И С Т О Р И Я.

ПОСОЛЬСТВО ГОЛЛАНДЦЕВЪ

Алберта Бурга и Иоанна Фанъ
Фельшдриля въ 1630 году.

(Отрывокъ изъ Опыта Историю путешеств-
вій по Россіи).

Сношенія Россіи съ Голландією, равно
выгодныя для обѣихъ Государствъ, не
могли оставаться долго въ бездѣйствіи.
Иногда отъ излишней недовѣрчивости
одной или отъ расчепливости другой
Державы происходили между ними несо-
гласія, но взаимныя нужды вскорѣ опять
соединяли обѣ спороны. Такимъ образомъ,
не смотря на неудачу Голландскихъ пос-
ланниковъ, домогавшихся въ 1615 году у-

частія въ примиреніи Россіи со Швеціею, Царь Михаилъ отправлялъ въ Голландію частыя посольства: сперва просилъ помощи противъ державъ, съ коими находился въ войнѣ; а потомъ, когда миръ оградилъ безопасностію предѣлы его Государства, пребралъ ея содѣйствія для заведенія въ Россіи фабрикъ и распространенія въ народъ своемъ промышленности. Но для взаимной торговли не существовало еще твердыхъ правилъ. Англичане, пользовавшіеся долгое время исключительнымъ правомъ торговать въ Россіи, не могли равнодушно взирать на усилія Голландцевъ раздѣлять сіе право и всячески старались имъ вредить. Конечно таковыя покушенія не могли бытъ дѣйствительны. Царь, понимая выгоды, происходившія для него отъ соперничества сихъ двухъ народовъ, равно покровительствовалъ обоимъ, и Голландскій торгъ часъ отъ часу болѣе распространялся; но поелику не было ничего положительнаго на счетъ сего торга, то не всѣ постановленія Царя въ пользу Голландцевъ хорошо исполнялись и въ дѣ-

лажь вкрались различныя злоупотребленія. Генеральныя Шшапы давно чувствовали необходимость исправить сие зло, и только выжидали благопріятнаго къ тому времени. Оно наступило.

По случаю рожденія Царевича Алексѣя отправлены были въ началѣ 1629 года извѣстительныя о семъ грамошы къ Генеральнымъ Шшапамъ и къ Шшапгальшеру Принцу Фридриху Генриху. А какъ за нѣсколько времени Нидерландское Правительство просило у Царя позволенія сдѣлать въ его владѣніяхъ закупку селистры, то при семъ случаѣ Государь предложилъ Шшапамъ въ подарокъ 3,000 пудовъ оной, прося съ своей стороны позволенія вывезти изъ Голландіи 10,000 ружей и предлагая заплашить за оныя мѣхами, сырымъ шелкомъ и другими поварами, или даже чистыми деньгами. Генеральныя Шшапы приняли селистру и въ замѣну предложили Царю въ даръ 2,000 ружей, присовокупляя, что оспальное оныхъ количество отпущено будетъ въ Россію подъ видомъ шовара.

Торговавшіе въ Россіи Голландскіе куп-

цы воспользовались симъ случаемъ, чѣмъ предсѣавилиъ своему Правительству о необходимости отправить въ Москву посольство. Оказанное Царемъ расположеніе къ Нидерландцамъ подавало надежду, что они успѣють въ своихъ прѣбваніяхъ. Между тѣмъ явилось новое обстоятельство, подкрѣпившее вышеозначенное предсѣавленіе. Опъ войны съ Пруссіею и опъ неурожая, цѣна хлѣбу весьма возвысилась: надлежало закупить оный въ Россіи. Амстердамскіе купцы предлагали было завести компаніи для шорга хлѣбомъ; другіе домогались исключительнаго права на вывозъ онаго изъ Россіи. Все сіе прѣбвало совѣщаній и переговоровъ съ Московскимъ Дворомъ, а потому Генеральные Шпашы назначили шуда Посланникомъ Гельдернскаго Предсѣавителя въ ихъ Собраніи Генриха Фанъ-Эка.

Инструкціи его были уже пригошовлены и подарки закуплены: но не сморя на шо, отправленіемъ посольства медлили, опасаясь, что главою онаго будетъ человекъ, болѣе знакомый съ придворны-

ми обычаями, нежели съ купеческими оборотами. Но сіе затрудненіе вскорѣ уничижилось: Фанъ-Экъ отказался ошъ предлагаемаго ему порученія; вмѣсто его назначены были посланниками къ Россійскому Двору Амстердамскій Градоначальникъ, Совѣшникъ Албертъ Бургъ и Декумскій Бургомистръ Іоаннъ Фельдприль. Оба были свѣдуши въ дѣлахъ торговыхъ.

Чтобъ неопягощать разныя области издержками, потребными для сего Посольства, наложили по два процента на хлѣбъ, привозимый изъ Россіи. Посланникамъ предписано было направитъ свой путь на Архангельскъ, дабы посовѣшываться съ тамошними купцами и узнать ошъ нихъ все мѣстныя обстоятельство. Отправивъ впередъ нарочнаго въ Москву, для извѣщенія о своемъ прибытіи и пригласовленія всего нужнаго къ ихъ принятию, они пустились въ путь съ многочисленною свитою (она состояла изъ 1 Гофмейстера, 8 Дворянъ, 1 Священника, 1 Секретаря, 1 Переводчика и еще 26 челоуѣкъ), на военномъ кораблѣ Зеландѣ,

подъ начальствомъ Капитана Юриса Фанъ-Капса. Чшобъ дать Россіянамъ выгодное мнѣніе о богатствѣ и силѣ Нидерландцевъ, Правительство тамошнее спаралось сдѣлать Посольство сіе сколько возможно великолѣпнѣйшимъ. Изъ коронныхъ вещей дали Посланникамъ для подарковъ самыя дорогія, между прочимъ большое серебряное паникадило (*) и сдѣланную съ большимъ искусствомъ тяжелую золотую цѣпь, подаренную Генеральнымъ Шпашамъ Весшъ-Индскою Компанією.

21 Августа 1630 года Посланники прибыли въ Архангельскъ. На рейдѣ онаго сшояло шогда около 100 Голландскихъ и нѣсколько Англійскихъ кораблей. Архангельскіе иноспранные купцы единогласно увѣрили Посланниковъ, что успѣхъ ихъ порученія зависѣтъ будещъ отъ количества и цѣнности ихъ подарковъ (**).

(*) Паникадило сіе находится до сихъ поръ въ Москвѣ въ Успенскомъ Соборѣ. *Сог.*

(**) Надлежишь замѣнить, что описываемое здѣсь произшествіе было въ 1630 году, въ такое время, когда брали и давали подарки было въ общемъ употребленіи. *Сог.*

По сему Бургъ и Фельшдриль взяли съ собою еще 4 огнеспрѣльныхъ орудія и купили нѣсколько драгоценностей.

Намѣспникъ Архангельскій привѣшествовалъ Голландскихъ полномочныхъ хлѣбомъ и солью; Царскіе чиновники угощали ихъ ежедневно споломъ. Кушанье было слишкомъ много, говорятъ Посланники въ своемъ отчетѣ: но по злоупотребленію приславошь, оныя были приготовлены большею частію изъ дурныхъ припасовъ.

8-го Сентября Посланники пустились въ пушь вверхъ по Двинѣ до Вологды. Тушь задержали ихъ нѣкошорое время подъ шѣмъ предлогомъ, что такому множеству экипажей и народа нельзя будетъ проѣхать въ Москву по лишней дорогѣ; но въ самомъ дѣлѣ потому, что не пришло еще повелѣнія о пропускѣ ихъ въ Столицу.

10-го Ноября пріѣхалъ въ Вологду Царскій Спольшникъ съ Государевымъ словомъ и объявилъ Посланникамъ, что они вскорѣ удоспоятся узрѣшь свѣшлыя Царскія очи. 11-го Въѣхали они въ Москву. Для По-

сланниковъ приготоовлено было двое Царскихъ саней, для Дворянъ и другихъ чиновниковъ Посольсшва 26 Персидскихъ жеребцовъ. Бояре, Окольничіе и другіе Сановники Двора, въ богатыхъ одеждахъ, со множесшвомъ слугъ, вспрѣшили Голландскихъ Полномочныхъ у городскихъ воровъ. Въ срединѣ сего пышнаго собранія находился приславъ, которій поклонившись Посланникамъ, привѣщсшвоваль ихъ опъ имени Царя, высказавъ весь его пишуть. За симъ Посланники, прочсшавъ также весь пишуть Генеральныхъ Шпашовъ и Шпашгальпера, объявили, что они пріѣхали предложсшть Государю Россійскому о дѣлахъ важныхъ и добрыхъ, клонящихся къ пользѣ и выгодамъ обѣихъ Державъ. Посланники вѣхали въ городъ при спеченіи множсшва народу и оспанавливались нѣсколько разъ по приказанію Царскихъ гонцевъ. Ихъ провезли мимо Царскаго Дворца, что по словамъ присшава, дѣмалось изъ особенной къ нимъ милосши, на Персидскій дворъ, зданіе, обыкновенно назначаемое для Посланниковъ коронованныхъ Особъ. Оно было

весьма обширно, имѣло множество брусчатыхъ покоевъ съ изразцовыми печами: но вся мебель состояла изъ однихъ лавокъ и споловъ.

24 Декабря была первая аудіенція Голландскихъ Полномочныхъ; съ обѣихъ сторонъ показана была при семъ случаѣ великая пышность: пять сотъ шестидесять человекъ несли подарки для Царя, для Папріарха, особенно благоволившаго къ Нидерландамъ и для наследнаго Царевича: пушки везомы были каждая 6 лошадьми. Четыре чиновника Посольства несли вѣрющія грамошы съ богатыми украшеніями, обшитыя малиновымъ бархатомъ. У входа Царскихъ палатъ, встрѣтили Посланниковъ Бояринъ Князь Боряшинскій и провелъ ихъ чрезъ многіе покои въ грановитую палату. Тутъ Царь съ вѣнцемъ на головѣ въ великолѣпномъ одѣяніи, сидѣлъ на тронѣ. По правую сторону онець его Папріархъ Филаретъ, по лѣвую находилась небольшая пирамида, на коей лежала корона Царевича. Въ палатѣ находились Бояре и Окольничіе въ высокихъ чернолисыихъ шапкахъ и каф-

шанахъ изъ золошой парчи съ высокими воропниками, значнѣйшее духовенство въ облаченіи и Рынды въ бѣломъ плащѣ, споявшіе по обѣимъ сторонамъ прона съ золошыми щопорами въ рукахъ. Все дышало Азіяшскою пышностію и напоминало обычаи Воспока.

Послѣ обыкновенныхъ поклоновъ, Думный Дьякъ, прочитавъ весь титулъ Царя, объявилъ Посланникамъ чрезъ переводчика Гельма, позволеніе говорить. Они начали шѣмъ, что Шшапы благодарятъ за вниманіе, оказанное Государемъ извѣщеніемъ ихъ о рожденіи Царевича, и приносятъ по сему случаю искреннѣйшія поздравленія какъ Царю, такъ и Паптріарху и заключили увѣреніями въ дружбѣ и въ любви Правительсства ихъ къ Россіи.

Тогда Царь и Паптріархъ спросили Посланниковъ о здоровьѣ Шшапгальпера и послѣ удовлетворительныхъ отвѣщовъ, продолжали дѣлать вопросы о здоровьѣ самихъ Посланниковъ и объ ихъ пущи. Посланники, подошедъ къ рукъ, сѣли потомъ на пригощовленные для нихъ лавки,

покрытыя коврами, между шѣмъ какъ другіе чиновники ихъ свилы предсхавлялись Государю. За симъ пронесли мимо трона подарки. Наконецъ Царь объявилъ, что поведишь разсмотрѣшь вѣрюція грамаши и будешь на оныя отвѣчашь.

По возвращеніи Посланниковъ изъ аудіенціи, Спольшникъ ѣздилъ къ нимъ въ домъ съ Государевымъ споломъ. Обѣдъ начался хлѣбомъ и солюю: весь блюда, по причинѣ бывшаго тогда поста, соспоями изъ рыбы, приправленной по Россійскому обыкновенію съ чеснокомъ и лукомъ. Спольшникъ предложилъ здоровье Царя, Царевича и Патриарха. Посланники съ своей стороны, здоровье Шшаповъ и Шшашгальшера. Послѣ того Государевъ чиновникъ ушелъ, не сказавъ ни слова: ему подарили въ знакъ памяти серебряный вызолоченный покаль.

Для переговоровъ назначены были ближній Бояринъ Князь Иванъ Черкаскій; Бояре Михайло Шейнъ и Левъ Карповъ съ двумя Дьяками. Мы упомянули выше, что главною дѣлю Посольства Бурга было исходатайствованіе нѣкопорохъ при-

виллегій для Голландскихъ купцевъ въ Россіи. Теперь покажемъ вкратцѣ существо переговоровъ, веденныхъ между Голландскими Полномочными и Царскими Боярами, попому, что требованія одной и отвѣты, данные другою стороною, распространяютъ новый свѣтъ на Исторію иностранной торговли въ Россіи. Посланники домогались: 1е неограниченно-свободной торговли для своихъ купцевъ во всѣхъ предѣлахъ Россійскаго Государства, на правѣ, какимъ пользовались Англичане. 2е Позволенія держать въ Москвѣ Голландскаго Агента; 3е права рубить и вывозить изъ Россіи лѣсъ; 4е прекращенія приписаний, какія дѣланы были Нидерландцамъ Россійскими чиновниками при сборѣ пошлинъ; 5е позволенія имѣть особенное въ Архангельскѣ мѣсто для выгрузки поваровъ; 6е позволенія держать на опкupu пеньку, деготь, пошашъ и смолу, и наконецъ 7е исключительнаго права на торгъ хлѣбомъ. Царскіе Полномочные отвѣчали на первое, что выгоды Россіи не позволяютъ предоставить Нидерландцамъ права неограниченной торговли;

что сами Англичане имѣютъ только привилегіи на свободную продажу 23 статей, означенныхъ въ данныхъ имъ грамотахъ, и что Голландцамъ дадутъ тѣже преимущества и позволился имъ держать по же число купцевъ, сколько имѣютъ оныхъ Англичане.

Бояре изъявили согласіе на то, чтобы 2е имѣть въ Москвѣ Голландскаго Агента, для исправленія разныхъ дѣлъ, касающихся ихъ торговли; 3е позволили купцамъ рубить лѣсъ и спвозить оный за границу чрезъ Архангельскъ, но съ условіемъ, чтобы пользоваться тѣмъ только, который находился по берегамъ Двины, употреблять для рубки и перевозки природныхъ Россіянъ и при отпускѣ платить положенныя пошлины; 4е обѣщали разослать спроегіе Указы о прекращеніи злоупотребленій, какія позволяли себѣ Рускіе чиновники, предоставляя Голландцамъ, въ случаѣ продолженія оныхъ, обращаться съ жалобами къ Государю, или Святѣйшему Патріарху, и наконецъ 5е согласились для прекращенія безпорядковъ сдѣлать въ Архангельскѣ особенную по-

шину для выгрузки Голландскихъ товаровъ и запретишь Россійскимъ торговымъ людямъ складывать свои товары въ Голландскіе магазейны; но отказали въ позволеніи держащъ Голландскимъ купцамъ Россійскихъ слугъ, по представленію Папріарха, копорый полагалъ, что находясь у иноземцевъ, они Русскіе охлаждають къ своей Вѣрѣ. Бояре присовокупили, что такое запрещеніе сущесш-вуешъ и для Англичанъ, копорые употребляютъ для услуженія своихъ единомысш-цевъ.

Совѣщанія о правѣ Голландцевъ промышлять пенькою, дегшемъ, смолою и пошашемъ опложены были до прибышя въ Москву Нидерландскаго Агенша.

Но самыя важныя и самыя любопытныя переговоры происходили по случаю шорга хлѣбомъ. Посланники, справедливо полагая сей предметъ главнѣйшею цѣлію своего Посольства, употребили все спраніе, дабы преклонить на свою спорону. Царскихъ Боярь. Они представили длинную промеморію, въ копорой говорили, что въ Россіи находится множесшво пло-

доносной земли въ запущеніи, что они перешлютъ изъ Голландіи знающихъ людей, которые покажутъ Россіянамъ правила усовершенствованнаго хлѣбопашества, что сіе приведетъ въ цвѣтущее состояніе Государство и народы, подвластные Царю, умножитъ до чрезвычайности его доходы и показавъ подданнымъ его выгоды требуемой новою системою дѣятельности, пробудитъ въ нихъ охоту къ трудолюбію и симъ будетъ не мало способствоватьъ умноженію ихъ силы и богатства. Голландскіе Полномочные предлагали за исключительное право свободного вывоза хлѣба, доставить Царю взаимныя выгоды: свою дружбу, услуги во всякое время и свободный вывозъ всякаго рода оружія.

Вспайнѣ увѣряли они Бояръ, что Царь симъ правомъ въ пользу Голландцевъ нанесетъ чувствительный ущербъ врагу своему Королю Польскому; ибо тогда они перестанутъ покупать хлѣбъ въ его владѣніяхъ, и такимъ образомъ лишатъ его большихъ суммъ, которыя онъ теперь употребляетъ для войны.

Какъ ни убѣдительно изъяснились
 Посланники на счетъ своего предложенія,
 но представленные ими выгоды не могли
 убѣдильно Россійскихъ Полномочныхъ. Мы
 уже выше сказали, что при всѣхъ почти
 переговорахъ назначенные къ тому Боя-
 ре, не имѣя образованности Европейской,
 руководствовались правилами здраваго
 смысла и познаніемъ страны своей и рѣд-
 ко ошибались. „Рускій народъ“ отвѣчали
 они, не переймешь вашихъ правилъ, какъ
 „бы они хороши ни были, а напрошивъ
 „опъ введенія оныхъ произойдутъ несо-
 „гласія. Если вамъ исключительно пре-
 „доставишь торговлю хлѣбомъ и ли-
 „шить другіе народы права закупать и
 „вывозить оный изъ Россіи, то сіе по-
 „вредитъ сношеніямъ нашими съ Коро-
 „лями Англійскимъ, Шведскимъ и Дат-
 „скимъ, съ которыми теперь живемъ въ
 „ладу. Еслибы случилось, что у нихъ цѣ-
 „ны на хлѣбъ поднялись, и корабли ихъ
 „пришедъ къ Архангельску, просили бы
 „онаго, могъ ли бы Царь находящійся съ
 „ними въ союзѣ, отказалъ имъ? А что
 „вы теперь просите позволенія заку-

„пишь много хлѣба, то договаривайтесь
 „о шомъ съ нашими госпѣми (купцами):
 „намъ же до эшого дѣла нѣшь.“

Посланникамъ поручено было просить позволенія о свободномъ вывозѣ селистры, но имъ въ шомъ шакже ошказали подѣ предлогомъ, что оная нужна самому Царю для его войскъ.

Со стороны Государя Бояре наспаивали, чтобы Шшапы въ предстоящую съ Королемъ Польскимъ войну помогли ему деньгами и войскомъ. Голландцы опвѣчали, что Шшапы и Принцъ Орѣвскій (*) опправляя ихъ, полагали, что Его Величество находится въ мирѣ со всѣми Христіанскими Державами, а пошому и не дали вразсужденіи сего никакихъ наспаивеній. Вслѣдствие шого и положено было опправить въ Голландію Россійское Посольство.

Вскорѣ за симъ послѣдовала оппускная аудіенція, происходившая съ шою же пышношю, какъ первыя, съ разницею,

---

(*) Фридрихъ Генрихъ, бывшій въ шо время Шшапгальперомъ.

что Царь находился въ траурѣ по случаю кончины машери своей. Посланники получили опвѣщныя граматы изъ рукъ самаго Царя и Патріарха, опущены были съ великою милоспію, въ день аудіенціи угощены Государевымъ споломъ и обдарены мѣхами.

Во время пребыванія Посланниковъ въ Москвѣ, присутствовали они при церемоніяхъ въ Крещеніе и въ Вербное Воскресенье. Но вообще по недовѣрчивости, какую всѣ Россіяне имѣли въ то время къ иностранцамъ, ихъ содержали почти нѣвными и одинъ только разъ позволяли имъ проѣзжаться по городу. Посланники условились опправиться изъ Россіи разными путями. Фельшдриль чрезъ Ригу, а Бургъ на Архангельскъ. Но сей послѣдній, получивъ въ Вологдѣ опъ Генеральныхъ Шшаповъ новыя порученія къ Царю, рѣшился возвратиться въ Москву, опправивъ къ Архангельску большую часть своей свиты.

Новое порученіе Бурга состояло въ слѣдующемъ: исчпобъ склонить Царя къ ежегодной продажѣ въ Нидерланды, для на-

полненія тамошнихъ магазейновъ 200,000 чешвершей лучшей ржи, съ шѣмъ, чтобы доставка въ Архангельскъ была на счетъ самихъ продавцевъ. Въ переговоры по сему предмету поручено было вступитъ съ Посланикомъ двумъ госпямъ, которые послѣ многихъ совѣщаній отказали Бургу въ его требованіяхъ, подъ предлогомъ, что невозможно по разности въ урожаѣ, заключающъ положительныхъ договоровъ на будущее время о посрощаномъ вывозѣ столь значительнаго количества хлѣба; а вызвались немедленно представить половину прошивъ пребуемаго количества; но по причинѣ происшедшаго разногласія въ цѣнахъ, дѣло сіе ошложено было до прибытія въ Голландію Россійскаго Посольства.

же Бургъ домогался, чтобы дать нѣкоторымъ Голландскимъ купцамъ привилегію на 30 лѣтъ на транзитный торгъ между Архангельскомъ и Персією чрезъ Каспійское море, говоря, что условія, на какихъ производилъ сей торгъ, будутъ постановлены послѣ. Какъ ни старался онъ представить сіе дѣло съ выгодной

спороны, но согласія на оное не послѣдовало, подь предлогомъ, что шребуемая привиллегія послужитъ во вредъ Россійскимъ купцамъ и что дѣло сіе уже разъ опказано было Англичанамъ.

Голландскій Посланникъ намѣревался еще сдѣлать нѣкоторыя предложенія, но удержался, не успѣвъ въ двухъ первыхъ. Бургъ отправился изъ Москвы въ сопровожденіи присава, прибылъ 13 Августа въ Архангельскъ и съвъ шамъ на военный корабль, возвратился въ опещество 28 Сентября 1631 года.

Посольство Бурга и Фельшдреля въ Россію можетъ служить эпохою въ Исторіи нашей шорговли съ иностранцами. Со времени онаго Голландцы занимають въ ней почетное мѣсто. Кромѣ Москвы и Архангельска, канторы ихъ находились въ Новгородѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ. Торгъ хлѣбомъ, не бывъ представленъ имъ исключительно, производился ими съ дѣяпельносноію, если вѣришь одному изъ лучшихъ современныхъ Писателей о Россіи, который говоритъ, что Московія для Голландіи бы-

ла шѣмъ же, чѣмъ нѣкогда Сицилія для Рима (*). Мѣховой шоргъ также находил-ся почти весь въ рукахъ у Голландцевъ. Правительство Россійское, позволивъ имъ вывозъ лѣса, вскорѣ попомъ дало имъ свое согласіе спростъ суда въ нашихъ гаваняхъ. Такимъ образомъ заложены были въ Архангельскѣ верфи, и въ современныхъ актахъ упоминается о двухъ, находившихся на берегахъ Двины, на которыхъ спрости разнаго рода рѣчныя суда. Царь Михаилъ, какъ мы сказали выше, кромѣ выгодъ ошъ шорговли съ Голландією, старался перенести въ Россію ея промышленность. Голландцы брали на ошкупъ жженіе смолы, ошыскивали и обрабашывали рудники, заводили разнаго рода фабрики. Каждый годъ приходили въ Россію во вможествѣ разнаго рода масперзвые, кошорые знакомили жипелей ея съ усовершенствованнымъ шрудомъ и показавъ выгоды, ошъ онаго производящя, захопили ихъ къ дѣяшельности.

(*) Voyage d' A. Olearius, traduit par A. De Wicquefort, Amsterdam 1627 fol. p. 166.

Опчепъ о Посольствѣ Бурга и Фельш-
дриля помѣщенъ у Айцемы: не имѣвъ слу-
чая видѣть сей книги, я пользовался
большею частію свѣденіями, находящи-
мися у Схельтемы, въ его сочиненіи: О
сношеніяхъ Россіи съ Голландіею (*).

А. Корниловъ.

(*) Aitzema Zaken van Staat en Oorlog. — 849 —
850 — 889 — 890. 1041 — 1052, 1103 — 1131.
Scheltema Rusland en Nederland. D. I. S.
124 — 148.

С М Ъ С Ъ.

П И С Ь М О

КЪ Г. ПРЕДСЪДАТЕЛЮ ОБЩЕСТВА.

Честь, которой меня удостоило Общество Любителей Россійской Словесности, избравши въ число своихъ Почетныхъ Членовъ, обязываетъ меня изъяснить искреннюю мою благодарность Вамъ, Милостивый Государь, какъ Президенту онаго, такъ и всѣмъ почтеннѣйшимъ его Сочленамъ.

Въ благошворной вѣкъ, въ которомъ живемъ мы, увѣнчивается наградою и доброе намѣреніе, святилище наукъ — опровержено для приношеній и слабыхъ дарованій; талантъ ни гдѣ негибнетъ, добро ни гдѣ неперяется; милосердымъ окомъ призирается и слабый и немощный, пути къ высшему достоинству

человѣка открыты и принаровлены для всѣхъ соспоявій людей, и чье сердце незаохопиши къ подвигамъ любви и добродѣтели, чей умъ невоспрянетъ опы сна лѣноснаго? Чувствительность къ дарованію писателя, — благоговѣніе къ благодѣтелю спраждающаго чело-вѣчсства, — вопшъ всѣ мои заслуги, по кошорымъ я буду нести восхитительное для меня достоинство быши членомъ шакого Общества, кошорое подъ двумя различными видами имѣетъ одну цѣль — благо ближняго. Дипломы, Уставъ Общества и пріятнѣйшее письмо ваше, посланные Августа 1821 года — я и Пётръ Ивановичъ имѣли честь получить въ Августѣ же 1822 года по прибытіи своемъ въ Охотскъ. Мужъ мой поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать предъ вами сердечную его къ вамъ преданность и совершенное высокопочитаніе. Если онъ непишетъ теперь въ вамъ, Милосивый Государь, то это пошому единственно, что накопившіяся занятія по службѣ отняли у него досугъ, пишутъ кому либо изъ своихъ друзей. Онъ проводилъ меня моремъ до Охотска, гдѣ пробывши нѣсколько дней по долгу службы, опять возвратился въ Камчатку, откуда выѣдетъ уже по зимнему пуши берегомъ.

Выѣзжая по доброй своей воли изъ Камчатки, не безъ сожалѣнія оставляю я сей без-

мяшежный, безоблаженный и мирный уголокъ земли, гдѣ пятигодичное время провела я безъ бѣдъ, въ тишинѣ, покоѣ и счастіи. Не шумныя веселости, не пышныя общества манишь меня лучшею жизнью: нѣтъ, — кругъ близкихъ родныхъ и родимой край — вотъ всѣ блаженства, которыми я ограничусь на всю мою жизнь. Умѣренныя желанія, спокойная совѣсть, немного друзей самыхъ искренныхъ — вотъ что составляетъ мое счастіе, счастіе существенное, не идеальное, или мечтательное.

Совершивши два рода пруднаго пути, я теперь отдыхаю послѣ ихъ въ Якутскѣ. Сорокодневное мое пребываніе въ морѣ, ознакомилло меня съ образомъ жизни мореплавателей, и я беру смѣлость утверждать, что для пребывающихъ на морѣ нѣтъ ни роскоши, ни нѣги, ни покоя. Тамъ сама природа скудна такими картинами, которыя бы веселили душу; памъ единообразіе наводитъ на всѣхъ скуку, и чтобъ освободиться изъ подъ свинцоваго ея ига, должно переноситься въ міръ фантазій, — ими освѣжаясь въ памяти прелести свѣтскихъ наслажденій, которыя однакожь переходчивостію своею отъ радости къ печали также весьма сходны съ непостоянствомъ Океана. Одно мгновеніе — и зеркальныя воды, способныя отражать ма-

лѣйшій предметъ, оставляя свой крошкѣй видъ, гнѣвомъ кипящъ прошиву всей природы. Одно мгновеніе — и пресыщенный слашюлюбіемъ Сибаритъ, всегда прилѣпленный къ свѣту, познаетъ всю его ничтожность, закрываешь глаза, скрежещешь зубами на все то, что было ему столь мило до послѣдней минушы его жизни. Во время пребыванія моего на спрашной сей спихіи, многе восхищалась я смѣлымъ изобрѣшеніемъ челоуѣка—успроишь пловучій міръ; но не могла не признавать его дерзоспнымъ, когда возспавала буря, когда ходящія грядами могучія горы, размешывая съ вершинъ своихъ шпящую пѣну, то высаясь, топовыя ринушся на насъ всей шягоспью своею, то разшупающся и пропаспями зіяющъ подъ глазами. Въ морѣ погибель всегда опверспна, опасность шакъ очевидна и присуща, что по одной шолько къ нимъ привычкѣ, или по равнодушію къ жизни и смерти, можешъ спать спокойно мореплавашель. Наше плаваніе было самое неудачное: жестпокія бури, прошивные вѣспры, гусшыя шуманы мучили насъ поперемянно. Оспаваясь по нѣсколку дней сряду, по причинѣ пасмурныхъ погодъ, безъ солнечныхъ наблюдений, мы немогли имѣшь шочнаго опредѣленія своего мѣспопребыванія, и въ одну жестпокую бурю, съ сильнымъ дождемъ и не-

проницаемѣмъ шуманомъ, двое сушокъ продолжавшуюся, судно наше въ споль гибельное занесено было мѣсно, что освободиться изъ онаго было дѣло весьма сомнительное. — Ночь, проведенная въ ужасномъ ожиданіи рѣшилась наго часа погибели, или спасенія нашего, пребудешь для меня навѣки незабвенною. Но живъ Господь спасай люди своя; — поушру часной мракъ разсѣлся, солнце появилось на горизонтѣ и первый лучъ его опразился въ слезѣ моей. — О! если бы лутезарное свѣшило незарило тогда душу мою лучемъ пайныя надежды ко спасенію нашему, то крупныя слезы навспрѣчу ему кашившіяся, сопровождались бы такимъ опчаяніемъ, какое, кажешся, всколебало бы самое Небо; но предчувствіе мое меня необмануло. Провидѣніе послало намъ ясный день и благопріятный, тихій вѣшперокъ, при помощи коихъ, съ большею однакожъ дѣшельносноію и оспорожносноію, мы выбрались изъ шакого, мѣсна, гдѣ жизнь наша была на волоскѣ. День всшупленія на матерой берегъ Азіатской Россіи, былъ для меня шоржесшвенный; но я должна была опяшь гошовиться въ пушь, шрудносношями своими превосходящій первый. Хошя верховой переѣздъ шысшчи версшгъ, ошъ Охонска къ Якушску, былъ для меня не новой, но приближеніе зимняго времени наводило на меня шстрахъ и опасеніе.

27 Августа двинулся изъ Охошскѣ нашъ караванъ, состоявшій изъ 150 лошадей. Со мною ѣхали нѣсколько женщинъ и дѣтей. На случай изнеможенія или болѣзни первыхъ, двѣ лошади несли носилки, или лучше сказашь, маленькую на двухъ длинныхъ шестахъ поспавленную кибиточку, которая здѣсь называется *катки*, дѣши же сидѣли въ ящикахъ, висячихъ съ обѣихъ боковъ лошади, копорую вели за поводъ. Осшаваясь по цѣлому дню въ сихъ, можно сказашь, формахъ, маляшки болѣе всего шерпѣли по сей дорогѣ; съ какимъ плачемъ они умоляли, чшобъ несадили ихъ въ мучительный экипажъ, копорой называется *турсукъ*; но я переспавлю двѣ лихеры и *трисукъ* будетъ самое приличное для него наименованіе: при малѣйшей рыси лошади, присукъ колошится объ лошадь во всѣхъ направлеіяхъ и присепъ бѣдное дитя, оно начинаешь кричашь, пропягиваешь ручонки и проситъ себѣ пощады.

Первые три дни нашего путешествія погода была самая лѣшняя, часшо мы сходили съ лошадей, чшобъ прогуляшья пѣшкомъ и полакомишья ягодами, копорыя въ большомъ количествѣ росли по дорогѣ. Приближаясь къ хребтамъ горъ, измѣненіе погоды дѣлалось ощупительнымъ, спановилось пасмурно, холодношшо, а когда уже начали взби-

рашья на извѣстный Спановый хребешъ, по
 лѣсь рѣдѣль, вѣспрь дуль свирѣпѣе, холодъ
 былъ чувствительнѣе и громъ камней, гремя-
 щихъ подъ ногами нашихъ лошадей, наводиль
 на чувствва оцѣпненіе. Доспигши самой вер-
 шины онаго, мы беззащитно шерпѣли силь-
 ные порывы бури, кошорая взвивала снѣгъ
 къ облакамъ вихрями; я увидѣла себя въ цар-
 ствѣ Аквилоновъ, гдѣ зима, воздвигая пре-
 споль свой, забошливою уже рукою раскиды-
 вала бѣлоснѣжные ковры по оспрымъ гра-
 нямъ сѣраго камня. Желая удалиться ошъ ша-
 кихъ мѣстъ, гдѣ все принимало на себя мер-
 швый образъ, мы поспѣшно спускались съ
 хребша; но увы! ложбины между горъ уже не-
 могли насъ пріюпитишь подъ снѣгъ пріятной
 осенней песпрошы своей, все запало снѣгомъ,
 вездѣ лежалъ холодный пухъ. У Бога все го-
 шово: и веселый пиръ природы въ нѣсколько
 часовъ смѣненъ печальнымъ зрѣлищемъ зимы,
 суровоспи кошорой мы должны были шер-
 пѣть на необишаемомъ проспраншвѣ восьми
 сотъ верспъ!

Спановый хребешъ лежишь вдоль бе-
 рега Воспочнаго Океана, ошраслями своими
 досягая Ледовишаго моря. Сія знаменищая
 цѣль Сибирскихъ горъ ошшоитишь ошъ горо-
 да Охошска на 150 верспъ. Рѣки, вышека-
 ющія съ воспочной ея шпороны, впадаюшь

въ Воспочный Океанъ; на западъ же шекущія имѣющъ свое направленіе во внутрь Азіи. Есшлы образованіе горъ на земномъ шарѣ одинаково, по я смѣю думать, что не видавшій оныхъ обманется, воображая, будто цѣпь горъ есш длинный рядъ одной съ другою близко споящихъ горъ. — имѣющій шакое понишіе вѣрояпно удивился моему сравненію, когда я уподобляю хребешъ горъ вѣшвисшному дереву, которое когда упадаешъ, по раскинушыми своими вѣшвями дѣлаешъ путь непроходимымъ; шакъ и хребешъ сей оппрысками своими занимаешъ пространшво 400 вершъ. Вязкія болоша, быспрыя рѣки, изъ кошорыхъ нѣкошорыя шакъ глубоки, что переправляшся должно вплавъ на лошадяхъ, оспрые камни, глубокія рышвины, перепрыгиваемыя лошадьми, густоша лѣса, сквозь кошорую пробираясь получаешъ иногда довольно шяжелые опъ вѣшвей деревъ удары (*) — вошъ все, что смѣняешся одно другимъ на семь пущи. Въ одинъ день мнѣ доводилось семь разъ взбирашся на вершины горъ, выше облакъ возносящіяся; крѣпко схващясь за гриву лошади, спущались мы съ кремнишыхъ

(*) Одна изъ моихъ сопущницъ, не успѣвши прыгнушся къ лошади, получила шаккой сильный ударъ въ грудь толестою вѣшвью, чрезъ дорогу нависшею, что упала безъ чувствъ.

поднебесныхъ горъ сихъ къ ихъ подножіямъ;
на шаговыхъ высокахъ земли, кажешся, буд-
то лежишь въядыи гнѣвъ природы, камешъ
на камнѣ и

Ни что тамъ не растешъ;
Ничто не зеленѣешъ;
Тамъ пшница глѣздъ не вѣешъ,
Червякъ ползши не смѣешъ. —

16-го Сеншября, день своихъ именинъ, я
провела выше обыклой поверхности земной;
въ сей день внеслись мы имѣя какъ будто бы
во шбесслвомъ окрыленные ноги, на гору Юни-
канъ, или мною названную Великаномъ. Пе-
ро мое изобразить и слабо и недоспапочно
весь ужасъ сего переѣзда, не могу безъ содра-
ганія вспомнить, на какой извивистой, по
крушизнамъ висячей надъ темными пропа-
стями, шропинкъ лошади наши, робко балан-
сируя, едва переступали съ ноги на ногу. бо-
лся упасть вмѣстѣ съ сѣдокомъ на оспрые
камни, какъ копыа изъ подъ снѣга высунув-
шіеся. (Вьючная лошадь изъ нашего конвоя
упавши на нихъ, получила смертельную рану).
Но иногда своимъ ногамъ довѣряя болѣе, схо-
дили съ лошадей и скользя по камнямъ рука-
ми и ногами, буровились въ снѣгу. Преодо-
лѣвшій шрудъ, миновавшій опасность, шу-
шилъ надъ своимъ поварищемъ, но шушилъ

только на словахъ, въ душѣ же каждый претепалъ и за себя и за другихъ.

Достигши вершины великолѣпно воздвигнутой сей горы, изъ среды всѣхъ горъ, хребтъ сей составляющихъ, взоръ мой объятъ такое проспанство въ подлунной, какое не многіе, смѣю сказать, изъ нашего пола имѣли у себя подъ глазами. Съ одной спороны смѣющійся доль вдали смѣжался съ небо-склономъ, съ другой—громады снѣжныхъ горъ, вершинами своими перемѣшивались съ облаками, соспавляли разительный контрастъ величественнаго съ проспымъ, ужаснаго съ крошкимъ. Картины природы имѣютъ большое вліяніе на нашу душу; это языкъ ея, внятный нашему сердцу; прелестный видъ опдаешся въ душѣ какимъ-то сладостнымъ чувствомъ; ужасный, — шакъ сказать, передаетъ намъ плачь свой. — Зайдите въ ущелья подъ высокія скалы, гдѣ сіи навислые оспавы земли готовыми кажутся рушиться на вашу голову. Обвалившіеся обломки сихъ современныхъ міру снѣговъ звѣншатъ, какъ коши мершвеца, у васъ подъ ногами; робко спущая по нихъ, вы пришапаетесь духомъ, спрашасъ какъ бы узнашъ въ себѣ злодѣя, укывающагося ошъ зоркости людской; но перенеситесь на долину, благоухающую ландышемъ, подъ шѣнь вѣшвисшаго дуба: шощъ часъ до-

вольная бытіемъ душа ваша, ошдѣляется отъ всего земнаго, паритъ къ Творцу своему, неся ему хвалу и благодареніе. Часпо измоченные дождемъ и снѣгомъ, мы были принуждены продолжати безъоспановочно пупь свой по безплоднымъ равнинамъ, покрытымъ шаровидными камнями; обросшіе чернымъ мхомъ, они какъ будпо сквозь рѣшенку глядѣли, выпуклостями своими — на свѣшь. Досшигши же удобнѣйшаго для кварширь мѣсна, раскидывали на разчищенномъ отъ снѣга мѣснѣ свои палашки, разводили коспры огня и въ шакой роскоши, при 12-ши градусахъ мороза, предавались покою; съ ушромъ осшавляли съ горемъ свои бивуаки и снова пуцались въ незавидное свое пупешествованіе. Но учасп лошадей нашихъ была еще гореспнѣ нашей: неимѣя ошдыха днемъ, они должны были бродитъ по снѣгу во всю ночь, глодашь вѣшвыи и кору деревъ: ибо подножный кормъ завалило снѣгомъ; изнуряемые такимъ образомъ, число ихъ каждодневно убавлялось и положеніе наше день ошо дня спановилось хуже. Наконецъ одно осшалося намъ средство пособишь себѣ въ бѣдѣ венномъ нашемъ положеніи: покинушь весь богажъ свой и на осшавшихся лошадяхъ уплѣшались отъ люшости зимы, несшерпимою уже для насъ и малюшокъ нашихъ содѣлавшейся, — Послѣ сорока-дней-

наго нашего спранспованія, съ неизобрази-
мымъ воспоргомъ доспигли мы величеспвен-
ной рѣки Лены, переправа чрезъ которую бы-
ла уже нѣсколько опасна; ибо большими гро-
мадами неся ледъ. Небольшой, но красивый
городокъ Якутскъ, оплпчаешъ себя своимъ
хлѣбосольствомъ и геспепрїимствомъ: по-
симъ двумъ правамъ я прїяша въ домъ од-
ного почшеннаго шамошняго купца. Богатый
душевными доблеспями онъ заслуживаешъ
особое вниманїе опъ всѣхъ своихъ знакомыхъ
и за шо, что сорокъ уже разъ пробхалъ по
адской къ Охтску дорогѣ: здоровье его можно
назваешъ цвѣшущимъ, хотя ему 50 лѣшъ.

Мнѣ остаешся еще 10 тысячъ до своей
родины — распоянїе, меня неужасающее, ког-
да буду ѣхашъ въ покойномъ экипажѣ и ос-
панавливашся въ теплой избѣ. Здѣсь холода
доходяшъ до 50 градусовъ, но шшина воз-
духа дѣлаешъ ихъ для человека сперпи-
мыми.

Вижу, Милоспивый Государь, что пись-
мо мое переспуило границы писемъ обыкно-
венныхъ — эшо оправдываешъ давнее мнѣ-
нїе, что женщины болшлвы. Простїиш ве-
ликодушно моей смѣлоспи, заняшъ васъ на
нѣсколько времени. Чувствую, что я опвлек-
ла васъ опъ дѣдъ, опечеспву полезныхъ; но

снизходительность естъ свойство душъ великихъ.

Исполненная къ вамъ высокопочитаю, я не могу не быть вашею

Милосшивый Государь.

Покорною къ услугамъ

Людмила Рикордъ.

1822 года
 Ноября 30 дня
 Г. Якушскъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О КНИГѢ.

2-я Часть книги: *Объ обращеніи съ людьми*, переведенной и въ сочиненіи Барона Книге, новое изданіе, исправленное и дополненное, вышла изъ печати и раздается почтенныиъ Гг. Пренумераціамъ въ книжныхъ лавкахъ Глазунова, Свѣшниковъ, Заикина, Плавильщикова и Слѣпина. — Не одинъ шокмо юноша находишь въ семъ сочиненіи надежнѣйшее руководство какъ долженъ онъ вести себя во всѣхъ многоразличныхъ обстоятельствахъ большаго свѣта, чшобы снискашь любовь и уваженіе; даже и зрѣлому возрасту представляешся здѣсь шоль обширное поле для размышленія, чшо безъ сомнѣнія и самый опыннѣйшій знашокъ большаго свѣта прочешъ книгу сію не безъ всякой пользы и удовольствія. Знаменишый Авторъ оной, въ соображеніяхъ своихъ, не основывался на об-

цихъ правилахъ обращенія; но представивъ
 каждый характеръ челоѣка въ ошдѣльности,
 показываешь, какимъ образомъ должно по-
 ступаиъ въ обращеніи съ каждымъ изъ нихъ,
 и шѣмъ самымъ швореніе сіе заслуживаешь
 преимущесшво предъ всѣми подобными. —
 Издашель смѣешь надѣяться, что книга сія,
 содержащая въ себѣ правила шоль благодѣ-
 шельныя и можешь бышь необходимыя для
 всякаго желающаго доспигнушь истиннаго
 благополучія въ кругу людсй, обратишь на
 себя вниманіе благонамѣренныхъ Соощечесш-
 венниковъ, которые не умедляшь содѣйствво-
 вать скорѣйшему окончанію сего оощеплез-
 наго предпріяшя предварительною подпис-
 кою. На всѣ 4 часши подписка продолжается
 въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспи-
 шательнаго Дома. Подписная цѣна онымъ 4
 часшямъ 12 руб.; съ пересылкою въ другіе
 Россійскіе города 15 рублей; при подпискѣ вы-
 даются 1 и 2 часши, а на ошталныя билетъ.
 По ошпечатананіи всего шворенія, цѣна сія, по
 необходимости, должна будешь возвысшсья.

ЛИТЕРАТУРА.

А.

ПРОЗА.

ГОСТИНАЯ АНТЕНСКОЙ УЛИЦЫ

*Отрывокъ изъ книги: Добродушный, или
изображеніе Парижскихъ нравовъ XIX сто-
лѣтія.*

Nous naissons, nous vivons pour la société.
BOULEAU.

Чины и богатство пользуются все-
ми своими преимуществами въ провин-
ціальныхъ обществахъ; черта, отдѣляю-
щая людей, которые обладаютъ оными,
отъ тѣхъ, которые имъ завидуютъ,
весьма ясно тамъ означена, и послѣдніе
не могутъ безнаказанно пресупасть
чрезъ оную. Все подчинено тамъ введен-
нымъ гордостью мѣлочнымъ правиламъ

Часть XXIII. Кн. II.

8

прилиній и разборчивости. Малѣйшее противъ нихъ упущеніе почитается непростительнымъ пресупленіемъ; и часто бываетъ, что наследственная ненависть, нарушающая нѣсколько десятковъ лѣтъ спокойствіе двухъ семействъ, не имѣетъ другой причины, кромѣ какого нибудь неважнаго несоблюденія законовъ учтивости. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ Департаментовъ, чинность еще сохранила часть своей пустой важности. Каждое сословіе общества имѣетъ свои особенныя собранія, въ которыхъ никто уже, не принадлежащій къ оному, не имѣетъ входа. Такая смѣшная разборчивость не приноситъ никакой другой выгоды кромѣ того, что удовлетворяетъ глупому тщеславію.

На прошедшей недѣлѣ получилъ я письмо отъ стариннаго пріятели моего Шевалье де Церана, который извѣщалъ меня, что сынъ его отправился въ Споллицу. „Эрнесетъ, писалъ онъ мнѣ, вовсе неимѣетъ недоспашковъ, свойственныхъ его лѣтамъ, и успѣхи его во всѣхъ родахъ съ избыткомъ вознаграждаютъ ме-

ня за попеченія мои о его воспитаніи. Не смотря на молодость свою, онъ чувствую-
 ешь уже всю цѣну того, что происходитъ
 отъ древней дворянской фамиліи. Это чув-
 ство, по счастью, имѣло вліяніе и на вы-
 боръ знакомствъ его: никогда, подобно
 многимъ вѣпреникамъ, не дружился онъ
 со всякимъ, кшо только встрѣшился.
 Сынъ мой, который даже и въ удоволь-
 ствіяхъ своихъ сохраняетъ все достоин-
 ство, приличное челоуѣку самага высша-
 го званія, имѣешь честь быть въ связи
 съ дѣшми знаменитѣйшихъ семействъ
 нашей провинціи. Находясь подъ покрови-
 тельствомъ Виконта З***, который самъ
 ищешь мѣста; Маркизы Т***, которая
 ожидаетъ отъ двора пенсіи и Барона К***,
 которому уже тридцать лѣтъ какъ объ-
 щана очень важная должность, Эрнестъ
 снабженъ отъ нихъ множествомъ одобри-
 тельныхъ писемъ, и находишься уже на
 пути въ Парижъ, куда онъ прибудетъ
 чрезъ нѣсколько дней послѣ моего письма.
 И пошому, продолжалъ Шевалье, прошу
 васъ любезный другъ, неопказашъ сыну
 въ томъ расположеніи, которымъ всегда

пользовался отецъ его; я не смѣю повторять вамъ всѣхъ шѣхъ похвалъ, копорыми осыпають здѣсь Эрнеста; вы бы вѣрно почли родишельскимъ пристрастіемъ, но могу васъ увѣришь въ шомъ, что оно никогда не остѣпшишь меня столько, чтобы я не замѣчалъ недоспашковъ, еслибы имѣлъ оные сынъ мой.— Хотя благодаруміе его не позволяеть мнѣ имѣть ни малѣйшаго опасенія на счешъ его поведенія, но я прошу васъ бышь ему наставникомъ и пушеководителемъ въ Сподлицѣ; дайше направленіе его поступкамъ, копорыхъ успѣхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; предсшавыше его именишымъ вашимъ родшвенникамъ, копорыхъ шипла и славныя дѣянія давно уже ему извѣсны; въ особенносши же убѣждаю васъ предохранишь его отъ опасносши, войши въ связи съ такими людьми, копорыхъ знакомсшва онъ могъ бы спыдись у насъ въ Провинціи.“

Черезъ шри дня послѣ письма, явился ко мнѣ Эрнестъ. Эшотъ молодой человекъ одаренъ былъ пріятною, но слишкомъ уже спепенною физиогноміею; во

всѣхъ поступкахъ своихъ, онъ спарался показывать важность, которая представляла забавную противоположность съ небольшимъ его ростомъ. Сполькоже занимаясь нарядомъ своимъ какъ и умомъ, онъ безпрестанно поправлялъ свой галстукъ и говорилъ одними только самыми общими выраженіями. Слова съ большимъ затрудненіемъ являлись на устахъ его, но за то онъ произносилъ ихъ съ нѣкоторымъ гордымъ единообразіемъ и всякая рѣчь его оставляла послѣ себя на лицѣ, слѣды извншней улыбки или пренебреженія.

Эрнесъ увѣдомилъ меня, что прѣхавъ на канунѣ, онъ остановился было въ *Лижскомъ* шрактирѣ, но невнимательность, съ которою его шамъ приняли и недосмашечное уваженіе къ его особѣ, напередъ уже предупредили его въ томъ, что онъ будетъ имѣть шупь очень дурное жилище, и пошому онъ пошчасъ рѣшился перемѣнить его. Выборъ его палъ на прекрасный *Валлійскій* шрактиръ. Учивоснѣ, съ которою принялъ его шамъ хозяинъ, уступала одной только покор-

ной заботливости слугъ. Едва только Эрнестъ успѣлъ вписать имя свое въ книгу для прѣзжихъ какъ слухъ его прѣпнычъ образомъ былъ пораженъ словами: *приготовьте комнату для Господина Шевалье . . . .* На каждое приказаніе его отвѣчали непременно съ прибавленіемъ эшаго пишла и съ низкимъ поклономъ. — Правда, что отъ множесва живущихъ въ этомъ домѣ, услуга была весьма затруднена, что должно было поневоѣ дожидаться своей очереди; но слуги извинялись съ такою униженностію! они оставляли господина Шевалье только для Графовъ или для Герцоговъ . . . какъ послѣ этого рѣшишь ся бранить ихъ? . . . Самыя нужнѣйшія вещи подавали не ранѣе какъ черезъ полчаса; кушанье приносили холодное, а вино теплѣе, но въ замѣну того, прислуживали съ такою почтительностію, что по истинѣ, никакъ не возможно было сердиться.

Эрнестъ сообщилъ мнѣ всѣ свои планы: они были обширны. Благодаря высокому о себѣ мнѣнію, которое другіе старались внушить ему, онъ не зналъ

границъ своимъ надеждамъ. Довольно было только произнести передъ нимъ какое нибудь славное имя, чтобы тотчасъ возбудишь въ немъ желаніе, уподобишься тому, кто носилъ его; и въ продолженіе двухъ часовъ нашего разговора, онъ попеременно принималъ намѣреніе воскресить собою Колберца и Тюрення, Расина и Монпескье, однимъ словомъ, всѣхъ великихъ мужей, кошорыхъ дѣянія увѣнчались славою.

Согласно съ желаніемъ отца его, я пригласилъ Эрнеста, ѣхать въ тотъ же день со мною къ одному изъ моихъ родственниковъ. Замѣшивъ, какъ нетерпѣливо желалъ онъ узнать о его имени, я предупредилъ вопросы его, сказавъ, что располагаю провести вечеръ у племянника моего Генералъ Лейтенанта Графа П . . . . Эрнестъ съ величайшимъ удовольствіемъ согласился на мое предложеніе.

Когда мы пріѣхали въ домъ Графа на Антенской улицѣ, то большая часть общесства уже собралась; хозяйка дома сидѣла въ гостиной подлѣ камина: я пред-

спавиль ея сестра. Молодой нашъ провинціалъ, который за обязанность почель, съ перваго приѣма блеснушь умомъ своимъ и знаніемъ свѣтскаго обращенія, началъ осыпать ея самыми напыщенными привѣтствіями. Племянница моя показывала видъ, будтобы ихъ понимаетъ и когда онъ кончилъ, шо поблагодарила его одною изъ шѣхъ улыбокъ, которыя имѣють ту выгоду, что ихъ можно толковать какъ угодно; послѣ чего, обернувшись ко мнѣ, начала пенять мнѣ за шо, что я пріѣхалъ позже обыкновеннаго. Дорогою замѣнилъ я, что часы мои ошановились, и эшо послужило мнѣ извиненіемъ.

Поговоривъ нѣскольکو времени о послѣднихъ произшесшвіяхъ, перебравъ всѣ журнальныя новости, разхваливъ до небесъ одну недавно вышедшую безыменную кни. у, которой авторъ находился тамъ же, и перецѣнивъ всѣхъ ошсуществующихъ, начали соснавлять нартіи. Племянница моя непремѣнно хопѣла посадить меня за виспъ, но мнѣ удалось ошговориться и между шѣмъ, какъ про-

чіе занялись игрою, я по обыкновенію моему ходилъ по комнашамъ и замѣчалъ. Подобно всѣмъ многолюднымъ собраніямъ, общесство Графини представляло странное смѣшеніе чиновъ, соспоцій и званій . . . . Тамъ у окна, спуденшъ юриспруденціи разсуждалъ съ Государспвеннымъ Совѣспникомъ, копорый весьма часпо соглашался съ мнѣніями молодого законовѣдца; недалеко опъ нихъ липерапоръ дагалъ наспавленія важному чиновнику Государспвенныхъ финансовъ. Я увидѣлъ сидящихъ за однимъ споликомъ площаднаго шарлапана А***, копорому недавно постаспвилось вылечисъ опъ смерпи Барона де Г***; славнаго адвоката Б***, копорый пошпру допуспиль несправедливо осудисъ челоувка, обнадеженнаго имъ въ вѣрномъ успѣхѣ; спарую Маркизу Д***, копорой добрая слава никогда не была подвержена ни малѣйшему сомнѣнію и молодую госпожу М***, копорая кажешся нарочно спарешся доспавляшь пищу злословію.

Предоспавивъ Эрнеспа собспвенной его волю, я нѣсколько разъ наблюдалъ за

нимъ въ продолженіе вечера и замѣшль, что онъ занимался только шѣми людьми, копорые имѣли блестящую наружность. Всякой человекъ, хотя нѣсколько по видимому важный, тотчасъ становился предметомъ его угожденій. Онъ удивлялся только тому, что отличная вѣжливость его не обращала на себя почти никакого вниманія; для него казалось непостижимымъ, какъ Шевалье де Церанъ, столь славный въ провинціи, не былъ извѣстенъ въ Парижѣ даже и по имени. Другое обстоятельство еще болѣе его удивило. Когда переснажи играть въ каршы, то началась музыка. Въ самое то время, какъ молодой Л*** и Госпожа С*** шѣли дуэшь изъ *Армиды*, дверь распворилась и Эрнестъ узналъ Префекта своего Департаментна, копорый вошелъ на цыпочкахъ, низко раскланиваясь всему обществу, между шѣмъ какъ большая часть онаго даже не обратила на него и взоровъ. Такое неуваженіе было для него очень непріяно; но скромность Префекта, копорый выбралъ себѣ мѣсто въ уголку, показала ему еще того стран-

нѣе; онъ не могъ этого вытерпѣть и сообщилъ удивленіе свое сосѣду, который увѣрилъ его, что хорошо воспитанные Префекты никогда не поступаютъ иначе, находясь въ Парижѣ.

Я подошелъ къ Эрнеспу и спросилъ его, нравишься ли ему общество Графини. Онъ былъ совершенно имъ очарованъ. Невнимательность къ послѣднему госпоу убѣдила его въ шомъ мнѣніи, что собраніе состоить изъ особъ одного только самаго высшаго званія. Зблужденію его была еще и другая причина. Два или три челоѣка, которыми онъ шупть же повѣрилъ планы свои и предположенія, пошчасъ вызвались служить ему, изъ чего онъ очень еспешвенно заключилъ, что надобно имѣть слишкомъ много власти, чтобы пошчасъ предлагать услуги свои незнакому челоѣку.

„Эпошь молодой челоѣкъ, сказалъ онъ мнѣ, показывая на одного изъ чиновниковъ Военнаго Департаментъ, обѣцалъ мнѣ покровительство свое въ канцеляріи Министра. — Эпо для него легко будешъ сдѣлать, ошвѣчалъ я, пошому что

онъ служить тамъ писцомъ. — Писцомъ? можешь ли это быть? — Точно такъ, и Заусердіе свое онъ получилъ нынѣшній годъ сто франковъ награжденія. — Какъ! неужели онъ не болѣе, какъ проспой писецъ! — Онъ еще сверхъ того сынъ одного очень честнаго купца. — И Графиня принимаетъ его къ себѣ въ домъ? — Даже съ большимъ удовольствіемъ, потому что онъ оплочно ведетъ себя и умѣетъ соединять скромность съ пріятными паланцами. — А этотъ господинъ въ синемъ фракѣ, который такъ дружески разговариваетъ съ нашимъ Префектомъ; я твердо увѣренъ въ томъ, что онъ не писецъ и что содѣйствіе, которое онъ мнѣ обѣцалъ по Минисперству Внутреннихъ Дѣлъ . . . . — Также не принесетъ большой пользы: впрочемъ онъ можешь попросить, чтобы скорѣе занесли въ журналъ твою прозбу.“ — Такія мои объясненія причинили ему большое неудовольствіе. „Здѣсь только всего два человека, сказалъ онъ мнѣ, которыхъ слишкомъ простая наружность показалась мнѣ неумѣстною. Если бы, которыхъ я

принялъ за важныхъ особъ; ничего не значащъ, шо кто же такіе эти господа? — Тогда показалъ онъ мнѣ на двухъ спариковъ, сидящихъ подлѣ хозяйки дома. — „Одинъ изъ нихъ, опивчалъ я ему, Перъ Франціи, а другой Государственный Министръ. — Вы шушите? — Нисколько: въ Парижѣ мало заботяща о наружности и люди имѣютъ цѣну единственно по внутреннему ихъ достоинству. Но это мгновенное равенство не производитъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Тѣ же самые люди, копорые здѣсь почти на одной чертѣ съ своими начальниками, завтра поушру, являсь къ должности, будущъ имъ съ покорностію повиновашья. Это актеры, копорые, вышедъ за кулисы, на минушу позабыли свои роли и копорые, при поднятіи занавѣса, опять показуся на сценѣ свѣша въ тѣхъ званіяхъ, копорыя назначены имъ сообразно съ ихъ способностями.“

Эрнестъ не могъ опомнишья отъ своей ошибки; однакоже когда передъ концемъ уже вечеринки я опять спросилъ его, весело ли ему, шо онъ признал-

ся, что такіа общесва имѣють свои
пріятности и согласился сомною въ томъ,
что если при подобномъ смѣшеніи званій,
гордосшь нѣсколько перяешъ, то въ за-
мѣну того удовольствіе много выигры-
ваетъ.

Съ Французскаго. С. де Шаллетъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ
ТОМАСА СМЕРТЬ-ЮГСА ВЪ ЯНИНУ,
ВО ВРЕМЯ ГОСПОДСТВА АЛИ-ПАШИ (*).

~~~~~

Прибытіе въ Янину. — Видѣ сего города. — Домъ Синьора Николы Аргири. — Его исторія. — Черта самовластія Али-Паши. — Синьорѣ Псалида. — Аудиенція у Паши. — Его наружность. — Ласковый его пріемъ Путешественникамъ. — Сераль Литарица. — Жестокости Али. — Его хищничество. — Цыга-

(*) Изъ книги: Voyage à Janina, en Albanie, par la Siale et la Grèce, trad. de l'Anglais de Thomas Smart Hughes, &c. (Paris, 1821. — 2 vol. in 8). Отрывокъ сей составляетъ XI главу I части.

не. — Полиція. — Посѣщеніе Мухтарѣ Пашѣ. — Посѣщеніе Махметѣ Пашѣ. — Привлекательный нравѣ сего молодого Турка. — Кіоска Али-Паши. — Посѣщеніе Г. Пүкевилль, Французсколиц. Консулу. — Похвала елиц. — Услуга, оказанная илиц одной вдовѣ Турганкѣ. — Любопытный Анекдотѣ обѣ Али-Пашѣ. — Новый знакѣ его вниманія кѣ путешественникамѣ. —

Выѣхавъ рано поушпру, мы начали спускашься въ долину Янинскую. Почши за двѣ мили ошъ сего города, поднялись мы на небольшую возвышенность, ошкуда увидѣли вполнѣ всѣ его дворцы и мечешы, на берѣгу красиваго озера, близъ коего ошъ построены.

Длинная улица, шире обыкновенныхъ улицъ въ Турецкихъ городахъ, привела насъ къ ошкрытому мѣспу, гдѣ находилъся просшранное кладбище, и ошкуда видѣнъ Сераль Липарица, принадлежащій Али-Пашѣ, и Серали двухъ его сыновей, Мухтара и Вели. Зданія сіи построены

въ лучшемъ вкусѣ Турецкой архитектурѣ; стѣны ихъ разписаны самыми яркими красками. Сія при дворца, съ лежащимъ близь нихъ озеромъ и величественными горами, заключающими всю картину, сославляющъ самое великолѣпное зрѣлище; но внутренность города не впечатлѣетъ оному. Подобно какъ и во всѣхъ Турецкихъ городахъ, дома здѣсь не для того построены, чтобы блеснушь наружносною. Почти всѣ улицы состоятъ изъ однихъ только стѣнъ: окна, двери и галереи обращены на дворъ. Самой нижней этажъ домовъ построенъ вообще изъ камня, смазанныхъ грязью, а верхній изъ дерева съ извѣстью, и покрытъ впуклыми черепицами, или просшикомъ, находящимся въ изобиліи по берегу озера и весьма удобнымъ для сего рода построекъ. Однакожъ, говоря вообще, дома въ Янинѣ кажутся опрятнѣе и прочнѣе, нежели въ какомъ либо другомъ изъ видѣнныхъ нами Турецкихъ городовъ.

Пройхавъ многія другія улицы, мы остановились подлѣ жилища Г. Георгія Форесши, Англійскаго Резидента; и какъ

его не было дома, то мы поѣхали въ домъ Николы Аргири, гдѣ Визирь назначилъ намъ квартиру. Это тошъ самый, кошорый занимали Лордъ Байронъ и Г. Гобгоузъ во время своего пребыванія въ Янинъ. Какъ онъ представляешь довольно вѣрный образчикъ разположенія нынѣшнихъ Греческихъ домовъ, то я намѣренъ описашъ его въ короткихъ словахъ.

Черезъ створчатую дверь съ улицы, входишь въ просторный портикъ (или piazza), выдающійся премя споронами въ дворъ съ садомъ, отдѣленнымъ отъ двора заборомъ. Исподній этажъ (rez-de-chaussée) заслоняется симъ портикомъ, и содержитъ конюшни, кладовыя и прочія принадлежности дома. Каменная лѣстница ведетъ отъ дверей на красивую галерею, лежащую на сводахъ портика и покрытую длиною, навѣсистою кровлею дома. По сей галереѣ можно прохаживаться въ дурную погоду и предаваться лѣнностному покою въ жаркое время. Въ одномъ концѣ ея стоишь купальня, въ другомъ кіоска съ стульями и подушками; здѣсь-то хозяинъ сидитъ, пищаясь

свѣжимъ воздухомъ, и здѣсь-то обыкновенно принимаетъ гостей. Изъ галлерей входящъ въ комнаты. Самыя большія изъ нихъ шѣ гдѣ, живутъ мужчины, шупъ находится диванъ или софа, на фупъ выше полу; на ней наложены шюфяки и подушки. Сія софа служишъ для сидѣнья и для спанья; ибо Грекъ вѣчно оспаешя въ одной комнатѣ: днемъ онъ въ ней пьешъ, ѳспъ и куришъ шабакъ, а ночью спишъ. Онъ сбрасываетъ съ себя только частъ своей одежды и покрываетя шолшымъ одѣяломъ, называемымъ *паплома*. Съ другаго боку галлерей еспъ ходъ, ведущій въ *Гинецей*, или женскія комнаты, которыя вообще менѣ занимаемыхъ мужчинами; входящъ въ нихъ черезъ переднюю.

Лучшая комната этого дома была назначена для *Англійскихъ Милордовъ* (*). Она просторна и высока, съ двумя рядами оконъ на дворъ и съ карнизомъ между окнами. Верхъ камина украшенъ орна-

(*) Т. е. для путешественниковъ Смершъ-Югса, Паркера и пр.

ментомъ изъ лиспьевъ и лѣпною рабо-
пою, а диванъ покрытъ подушками изъ
синяго сукна, расположенными довольно
со вкусомъ. Мы были въ ней приня-
ты Синьйоромъ Николою и меньшимъ
его браномъ Иоанномъ, которые жили
вмѣстѣ съ маперью своею со всѣмъ уже
не на шакой ногѣ, на какой находился
энойтъ богатый и почтенный домъ при
жизни ихъ опца. У нихъ шесть сестеръ:
всѣ онѣ выданы за людей, занимающихъ
первыя мѣста въ Янинѣ. Опець ихъ былъ
человѣкъ необыкновенный. Въ печеніе
долгую часть своей жизни накопилъ онъ
велькое богатство шорговыми обороша-
ми, которые всегда ему удавались; но ка-
залось, одна цѣль, его къ сему побуждав-
шая, была возможность дѣлать добро:
городъ Янина обязанъ почти всѣми сво-
ими благошворительными заведеніями,
Анастасію Аргирі-Бреншо. Онъ постро-
илъ церковь, основалъ больницу, поло-
жилъ вкладъ для вспоможенія заключен-
нымъ въ шюрмахъ, строилъ мосты, до-
роги и п. п. Прибавимъ къ сему, что
онъ былъ человѣкъ образованный, и что

видъ его внушалъ почтеніе. Когда онъ показывался на улицѣ, маленькія дѣти подбѣгали и цѣловали ему руку, провожая его до дверей дома. Сказываютъ, что половина города шла за его гробомъ, и на силу чрезъ нѣсколько часовъ могли опустить шѣло его въ землю; ибо каждый хотѣлъ отдать ему послѣдній долгъ, облобызавъ хладную его руку.

Добродѣтели сего почтеннаго чело-вѣка не только возпоржествовали надъ предразсудками фанатизма, но обезоружили самую зависль. До кончины своей онъ былъ равно любимъ и уважаемъ Турками и Греками, и осшавался въ шѣсной дружбѣ съ Пашею, кошорый рѣдкой день не призывалъ его къ себѣ для бесѣды.

Жаль, что первый мой прислупъ къ описанію сего Власпишеля Албаніи, долженъ изобразить его неблагодарность (*). Чрезъ нѣсколько дней по кончинѣ стара-

(*) Филантропія въ *Анелійскомъ* вкусѣ, кошорая должна показаться весьма странною нашимъ чинашелямъ, когда дѣло идетъ объ *Али-Пашѣ!* — (Пр. Рус. Перев.)

го Анастасія, Паша призывалъ къ себѣ Николу, говоря, что хочешь поужинать съ нимъ о пошерѣ, горатной для нихъ обоихъ, пошерѣ, которая разперзала его сердце. Но къ концу разговора онъ изъяснилъ ему свое удовольствіе о томъ, что покойный его другъ не позабылъ его въ своей духовной, завѣщавъ ему земли, сады и другія угоды, коими владѣлъ въ Аршѣ; и чрезъ то сдержалъ всегдашнее свое обѣщаніе. Бѣдный Николо былъ сраженъ горестію, видя, что въ одну минуту лишается лучшей части своего наслѣдства, и рѣшился отвѣчать, что родитель его оставилъ по духовной Его Свѣшлости брильянтовой перстень дорогой цѣны; но что онъ не нашелъ никакого другаго завѣщанія. Паша въ минути перемѣнился въ лицѣ; мѣсто спокойной ясности засупило въ немъ сильное бѣшенство: онъ насупилъ брови и закричалъ, что сынъ, нарушающій уваженіе къ мамашѣ споль почтеннаго отца, опречаясь исполнить его обѣщаніе, не достоинъ жить на свѣтѣ. Николо, боясь за жизнь свою — имущество, которое онъ

болѣе всего цѣнили, — старался укротить гнѣвъ пирана и сказалъ ему, что какъ намѣреніе отца его было столь ясно, хотя покойный и позабылъ о немъ упомянуть въ своемъ завѣщаніи, — то онъ проситъ Пашу благосклонно принять требуемое имѣніе.

Сіе прищѣсненіе было только началомъ бѣдствій Никола. Характеръ его былъ ни мало ни похожъ на характеръ его отца и сумазбродные поступки его скоро представили Визирю случаи почти совершенно его ограбить и оставить въ шомъ жалкомъ положеніи, въ которомъ мы его нашли, живущаго въ огромномъ домѣ при шакоемъ доходѣ, какого едва бы спало, чтобъ жить въ хижинѣ. Надмѣнность, часно засыпающая мѣсто минувшаго благосостоянія, придавала ему видъ принужденности и даже грубости при первомъ приемѣ гостей, которыхъ ему такимъ неучтивымъ образомъ велѣли помѣстить у себя; но скоро онъ увидѣлъ, что пребываніе въ его домѣ *Англійскихъ Милордовъ* доставляло ему столько выгодъ, что,

кажется, онъ охотно бы согласился намъ совсѣмъ его подарить, лишь бы мы навсегда въ немъ оспались.

Едва мы успѣли выложивъ наши пожитки, какъ пришелъ Янычаръ отъ Г. Форести звать насъ къ нему обѣдать; тамъ мы нашли Полковника Чорча, Командира Албанскаго полка въ Англійской службѣ; онъ въ этотъ же самый день прибылъ въ Янину, проѣхавъ сѣверные округи Эпира, начиная отъ древней приспани Авлонской, что нынѣ Арлона. Подобныя встрѣчи всегда пріятны для путешественниковъ. Знаменитый Псалида также пришелъ сюда на вечеръ. Онъ теперь начальникъ большаго училища въ Янинѣ и почищается ученѣйшимъ изъ всѣхъ нынѣшнихъ Грековъ. Не взирая на то, изъ разговоровъ съ нимъ я не могъ воздержаться отъ заключенія, что знанія его слишкомъ увеличены, а особливо въ Греческой Словесности. Онъ словоохотенъ и имѣетъ хорошій природный умъ; но говоритъ съ самовластнымъ тономъ и часто утверждаетъ ложныя мнѣнія. Онъ долго путешествовалъ, и въ одно-

шеніи къ вѣрѣ сдѣлался почти скептикомъ. Большую часть молодости своей провелъ онъ въ Пешербургѣ, гдѣ сочинилъ единственную изданную имъ книгу: *Разсужденіе о истинноиѣ счастіи, или основаніе всѣхъ вѣрѣ*, копорую посвящилъ Императрицѣ Екатеринѣ II.

Синьйоръ Псалида болѣе намъ понравился своими разказами о Россіи, нежели сильною выходкою прошивъ одного изъ нашихъ спутниковъ, Г. Кокреля, коего имя было ему не безъызвѣстно и копорый заслужилъ его немилость удачными своими изысканіями въ Эгинѣ и Фигалии. Онъ щедро потчивалъ его именами *τὸν βουρὸς* и *τὸν βούλος*, п. е. разорилъ гробовъ и свящоташца, съ другими подобными учтивостями Правду сказавъ, и Г. Кокрель не заинался въ своихъ опвѣсахъ Псалидѣ. Сей циническій философъ такъ же сильно нападалъ на другаго Англичанина, съ копорымъ былъ знакомъ въ Ячинѣ, и копорого достоинства споль высоки, что подобная брань не можеть быть для него оскорбительна. Наконецъ, онъ ополчился на цѣлую

нашу націю, укорялъ ея въ неблагодарности, будишо бы она хочешъ сковашъ новыя цѣни на несчастныхъ Грековъ, вмѣсто того, чтобы разрушить носимыя ими нынѣ, и чрезъ сіе доказашъ свою благодарность за неоцѣненныя выгоды, извлеченныя нами изъ швореній ихъ предковъ. Мы осмѣлились ему опивѣчать, что какихъ бы онъ ни былъ мыслей о Правительствахъ образованной Европы, — хотя едва ли должно удивляться ослабленію народной сострадательности, замѣтному въ нынѣшней политической системѣ (*), — но онъ не имѣлъ никакой причины обвиняшъ всѣхъ вообще Англичанъ въ томъ, что они отказываютъ въ состраданіи бѣднымъ его единосемцамъ и не дѣлаютъ никакихъ покушеній въ ихъ пользу; что наши Путешественники приѣзжали взглянуть на сіи мѣста, опражающіеся древнею славою Греціи, зашвердивъ еще прежде образцы вкуса и

(*) Это было писано въ 1812 году, когда всѣ Правительства должны были думать о самихъ себѣ. (Пр. Руск. Перев.)

философіи, кои она намъ передала, исполнясь восторга и согрѣваясь духомъ свободы, сіяющимъ въ ея писателяхъ; и что они никогда не упускали случая громко передавать повѣсть о бѣдствіяхъ Греціи въ слухъ шѣмъ, коиорые обладають средствами облегчить, или прекратить оныя.

Въ сихъ разговорахъ, и слушая приключенія Полковника Чорча (*) во время его путешествія по Албаніи, провели

(*) Сей самый Полковникъ Чорчъ (Church), получившій въ послѣдствіи чинъ Генераль-Лейтенанта, по неблагоумію своему сорвавъ съ одного Палермскаго Гражданина носимую имъ желзную ленту (16-го Іюля 1820 года), былъ причиною возмущенія, сповившаго въ печеніи двухъ дней жизни 2000 человекъ. Онъ самъ спасся только заспуненіемъ Англійскаго Посланника, коиорый взялъ его къ себѣ въ карету и шѣмъ избавилъ онь ярости народной; но домъ, занимаемый имъ, былъ совершенно разграбленъ и всѣ домашніе уборы онаго сожжены на площади *Делла-Марина*. (Пр. Франц. Перев.)

мы нѣсколько часовъ между обѣдомъ и временемъ, когда подали намъ кофе и прубки, всегда съ нимъ неразлучныя. Мы позабыли въ сей бесѣдѣ успалось нашу опъ дороги и пошли домой уже очень поздно. Слуга Г. Форести шель передъ нами съ фонаремъ: таково поспановленіе полиціи, весьма строго наблюдаемое въ сей Сполицѣ.

На другой день поутру Синьоръ Колоро, первый Драгоманъ Визиря, пришелъ къ намъ съ обыкновенными привѣтствіями опъ имени своего Господина, и спрашивалъ насъ о здоровьѣ. Ему велѣно было объявить намъ удовольствіе Его Свѣшлости о прибышii нашемъ въ его Сполицу, и что онъ съ радоспiю приметъ насъ въ своемъ Сераѣ: ибо Г. Форести предупредилъ его, что предскажетъ насъ послѣ полуденнаго времени. Опъ завтрака до минуты, назначенной для сего посѣщенія, мы прохаживались по городу: въ чепыре часа Г. Форести пришелъ за нами съ Полковникомъ Чорчемъ, и мы всѣ вмѣстѣ пошли въ новый Сераѣ Липарицу, огромное зданіе, по-

спроенное весьма живописно и достойнымъ любопытства образомъ, изъ дерева, размалеваннаго разными красками. Зданіе сіе какъ будто выходитъ изъ середины крѣпости, составляющей самый нижній его ярусъ (rez-de-chaussée): пушки, поставленныя въ амбразурахъ, кажутся, угрожающъ городу разрушеніемъ; живая картина ширанна ограждающъ гося бойницами посреди рабовъ своихъ!

Пройдя наружныя ворота, мы вошли въ большой дворъ, наполненный Албанскими солдатами, изъ коихъ одни прохаживались, другіе сидѣли на полу, и всѣ съ пирубками въ зубахъ. Въ этой толпѣ можно было различить Агъ и Бевъ по ихъ фуфайкамъ, споль щедро вышитымъ, что онѣ были тверды, какъ броня; Ташаръ (*) по ихъ шапкамъ; Дервишей по колпакамъ, на подобіе сахарной головы; Чаушей по проспямъ съ позолоченнымъ набалдашникомъ, и нѣскольکو бѣдныхъ просишелей, по уничиженному и умильному ихъ виду, которыи ясно показывалъ, что они не споль богаты,

(*) Т. е. Турецкихъ курьеровъ или гонцевъ.

чтобы купить у надменныхъ рабовъ доступъ къ ихъ властелину. У другихъ воровъ, ведущихъ во внутренній дворъ, находится небольшое зданіе на лѣво, гдѣ сидѣлъ тогда самъ Паша, принималъ прозбы и чинилъ судъ и разправу: ибо онъ заключаетъ въ одной своей особѣ высшее гражданское и духовное судилище своихъ владѣній. Надобно согласиться, что онъ довелъ до возможной простоты судебный порядокъ, и что ни одинъ Архоншъ, ни Муфти, ни Кади, ни другой какой либо судья, не заботится о спонкоствяхъ законоискуства: его воля единственнае его уложеніе; его своенравіе—единственнае его правило. Въ уголовныхъ дѣлахъ, доспойное удивленія правило Англійскаго законоположенія (*) гласитъ, что лучше спасти девяшь виновныхъ, нежели погубить одного невиннаго; но въ Янинѣ говорятъ вамъ на оборотъ: вѣнай девяшь невинныхъ, чтобы не пощадить одного виновнаго.

(*) Изъясненное также безсмертною Екатериною въ мудромъ Ея Наказѣ. (*Примѣт. Руск. Перев.*)

Мы вошли во дворець чрезъ какія-то сѣни, служащіе сараемъ для большой и тяжелой Нѣмецкой карепы; отсюда, по весьма узкой каменной лѣстницѣ, взошли въ жилыя комнашы Сераля, въ первомъ этажѣ находящіяся. Прощедши огромную комнашу, покрайней мѣрѣ во сто пядьдесять фузовъ длиною, гдѣ находится придворная свита, мы были введены въ красивую гостиную, хорошо убранную и раззолоченную весьма щедрою рукою. Полъ въ ней покрытъ богатымъ Турецкимъ ковромъ необыкновенной величины, а подушки на диванѣ изъ лучшаго Кипрскаго бархату и обложены золошою бахрамою. Сквозь окна съ большими зеркальными стеклами видно было озеро и горы, опоясывающія горизонтъ. Всѣ украшенія сего Дворца пышны; но съ какимъ удовольствіемъ зрѣніе желало бы лучше опдохнуть на произведеніяхъ изящныхъ искусствъ, кои споль ясно означаютъ черпу раздѣленія между великолѣпиемъ варваровъ и благороднымъ вкусомъ народовъ образованныхъ! Мы ожидали съ полчаса въ сей комнашѣ,

и все это время были какъ будто вышавлены на показъ, для удовлетворенія любопытства почти всѣхъ чиновниковъ, несольниковъ и евнуховъ Серальскихъ. Сеидъ Ахмешъ-Эфенди, человекъ весьма смуглаго лица, посланный отъ Паши съ порученіями въ Лондонъ, подошелъ къ намъ съ видомъ спарого знакомаго, и такъ сильно хотѣлъ выказашъ передъ своими товарищами обширныя свои познанія, разговаривая съ *Милордами* на собственномъ ихъ языкѣ, что разъ пятьдесятъ подтвердилъ намъ нѣсколько фразъ, выученныхъ имъ въ Англии. Одинъ Дрвишь, похожій на шуца, или дурака и вхожій во всѣ Визиревы комнашы, османился такъ же на нѣсколько минушь, посмопрѣлъ на насъ, и пошелъ прочь, ворча сквозь зубы — вѣроятно какую нибудь брань, или проклятіе.

Наконецъ Чаушь пришелъ намъ объявить, что Е. Св. готовъ насъ принять; и мы сошли по большой лѣстницѣ, съ нешерпѣливостію желая видѣть сего необыкновеннаго человека, который ниже Королей по сану, и гораздо выше мно-

гихъ изъ нихъ по власпи и могуществу. Подходя къ приѣмной комнашѣ, я чувствовалъ, что сердце у меня забилося опть воображенія, что я буду видѣшь лицомъ къ лицу челоуѣка, копорый дѣйствуетъ съ такимъ жестокииъ самовласпиеиъ на судьбу подобныиъ ему существъ, и копораго каждый шагъ на пройденномъ имъ поприщѣ, ознаменованъ неизгладимыми кровавыми пятнами.

У входа въ его комнашу, стояла многочисленная спража Албанскихъ солдашъ, изъ коихъ одинъ опворилъ намъ двери; мы вошли, кланаясь Визирю, сидѣвшему на львиной кожѣ въ углу дивана; онъ былъ одѣшь хорошо, но не великолѣпно: золотой позументъ по краямъ красной скуфейки на головѣ, другой позументъ пошире, служившій ему вмѣсто пояса, и алмазы, сѣвшіе на рукояпикъ его *анджара* (кинжала), одни только показывали отличныиъ санъ его. Онъ привѣтствовалъ насъ, положи правую руку на грудь и слегка наклонивъ голову, посадилъ на диванъ и изъявлялъ удовольствіе свое о томъ, что видѣшь насъ въ своей Споли-

цѣ; приче́мъ спросилъ, говоримъ ли мы по Ромейски? Полковникъ Чорчъ, зная сей языкъ совершенно, припворился изъ политическихъ причинъ будшо во все его не разумѣеть; Г. Кокрелль, увѣренный, что Турки любящъ незаносчивость въ молодомъ чело́вкѣ, отвѣчалъ, что несовершенно понимая сей языкъ, не смѣеть говорить на немъ; а Г. Паркеръ и я, сказали, что будучи еще весьма недавно въ Греціи, неуспѣли ему выучиться, и эшо была правда. Но я твердо рѣшился въ сію минушу, безъ всякаго оплагательства приложивъ всѣ возможные усилія, чтобы бытъ въ состояніи говорить самому съ симъ досшойнымъ любопытства чело́вкомъ. На эшошъ разъ, Г. Форесши служилъ намъ за переводчика.

Не лзя было надѣяться, дашь настоящую цѣну характеру Паши при первомъ свиданіи: по сему я спарался только наблюдать его фізіономію, которая ни сколько не можешь почестся зеркаломъ его души. Трудно замѣтивъ въ ней слѣды шой кровожадности, шой ненасыпной алчбы мщенія, шого безпокойна-

го и неупомимаго властолюбія, шой глубокой скрыпности, кошорья ознаменовали необыкновенный слѣдъ его на пуши жизни. Напропивъ шого, лице его дышель крошосцію, взглядъ чисшосердечень и опкрышь; сѣдая борода, упадающая на грудь, придаетъ ему видъ пап-ріархальный; а шонкій его голосъ, дружелюбная просшосша, съ какою онъ говоритъ людямъ своей свипы, еще болѣе приводятъ въ заблужденіе. Мнѣ казалось однакожь, поразсмопрѣвъ его съ большимъ вниманіемъ, что можно разпознашь въ движеніи сѣдыхъ его бровей слѣды вѣроломсшва и жестшоскоспи, а въ морщинахъ на челѣ его — знаки извивчивой и коварной полишпики; улыбка его опшзывается насмѣшливосцію, самый смѣхъ его ужасень. Впрочемъ, его обращеніе пріятно и привѣшливо. Онъ весьма шучень, хощя говоряшь, что въ молодоспи своей былъ шонокъ и спроень. Какъ онъ выше обыкновеннаго росша, а ноги у него очень коропки, шо кажешся спройнѣ верхомъ на лошади, или сидя на своемъ диванѣ.

Чрезъ нѣсколько минушь по приходѣ
 нашемъ, богато одѣтые молодые люди,
 коихъ прекрасные волосы развѣвались по
 плечамъ, подали намъ шрубки съ яншар-
 ными мундштуками, осыпанными доро-
 гими каменьями; другіе поднесли намъ
 кофе въ маленькихъ фарфоровыхъ ча-
 шечкахъ, поставленныхъ на золотыхъ
 блюдичкахъ. Разговоръ такъ сказать пе-
 рескакивалъ оцъ одного предмета къ дру-
 гому. Визирь весьма хвалилъ наше опе-
 чество, и говорилъ, что для него всегда
 будетъ пріятно, если его владѣнія бу-
 дущъ по чему либо привлекать вниманіе
 и любопытство друзей его Англичанъ.
 Мы съ своей стороны увѣряли его, что
 шеапръ его подвиговъ будетъ долго об-
 рацать на себя взоры не только Англи-
 чанъ, но и всѣхъ другихъ народовъ. Эша
 похвала, кажется, ему понравилась; онъ
 много насъ разпрашивалъ о Лордѣ Бай-
 ронѣ о Г. Гобгоузѣ; спрашивалъ насъ,
 когда мы выѣхали изъ Аѳинъ, успѣшно
 ли идушь тамошніа изысканія и сказы-
 валь, что Вели-Паша, сынъ его, съ боль-
 шимъ удовольствіемъ видѣлъ сей прек ра-

сний городъ. Замѣня, что меня беспокоитъ близость сильного огня опъ огромныхъ полѣнъ, горѣвшихъ въ каминѣ, велѣлъ онъ Албанскому служителю пославивъ передо мною большую мѣшальческую вазу вмѣсто экрана, говоря; „молодые люди не нуждаются въ огнѣ: когда я былъ молодъ, шъ жилъ на горахъ, среди снѣговъ, бурь и дождей, съ одною только фуфайкою и Албанскою эпанчею на плечахъ, и не думалъ о холодѣ “ Пошомъ обращаюсь къ Полковнику Чорчу съ самымъ ласковымъ видомъ, — ибо никпо лучше Али не умѣетъ скрывать подлинныхъ своихъ чувствованій подъ лицемѣрною личиною (*), — изъясвилъ ему

(*) Безъ сомнѣнiя онъ не равнодушно смотрѣлъ на то, что Англичане набирали тогда Греческiе полки, и подозрѣвалъ ихъ въ другихъ намѣренiяхъ, кромѣ набора солдатъ для войны противъ общаго врага Европы. Значное число людей, составлявшихъ сiя ополченiя, были его подданные; другiе были, изгнанники, или разбойники, убiгавшiе его мщенiя, или правосудiя. Какъ онъ въ высшей степени

свою надежду, что онъ проживетъ по крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ въ Янинѣ. Полковникъ учтиво благодарилъ его за сіе

обладалъ искусствомъ припворяться, то надѣялся вывѣдать отъ Полковника Чорча все, о чемъ хотѣлъ знать; но былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ хитростию сего Офицера, припворившагося въ незнаніи Ромейскаго языка, и увидѣлъ что ему по необходимости должно употребить переводчикомъ Г. Фореспи, который, можешь быть, одинъ только въ цѣломъ свѣсѣ столь хорошо вызналъ его нравъ, что умѣлъ избѣгать распавляемыхъ имъ съней, обнаруживая его хитрости и со всѣмъ тѣмъ сохранилъ его довѣренность. Чисобы попреляпствовать Англичанамъ набираяъ солдатъ, Али разсѣялъ слухъ, что моровая язва свирѣпствуетъ въ его владѣніяхъ; сіе то побудило учредить на Іонійскихъ островахъ карантинъ, помѣшавшій намъ выйти на берегъ въ Санта-Маврѣ. Скоро по отъѣздѣ Полковника Чорча изъ Янины, мы узнали, что всѣ его Агенты въ шоже время задержаны по повелѣнію Паши. (Прим. Сотин.)

приглашеніе; но сказала, что онъ получилъ повелѣнія еще начальства, побуждающія его завтрашній же день выѣхать изъ Албаніи; на сіе Визирь отвѣчалъ, что намѣрень съ нимъ переговоры еще разъ до его отъѣзда. Оборотясь послѣ того къ намъ, увѣрялъ, что ему очень пріятно будете видѣть насъ почтае, присовокупивъ испинно-гиперболическое выраженіе, упопреляемое на Воспокъ, что мы должны почтяться за нашу собственность его дворець и все, что ему принадлежишь. Здѣсь разговоръ кончился и мы ушли.

На внешнемъ дворѣ Сераля мы нашли двухъ внуковъ Визиревыхъ, Магомешъ Пашу и Исмаиль-Бея, приѣхавшихъ не за долго передъ тѣмъ въ Янину, чшобы жишь во Дворцѣ отца ихъ Вели-Паши, подъ предлогомъ воспишанія, а въ самомъ дѣлѣ чшобы служишь заложниками въ его поведеніи. Дѣдъ и опецъ ихъ были между собою въ несогласіи по весьма важнымъ причинамъ, и недавно только примирились. Оба молодые Турка ѣздили тогда на небольшихъ Арабскихъ коняхъ

и правили ими искусно и ловко. Албанскіе чиновники наперерывъ старались показашь свое усердіе и готовность къ услугамъ, помогая молодымъ Князьямъ сойти съ лошадей; и маленькія Деспоты прошли сквозь толпу мѣрными шагами, едва обращая вниманіе на сихъ вѣрныхъ прислужниковъ, готовыхъ пролить за нихъ кровь свою до послѣдней капли. Мы хопѣли явиться съ почтеніемъ къ Мухтаръ-Пашѣ, старшему сыну Визиря; но подошедъ къ его Сералю, услышали, что онъ уѣхалъ на охоту.

Мы возвратились къ Г. Форести, весьма довольные сделаннымъ намъ приѣмомъ. Правда, что нельзя было выбрать для приѣзда нашего въ Янину времени, благопріятнѣйшаго нашимъ видамъ. Никогда еще Визирь не былъ столь много одолженъ Англійскимъ Правительствомъ, и теперь онъ питался надеждою получить еще большія выгоды отъ связей своихъ съ Великобританією. Онъ весьма скоро получалъ самыя точныя извѣстія о неудачахъ Бонапарте, предвидѣлъ послѣдствія сего долговременнаго боренія

силъ и легко могъ заключить, что Іонійскіе острова останутся подъ властію той Державы, которая уже завоевала большую ихъ половину. Али имѣлъ великое желаніе приобрести сіи острова, дабы завести на нихъ значительнѣйшую морскую силу, учредить средопочіе своей торговли и припаси для себя надежде убѣжище въ случаѣ переменъ счастья. Я увѣренъ, что онъ уступилъ бы половину своихъ владѣній на твердой землѣ за обладаніе островомъ Корфу, который сдѣлалъ бы его независимѣе отъ Порты, нежели всякое другое приобритеніе. Что касается до Санто-Мавры, то онъ требуетъ сего острова не только въ силу заключеннаго съ жителями его договора, — носимаго имъ, какъ самъ онъ часто говаривалъ, на груди своей, — но и опираясь на обѣщанія, сдѣланныя ему Агеншиами Англійскаго Правительсва. По окончаніи войны, въ продолженіе которой оказалъ онъ важныя услуги Англичанамъ, своимъ союзникамъ, онъ ласкается надеждою, что его вознаградятъ по крайней мѣрѣ уступкою какого нибудь независи-

маго мѣста на сихъ островахъ. Сии-же виды заставляли его знакомиться и искать дружества всѣхъ подданныхъ Англіи; а доброе разположеніе съ его стороны, подкрѣпленное сильнымъ вліяніемъ Г-на Форести, неупускавшаго ни одного случая въ нашу пользу, — побудили сего могущественнаго и грознаго властителя обходиться въ отношеніи къ намъ съ такимъ вниманіемъ, котораго онъ никогда не оказывалъ простымъ путешественникамъ, изъ какого бы народа они ни были.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Б. К Р И Т И К А.

О РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

СТАТЬЯ II.

Не должно смѣшивать Классическую Поэзію Французовъ съ Классическою Поэзіей древнихъ Грековъ и Римлянъ. У первыхъ она холодна и поща; ибо чужда тому народу, который ее принялъ; у вторыхъ жива и пламенна, ибо живописуетъ ихъ нравы, образъ жизни и господствующія понятія того времени. Мы возхищаемся произведеніями древнихъ Поэтовъ, потому, что видимъ въ нихъ природу, отличную отъ нашей, природу разнообразную и полную жизни. Всѣ понятія умствєнные, всѣ видимыя вещи оживотворялись подъ кистію Поэтовъ древнихъ, принимали видъ и черпы, отличныя имъ по аналогіи съ существами одушевленными; каждый холмъ, каждый

ручеекъ, каждый кушъ дышалъ и чувствовалъ: шо были Ореады, Наяды, Гамадриады. Ихъ Олимпъ былъ самый спихотворческій, ибо наполненъ былъ богами, которымъ приписывались спраспи и наклонности, свойственныя сущесвамъ нашей породы; словомъ: боги Грековъ были вѣрный сколокъ съ самихъ Грековъ, со всѣми ихъ добродѣтелями и пороками (*). Опъ сего мы находимъ у нихъ боговъ и богинь, копорыѣ мспили бѣднымъ смертнымъ по личной ненависти, или оказывали къ нимъ слабости. Опъ сего и Поэзія древнихъ естъ Поэзія чувственная, ибо все шо, что мы по нашимъ понятіямъ, представляемъ въ видѣ опвлеченномъ, Греки облекали въ чувственныя формы и изображали близко къ понятіямъ первобытныхъ челоѡковъ (**).

(*) Ancillon. Essaisur la différence de la Poésie ancienne et de la Poésie moderne.

(**) Здѣсь, въ нѣкоторой степени, можно разгадать причину, по чему нынѣшнія Эпопеи по большой части холодны и незанимательны? Эпопея пребуешъ чудес-

Основываясь на семъ, многіе изъ новѣйшихъ Полемиическихъ Писателей раздѣляютъ Поэзію на *Классическую* и *Романтическую*, разумѣя подъ первую Поэзію древнюю, или Поэзію Грековъ и Римлянъ во времена язычества, Поэзію, кою которой основаніемъ служилъ міръ Мифологическій, предметами — событія и преданія, извѣстныя намъ изъ Истории и

наго, пребудетъ пружинъ сверхъ-естественныхъ: безъ нихъ — она будетъ ИстORIA, рассказанная стихами и упомиательная для чинашеля. Въ новой Эпопее нѣкоторыя пышались мѣшались Мифологию древнихъ съ понятиями Христианскими; опъ сего ихъ Поэмы лишились главнаго — вѣроподобія, и по шому дѣлались мало-занимательными; другіе облекали въ существенныя формы понятія опвлеченныя, какъ на пр: Вѣру, Добродѣшель, Раздоръ, Войну и ш. п.; но сіи олицетворенныя понятія остаюшся всегда одинаковы, какъ лице, списанное въ порпирешъ, и пошому мало одушевляюшъ дѣйствіе. Каждому изъ нихъ можно придашь свойство ему приличное, а не свой-

Мифологіи сихъ двухъ народовъ (*), а отличительнымъ свойствомъ — бореніе человека съ судьбою. Подъ именемъ впрочемъ разумѣютъ они Поэзію среднихъ вѣковъ, или время Рыцарскихъ, которой осно-

сва разнообразныя; можно заставить дѣйствовать по качеству, которое мы ему приписываемъ, а не по намѣреніямъ и спрашиваемъ, коихъ оно имѣть не можетъ. Напрощивъ того богами языческими обладали разныя силы, и заставляли сихъ дѣйствовать такъ, какъ выгоды и намѣренія ихъ того требовали, дѣйствовать неожиданно для чинашеля; и сіе по давало полный полетъ воображенію Стихотворцевъ. — Въ новой Эпопее лучшими пружинами могли бы служить добрые и злые волшебники, но и то для вѣковъ среднихъ, принимавшихъ чудесное; а не смѣшно ли было бы ввести ихъ въ Поэмы о Генрихѣ IV, Петрѣ Великомъ и т. п.?

- (*) Таковы, напр., повѣсть о Золопомъ Вѣкѣ, нравы пастуховъ Аркадскихъ, плаваніе Аргонавтовъ, война Троянскаго, Спраниеванія Улисса и Энея, Испорія Эдипа, Агамемнона, и пр. . . .

ваніємъ служащъ понятія, введенныя Православною Вѣрою Христіанскою, предметами событія первыхъ вѣковъ оной, нравы тогдашнихъ Европейцевъ, подвиги Рыцарей, защитниковъ невинности и карателей злобы, а общепильнымъ свойствомъ — склонность къ понятіямъ ошвлеченнымъ, унылая мечтательность и стремленіе къ лучшему, блаженнѣйшему міру. — Сіе раздѣленіе весьма остроумно, но не совсѣмъ справедливо, по слѣдующимъ причинамъ.

Въ первыхъ, понятія, приличныя вѣкамъ Рыцарскимъ, неприличны уже нашему просвѣщенному вѣку, и поному мы должны бѣ были заключить всю новѣйшую Поэзію, отъ первыхъ вѣковъ Христіанства до XII и XIII. Во вѣкорыхъ, не всѣ даже и Европейскіе народы, участвовали въ понятіяхъ, образѣ жизни и подвигахъ старинныхъ Италіянцевъ, Испанцевъ, Французовъ, Германцевъ во времена Рыцарскіе, а чрезъ то Поэзія многихъ изъ нихъ, особливо народовъ Славянскаго поколѣнія, лишилась бы главной прелести для соотечественниковъ — народ-

ности и мѣстности. Въ предѣлахъ: опыты новѣйшихъ Поэтовъ показываютъ, что они неограничивались вѣками средней Истории, подвигами Европейскихъ Витязей и мѣстомъ ихъ дѣйствія, но умѣли перенести воображеніе Европейцевъ въ страны Мавровъ, Индѣйцевъ, Персовъ, Османновъ (*) и чрезъ то разпространили область Поэзіи Романтической. Не должно заключать Поэта въ предѣлы мѣста и событій, но предоставить ему полную свободу выбора и изложенія; и вошь, мнѣ кажется, первѣйшая цѣль Поэзіи, которую мы называемъ Романтической.

Названіе сіе, *Поэзія Романтическая*, одни производятъ отъ Романсовъ, пѣсней древними Трубадурами, или какъ и самые Романсы, отъ языка Романскаго (Langue Romance); другіе — отъ введенія Романовъ, ш. е. повѣстей, изображеныхъ воображеніемъ, или въ коихъ испо-

(*) Гёшпе, въ Баядеркѣ и пр.; — Лордъ Байронъ, въ Гяурѣ, Абидосской невѣстѣ; — Томасъ Муръ въ Лалла-Рукъ.

рическая достоверность смѣшана съ вымыслами. Впрочемъ, названіе сіе можетъ бытъ совершенно произвольное; но мы, согласуясь съ общимъ употребленіемъ, станемъ называть новѣйшую Поэзію, неоснованную на Мифологіи древнихъ и не слѣдующую раболѣпно ихъ правиламъ — *Поэзіей Романтическою*.

Первый народъ, имѣвшій Поэзію Романтическую, былъ неоспоримо Арабы, или Мавры. Народъ сей, въ эпоху крапковременнаго своего господства въ Европѣ, воспользовался едва ожившими тогда науками и искусствами сей части свѣта, сдѣлавъ въ нихъ быспрые успѣхи, и къ славѣ своей, первый показалъ Европейцамъ, что можно имѣть Поэзію народную, независимую отъ преданій Греціи и Рима. Поэзія Мавровъ, копорую мы часто, безъ всякаго различія, разумѣемъ подъ общимъ именемъ *Поэзіи Восточной*, блистаетъ свѣжестію, новостію чувствованій, выраженій и картинъ, не говоря уже о вымыслахъ, и насъ, отдаленныхъ отъ ея изобрѣшателей климатомъ, нравами и обычаями, плѣняетъ не заемною, роскошною своею прелестію.

Изъ Европейскихъ народовъ, Испальянцы первые прославились успѣхами своими въ Поэзіи Романтической, воспѣвъ подвиги Рыцарей Карла Великаго и войну Креспоносцевъ. Поэмы Аріосто и Тассо считающіяся и будучь всегда считашься образцами пламеннаго воображенія, истинныхъ красотъ Поэзіи и прелестной версификаціи на томъ языкѣ, котораго сбывновенная рѣчь—есть музыка. Мрачная Поэма Данте, не смотря на странное свое названіе (*), многіе недоспапки и часно грубый вкусъ, необходимую дань вѣку, въ которомъ она была писана, заключаешь въ себѣ безчисленныя, неподражаемыя красоты: довольно упомянушь объ эпизодахъ Уголина и Франчески ди Римини, дающихъ шворцу ея мѣсто между великими Поэтами всѣхъ вѣковъ и народовъ. Справедливосшь пребуешь однакожь сказашь, что шворенія знаменитѣйшихъ Поэтовъ Испаліи предсавляющъ почти безпрерывную борьбу вкуса Романтическаго съ Классическимъ, и что

(*) La Divina Comedia di Dante Alighieri.

въ лучшихъ изъ сихъ твореній нерѣдко смѣшаны преданія древнихъ съ понятіями современныхъ народовъ. Поэзія Испанская служила какъ бы черпою прикосновенія между Поэзіями древнею и новою.

Испанцы, кажется, были основателями вкуса Романпическаго въ Поэзіи Драмапической. Лопесь де Вега, Кальдеронъ дела Барка и другіе ихъ Стихотворцы не придерживались неотступно ни преданій, ни правилъ, заповѣданныхъ древними; подвиги Сида, казнь Рыцарей Храма и другія событія Среднихъ вѣковъ были ихъ предметами. Правда, они слишкомъ далеко простирали нарушеніе прехъ единствъ и давали себѣ неограниченную свободу разшягивать произшествія, передвигать страны и дѣлашь анахронизмы, ошъ чего мы находимъ у нихъ, какъ напр. въ Трагедіяхъ Кальдерона, Польскаго Короля *Василія* и *Астольфа*, Великаго Князя Московскаго. Не смотря на сіи недоспашки, драмапическія произведенія Испанцевъ, по признанію даже самыхъ прошивниковъ Романпическаго вку-

са, богаты первостепенными, изящными красками Поэзии.

Первая, извѣстная эпоха Поэзии Англійской, начиная съ Шекспира и Спенсера, ознаменовалась вкусомъ Романтическимъ. Шекспиръ, отецъ Англійскаго Театра, быть вмѣстѣ и утвердитель сего вкуса въ Поэзии Британской. Сей Геній шворилъ, неподвластный никакимъ условіямъ, самъ создалъ для себя правила, или лучше, онъ не зналъ никакихъ правилъ, и писалъ по внушенію своего сердца и воображенія. Приверженцы вкуса классическаго находятъ въ немъ тьмы недостатковъ, часто излишнее пареніе, даже надушость; но могутъ ли они спорить у Шекспира глубокое познаніе человѣческаго сердца, которое онъ разгадалъ въ самыхъ тайныхъ его изви-вахъ? могутъ ли отнять у него власнъ воображенія всеобъемлющаго, которое шворя даже и химеры, увлекаешь насъ и заставляешь почти вѣрить ихъ существованію? Въ пьесахъ своихъ: *The Tempest* и *Midsummer nigt's dream* (*), онъ со-
 (*) Последняя изъ сихъ пьесъ доставила Виланду предмещъ для Поэмы его: *Оберонъ*.

вершенно предается сему своенравному воображенію, споль же бышшо измѣняющемуся, какъ стихія, на которой играютъ роскошныя цвѣты радуги (*). Въ Макбетъ и Гамлетъ воображеніе сіе является мрачнѣе, и будучи слишо съ силою чувствованій, наполняетъ душу ужасомъ. Въ Ошелъ и Царъ Лиръ (The King Lear), положенія дѣйствующихъ лицъ и спрасши, въ нихъ бунтующія, показываютъ Шекспира понкимъ наблюдателемъ и искуснымъ живописцемъ челоуѣческой природы. Самые недоспашки его имѣють свою прелестъ, ибо сильнѣе дають чувствовашъ превосходство мѣстъ изящныхъ, чего, по свойству Поэзіи Шекспировой, поэшь не достигъ бы при единообразномъ совершенствѣ. Шекспиръ не сполько былъ опличный изобразитель природы и спрасшей: онъ вѣрный историкъ нравовъ и обычаевъ шѣхъ времявъ и мѣстъ, изъ коихъ бралъ предметы для

(*) the element,
That in the colours of the rainbow lives. . . .
MILTON.

Драмъ своихъ. Подъ пламеннымъ небомъ
Испаліи и на цвѣшущихъ ея равнинахъ,
мы видимъ у него Испальянцевъ съ жи-
вымъ ихъ воображеніемъ и пылкими
спраспями, видимъ ихъ такъ, какъ они
были въ изображаемую прозомъ эпоху:
съ ихъ образомъ жизни, привычками и
повѣрьями. Жищелямъ шуманнаго Албіо-
на и хладнаго Сѣвера умѣлъ онъ дать
другія чершы нравственныя, подчинилъ
ихъ другимъ спраспямъ, споль же силь-
нымъ, но дѣйснвающимъ по иному на-
правленію. Шекспиръ имѣлъ многихъ по-
слѣдователей: Бенъ-Джонсонъ, Флечеръ и
Опвай болѣе или менѣе ему подражали,
но ни одинъ съ нимъ не сравнился. —
Мильпонъ, въ *Потерянномъ Рабѣ*, умѣлъ
придать краски піитическія предметамъ
Священнымъ и такъ сказать, облечь въ
чувственностъ, поняшія отвлеченныя.
Подъ перомъ его оживошворились добро-
дѣтели и пороки, хопя чувственными
Героями его были — единственная чеша
смертныхъ, существовавшая въ началѣ
мірозданія. Мильпонъ первый показалъ,
какія пружины должны дѣйснствовать въ

эпопеѣ, приличной нашимъ понятіямъ и Вѣрѣ.

Въ послѣдствіи, особливо со временъ Поппа, многіе Слѣхотворцы хошѣли подвесити Поэзію Англійскую подъ, холодную, однообразную форму Поэзіи Французской, признавъ ее за классическую. Уже вкусъ сей сдѣлался было господствующимъ и грозилъ Англійской Поэзіи ушрапою лучшаго ея достоинства — оригинальности; но въ наше время многіе превосходные Поэты старались возстановити вкусъ, освященный названіемъ *народнаго*, и сославили вѣщую эпоху Англійской Романтической Поэзіи. Назовемъ нѣкоторыхъ отличнѣйшихъ изъ современныхъ намъ поэтовъ, не наблюдая права первенства ни въ Хронологическомъ, ни въ эстетическомъ отношеніи.

Лордъ Байронъ, который, какъ видно изъ сочиненной имъ нѣкогда Саширы на Поэтовъ Англійскихъ и криптиковъ Шотландскихъ (*), былъ сперва ревност-

(*) Издашелей и Сопрудниковъ Криптическаго Журнала Edimbourg Review.

нымъ защитникомъ классической Поэзіи, — прославился своими Романтическими Поэмами. Собственные горести и лишения, заславлявшія его убѣгать свѣта и людей, положили мрачную печать на большую часть его произведеній. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаешь существо одинокое, разлюбившее жизнь, оппавшее отъ общества, разорвавшее всѣ связи сердечныя и наскучившее мѣлкими заботами жишейскими; это существо — самъ Поэтъ! Больше всего живописуемъ онъ себя въ *Child Harold*, гдѣ подъ вымышленнымъ лицомъ, передаетъ намъ свои чувствованія, страданія и докучную тоску, влачившую его изъ края въ край искашь разсвѣнія. Иногда существо, имъ описываемое, упадаетъ до пороковъ унизишельныхъ, но въ самомъ униженіи своемъ оппличается какою-то гордостью, показывающею, что оно независитъ отъ обстоятельствъ. Вообще Поэзія Байронова оппличается силою выраженій, новостію мыслей и живостью картинъ, въ которыхъ онъ съ оппличнымъ искусствомъ схватываетъ черты мѣстныя. Такъ въ

Поэмъ его, *Гяуръ*, мы слышимъ Турка, который рассказываетъ со всѣмъ суевѣрїемъ, сроднымъ его понятїямъ, ночный бѣгъ Гяура, представлявшагося ему, какъ ужасный призракъ, или существо, покрытое таинствомъ, и почти сверхъестественное. — Мѣлкія Стихотворенїя Лорда Байрона, особливо такъ названныя имъ *Еврейскїя Мелодїи*, почерпнутыя изъ книгъ Священнаго Писанїя, наполнены красотами Поэзіи и разнообразїемъ предметовъ. Нѣкоторыя изъ мѣлкихъ его пьесъ; такъ сказать, оковываютьъ воображенїе читателя неясностїю и отдаленностїю своей цѣли; таковы пьесы его: *Мракъ* и *Сонъ*; въ послѣдней, подъ видомъ мечпавнїи ночи, открываетъ онъ намъ нѣкоторыя тайны собственнѣйшей своей жизни. Байронъ спускается иногда до тона шупливаго; не говоря уже о *Сапирѣ* его, въ которой разсыано много соли и вѣдкости, въ двухъ Поэмахъ своихъ *Донъ-Жуанъ* и *Бенно*, онъ примѣшно хотѣлъ повеселить своихъ читателей; но шупливость его не такова, чтобы срывала невинную улыбку удовольствїя: это больше язви-

пешная каррикашура свѣша и людей.

Томась Муръ написаль нѣсколько мѣлкихъ Спихолвореній, ошличающихся нѣжностію чувствованій и сладостію Поэзи, и заслужившихъ ему названіе Анакреона (Anacreon Moore). Въ иносиправной Липерашурѣ онъ болѣе извѣспенъ поэмою своею *Лалла-Рукъ* (Lalia Rookh), поэмою, содержащею въ себѣ чепшыре другія Поэмы, писанныя разными мѣрами, и шакъ сказашъ, на разный спрой. Онъ разнообразіе въ предметахъ и характерахъ, нежели Лордъ Байронъ, и по признанію знапоковъ Англійскаго языка, слогъ его имѣеть болѣе гладкосши и круглосши. Въ Поэмѣ *Лалла-Рукъ*, онъ приводитъ чипашеля въ пріятное заблужденіе: кажешся, что ее писалъ не Европеець, а какой нибудь Поэпъ, соопечеспвенникъ Фердузи, или Амраль-Кеизи (*). При-

(*) *Восточные Поэпы*, первый Персидскій, извѣспный Поэмою своею *Шахъ-Намахъ*; а вшорый Арабскій, котораго *Кассида* (Идиллія) была первою изъ семи По-

рода, имъ изображаемая, нравы лицъ, выводимыхъ имъ на сцену, ихъ обычаи и повѣрья, новосты каршинъ и положеній, слогъ, дышащій ароматами воспока — все служить къ подкрѣпленію сего очаровательнаго обмана. Читателямъ нашимъ знакомы нѣкоторыя Эпизоды, или вводныя Поэмы Лалла-Рукъ (*), и по тому мы не станемъ распространяться о ея достоинствѣ. — Томасъ Муръ не давно еще издалъ новую Поэму *Любовь Ангеловъ*, которой Поэзія есть — чистѣйшая музыка душъ, разрѣшенныхъ опять своихъ плѣсныхъ и внемлющихъ неподражаемой гармоніи небесъ.

Валперъ Скоптъ, извѣстный въ иностранной Словесности своими Романа-

эмъ, висѣвшихъ на стѣнахъ храма Мекскаго. (V. Simon de Sismondy).

(*) *Рай и Пери и Обожатели огня*, помещенныя въ *Соревнователѣ Просвѣщ. и Благотвор.* 1821 года; первая изъ нихъ еще болѣе извѣстна Любителямъ Отечественной Поэзіи, по прекрасному предложенію въ стихахъ Г. Жуковскаго.

ми, въ которыхъ онъ является искуснымъ живописцемъ времянь, мѣспъ и лицъ, написалъ нѣсколько Балладъ и Поэмъ Романпическихкихъ (*). Живое воображеніе, видъ правдоподобія, который онъ умѣетъ придавать вымысламъ, выходящимъ даже за предѣлы вѣрояшя, и быспрый, пламенный разсказъ, кипящій новостію и разнообразіемъ предметовъ, составляющъ отличительное свойство произведеній сего Поэпа.

Соушей, написавшій также нѣсколько Поэмъ и Балладъ (**), Колриджъ, сочинитель Поэмы *Кристалель*, Кембель и нѣкоторыя другіе изъ современныхъ Англійскихъ Поэтовъ, заслуживающъ почешныя мѣспя въ храмъ Романпической Музы, не смошря на грозный о нихъ

(*) *Марліонъ, Лордъ Острововъ, Пѣсне послѣднлаго Менестрела и пр.*

(**) *Іоанна д' Аркъ, Родерикъ* и другія его Поэмы имѣющъ великое достоинство. Г. Жуковскій съ свойственнымъ ему искусствомъ переложимъ одну изъ Балладъ Соушей: *Старушка*.

приговоръ Лорда Байрона (*). Вообще Поэзія Англійская богата отличными произведеніями въ семь родѣ, и безпрестанно въ ней возникающъ новыя дарованія, безпрестанно разцвѣтающъ свѣжіе, прелестныя цвѣшки.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

(*) Въ Саширѣ, о которой мы упоминали выше.

В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СМѢТЛИВЫЙ ЭКОНОМЪ

С к а з к а.

Хемницерь говоритъ: гдѣ сборы,
Тутъ и горы;
А я скажу: гдѣ есть расходъ,
Тамъ вѣрно и доходъ
Всегда тому бываешь,
Кто деньги выдаешь, или что закупаешь.

Былъ у меня одинъ пріятель Экономъ,
Который въ нянь, шесть лѣтъ себѣ поспро-
илъ домъ

По крайней мѣрѣ тысячь во снѣ;
А жалованья бралъ въ годъ пріста девяносто
И два рубли — за вычетомъ на госпиталь.

Недавно умеръ — очень жаль!

Мы часомъ въ шашки съ нимъ играли
И пуншъ пивали.

На свадьбѣ дочери его мы пировали

И славно подгуляли.

Шампанскимъ запоилъ!

„А что Титъ Сидорычъ, я у него спросилъ,

Воруешь ты? Скажи всю правду машку...

Скажи пожалуй спа...“ — На что тебѣ? ...

Ха! ха!

Самъ знаешь, кто же безъ грѣха? —

“А многоль въ годъ?,, — Ну, тысячь до де-
сятку

А можешь бышь и слишкомъ два. —

„Вопь ты купилъ шенерь дрова,

Почемъ?,, — По десяти. И шо едва, едва

Знакомый усшупилъ. За шо дрова какія?

Здоровыя, сухія!

Осины вѣшь, все березнякъ! —

“Какую жь цѣну въ счелъ поставишь ты?

Двѣнадцать?,,

— Избави Господи, да что я за дуракъ! —

„Не уже ли шридцашъ?“

— Смѣшокъ ты право мнѣ! — “Чешырнад-

цашъ? пшадцашъ?,,

— Да, какъ тебѣ не шакъ!

По десяти купилъ, по десяти посшавлю;

Знай, никогда въ цѣнѣ пошшки неприбавлю....

Но сажень солъ пшпокъ я у себя осшавлю.

А. Измайловъ.

ТАКЪ ДА НЕ ТАКЪ.

С к а з к а.

Былъ жадный Воевода,
(Давно его ужъ прибралъ Богъ)
Богатымъ другъ, врагъ бѣднаго народа;
Безъ взятковъ дня пробышь не могъ!
Однажды поушру пришесть къ нему пріятель,
Пишешныхъ сборовъ содержатель,
И говоришь: „изъ Пишера сей часъ
Я получилъ письмо: мнѣ пишутъ, что въ
Правленье
Къ вамъ съ той же почтою отправился Указъ
Сената, что бы мнѣ отдать за долгъ имѣнье
Корнета Тройкина. Вонъ, дѣлай одолженье!
На личныхъ у меня взялъ тысячь шестиде-
сять;
А за имѣние дадутъ ли пятьдесятъ! . . .
Но самъ я виноватъ — введише во владѣнье.“
— Не можно, братецъ, сдѣлать такъ. —
„Какъ?
Сенатъ велѣлъ, такъ сдѣлать должно . . .“
— Конечно, только такъ не можно. —

“ Помилуйте; Сенашъ . . . ”

Все знаю, брашъ!

Пускай велѣлъ Сенашъ отдашь тебѣ имѣнье:
Мы по Сенашекому Указу исполненье

Сегодня жь сдѣлаемъ . . . однакоже не такъ . . . —

“ Ахъ! извините — ну, какой же я дуракъ,

Забывъ вамъ доложитъ: ко мнѣ вчера при-
слали

Изъ Оренбурга двѣ прекраснѣйшія шали;

Изъ нихъ одну . . . ”

— Да обѣ ужь пришли: я подарю женѣ,

Другую дочери. — Просишель поклонился

И съ шалими чрезъ цѣпь минуя назадъ я-
вился;

А Воевода пошъ же часъ

Послалъ Подьячаго въ Правленье,

И написали шамъ ошкупщику какъ разъ

Указъ

О ввождѣ во владѣнье.

И взяпки брашъ вѣдь надобно умѣнье;

Вошъ Воевода мой хонъ глупъ, но не дуракъ;

Онъ ничего не дѣлалъ шакъ.

А. Измайловъ.

Н А У К И.

ВОСПИТАНІЕ.

О УЧЕБНОМЪ ЗАВЕДЕНІИ Г. Фелленберга въ Гофвилѣ.

Г. Фелленбергъ извѣстенъ былъ въ свѣтѣ только въ качествѣ знамениаго Агронома, имѣвшаго превосходное земледѣльческое заведеніе близъ Гофвиля. Но тогда еще земледѣліе было для него только вспомогательнымъ предметомъ, и надежда, доставившя посредствомъ онаго простому народу легкіе способы воспитанія, придавала въ глазахъ его особенное достоинство сему полезному искусству. И въ самомъ дѣлѣ, усовершенствованіе земледѣлія много содѣйствуетъ на-

родонаселенію; но одно тільки благородное воспитаніе можетъ содѣлать людей лучшими и счастливѣйшими. Одаренный пламеннымъ и благороднымъ характеромъ, Г. Фелленбергъ давно уже принялъ начала либеральной политики, которую вскорѣ потомъ ужасныя злоупотребленія должныствовали превратить въ орудіе политическихъ бѣдствій. Столь противныя надеждамъ его послѣдствія поселили въ сердцѣ его глубокую горестъ и породили въ немъ весьма невыгодное мнѣніе на счетъ нравственнаго состоянія человеческого рода, однакожь онъ все еще кипался надеждою, что лучшая система воспитанія можетъ въ семъ случаѣ послужить спасительнымъ средствомъ. Случайное обстоятельство, которое немоглобы произвести столь сильнаго впечатлѣнія на душу болѣе ознакомленную съ жишейскими приключеніями, рѣшительно опредѣлило родъ жизни Г. Фелленберга. Послѣ вѣпорженія Французовъ въ его отечество, находясь при посольствѣ Швейцарскомъ во Франціи, онъ имѣлъ съ Директоромъ Ревбелемъ, въ

*

загородномъ его домѣ близъ Парижа, Офиціальныя переговоры, въ продолженіе коихъ представлялъ Директору бѣдственное положеніе своего опечесшва, и сверхъ всѣхъ побужденій справедливости, опасность, копорой подверглись бы обѣ стороны, еслибы въ опечесшвѣ его возгорѣлась война, подобная Вандейской. Казалось, что Директоръ слушалъ со вниманіемъ и Г. Фелленбергъ начиналъ уже льстить себя надеждою счастливаго успѣха, думая, что слова его произвели сильное впечатлѣніе въ душѣ Ревбея и возбудили въ немъ чловѣколюбивыя чувства. Но какъ ожиданія Фелленберга не увѣнчались никакимъ успѣхомъ, то онъ немедленно отправился домой; оставя то поприще, на копоромъ считалъ себя не умѣша, и рѣшась посвятить остальное время своей жизни на пользу чловѣчества, предпринялъ важный и многотрудный подвигъ нравственнаго преобразования людей, облегчая средства къ воспитанію юношества.

Главный предметъ усилій Г. Фелленберга состоялъ въ томъ, чтобы пока-

зашь на опышѣ, какимъ образомъ чрезъ благоразумное упоиребленіе времени, дѣти самыхъ убогихъ родителей могутъ вмѣстѣ усовершенствовашь свои душевныя способности, и въ поже время снискивашь средства къ своему проишанію. Молодой человекъ, воспитанный по предначертанной имъ методѣ, достигнувъ 21 года отъ роду, вознаградилъ уже все издержки, на него упоиребленныя, сдѣлался человекомъ образованнымъ и къ проишанію себя способнымъ.

Сосѣдственныя земледѣльцы были весьма разположены подвергнушь дѣшей своихъ сему опыту. Но Г. Фелленбергъ предвидѣлъ все предстоящія ему затрудненія, со стороны несвѣдущихъ родителей, и пошому желалъ имѣть учениковъ, кошорыми могъ бы управлять по своему благоусмотрѣнію. Таковыхъ приискивалъ онъ, гдѣ только можно было найти. Нѣкошорые изъ его учениковъ были набраны даже по большимъ дорогамъ. Ему пошастливилось приобрести хорошаго сошрудника. Это былъ молодой человекъ именемъ Верли, сынъ школьнаго учителя.

дя въ Турговіи. Отець его, пришедъ въ Гофвилъ для обозрѣнія тамошняго заведенія, былъ до такой степени удовлетворенъ планомъ онаго, что рѣшился предложить Г. Фелленбергу собственнаго сына, имѣвшаго тогда 18 лѣтъ оцъ роду, въ качествѣ помощника. Сей молодой человѣкъ сперва приглашенъ былъ за споль хозяевъ, но вскорѣ самъ его оставилъ, перешель къ сполу своихъ пищомцевъ и съ нѣхъ поръ никогда уже оцъ нихъ не оплучался, будучи сопрудникомъ ихъ во время работы, и охощно участвуя въ ихъ играхъ. Онъ самъ прежде обучался тому, чему послѣ долженъ былъ обучать своихъ учениковъ. Рачительносць его ни мало не охладѣло въ продолженіе 10 лѣтънихъ безпрерывныхъ шрудовъ. Съ одной спороны нѣжносць и попеченія родительскія, съ другой же сыновное повиновеніе, причиною того, что почти никогда не случалось надобности прибѣгать къ наказаніямъ.

Всѣ ученики раздѣляются на три класса, смотря по возрасту и по силамъ каждаго изъ нихъ. Работа каждаго клас-

са записывается въ особую общую книгу съ показаніемъ рода оной, чѣшобы попомъ можно было внести плату, слѣдующую за сію работу, въ частныя счешы по разнымъ особымъ заведеніямъ училища. Работа *перваго* класса, (самаго малаго возраста) оцѣняешся по полу-крейцеру за часъ, *втораго*, по одному, а *третьяго* по два крейцера. Такимъ образомъ ученикъ *першаго* класса, можетъ выработать въ день, (10 часовъ) 20 крейцеровъ или 15 су Французскихъ. Изъ сего видно, что оцѣнка работы учениковъ, опнюдъ не преувеличена. Въ зимнее время, когда въ полѣ нѣчего дѣлать, ученики занимающся разными домашними работами; они плещутъ солому для спульевъ, заготовляють корзинки, пилять или колють дрова, молотятъ хлѣбъ, расширяють краски, наконецъ, помогаютъ кузнецамъ, плотникамъ, или другимъ масшеровымъ живущимъ въ Гофвилѣ.

Вошь общее заключеніе, выведенное изъ Экономическихъ книгъ заведенія Г. Фелленберга, съ первыхъ временъ его учрежденія по 30 Іюня 1818 года.

Сверхъ постоянныхъ и случайныхъ доходовъ училища, по послѣднее число 4 года его существованія, Г. Фелленбергъ издержалъ собственныхъ денегъ 3411,10.

NB. Среднее число учениковъ было 22.

П я т о й г о д ъ,

Расходъ на содержаніе 29 учениковъ и шрехъ учителей	3450— 1.)	} 1505. 1. 1.
Выработанныхъ учениками денегъ 1673. 8. 10.	} 1945.	
Внесенныхъ за шроихъ своекоштныхъ 271. 11. 6.)		

Ш е с т о й г о д ъ,

Расходъ на содержаніе 33 учениковъ и шрехъ учителей	4599. 12. 6.)	} 1741. 3.
Выработанныхъ денегъ	2507. 2. 3.)	
Внесенныхъ за четвѣрныхъ своекоштныхъ	2858. 12 3.)	
	351. 10.)	

С е д ь м ы й г о д ъ .

Расходъ на 33 учениковъ и прехъ учипелей . . .	3893. 2. 8.	} 1162 18. 9
Выработанныхъ де- негъ	2562. 3. 11.	
Внесенныхъ за проихъ своекоштныхъ 168 . .	2730. 3. 11.	

О с ь м ы й г о д ъ .

Расходъ на 34 учениковъ и бучипелей (въ семь году былъ большой не- урожай, и число учи- пелей умножено един- ственнно для вспоможе- нія несчастнымъ) . . .	6511. 12. 2	} 2544. 7. 6.
Выработанныхъ де- негъ	3115. 9. 8.	
Внесенныхъ за семерыхъ своекоштныхъ 351. 10.	3967. 4. 8.	

Десятый годъ.

Расходъ на 39 учениковъ	6247	} 1928. 16. 4.
Выработанные день- ги	3172. 17. . . .	
Внесенныя за пиперыхъ свое кошпныхъ 746 . .		
Вознагражденія за издер- жки упошребленные на одного изъ учениковъ, взяшаго до испеченія условленнаго време- ни	4318. 17.	

Всего издержаннаго Г.
Фелленбергомъ сверхъ
посполянныхъ и слу-
чайныхъ доходовъ учи-
лища:

Швейцарскою монешою, л: 12,293—13. 10.

Въ сіе исчисленіе включены нѣкопы-
рья суммы, вносимыя за своекошпныхъ
учениковъ, равно какъ и вознагражденія
издержекъ, упошребленныхъ на шѣхъ изъ
учениковъ, которые были взяшы роди-
телями въ дома до испеченія поспанов-
леннаго срока. Сіи непосполянныя доходы
соспавляющъ вмѣспѣ 2788 ливровъ, а по-

пому надобно и сію послѣднюю сумму прибавишь къ вышѣпоказанной 12,293,15, то и такимъ образомъ получимъ 15,081 ливровъ Швейцарскихъ, которые раздѣливъ на 9 (число лѣтъ), а послѣ на 30 (среднее число учениковъ), увидимъ, что исключивъ выработанныя ученикомъ деньги, годичное его содержаніе обойдется въ 56 ливровъ, или 84 франка. Сверхъ того, должно замѣтить, что 1) по мѣрѣ приближенія учениковъ къ производящему возрасту, цѣна работы ихъ поспешенно увеличивается, а шѣмъ самымъ издержки на содержаніе уменьшаются. 2.) Трое взрослыхъ учениковъ были отобраны, а мѣсто ихъ занято шремъ мальчиками перваго возраста, отъ чего общій доходъ училища претерпѣлъ значительный ущербъ, 3.) въ одеждѣ и сполѣ учениковъ можно завести еще почтнѣйшую экономію. Подержанное платье своекоштныхъ доспапочныхъ учениковъ (о которыхъ мы послѣ будемъ говорить) отпадаетъ не ученикамъ промышленникамъ, а сосѣдственнымъ убогимъ дѣшамъ. Нельзя почтисать излишнимъ сіе побу-

жденіе, которое заставило Г. Фелленберга ввести у себя упомянутое обыкновеніе. Онъ желаетъ, чтобы его ученики зависѣли отъ самихъ себя, и чтобы кромѣ своего воспитателя никому ничѣмъ не были одолжены.

Всѣ обозрѣвавшіе сіе заведеніе въ подробности, соглашались въ томъ, что еслибы доходъ, получаемый отъ работы всѣхъ учениковъ, во все продолженіе пребыванія ихъ въ семъ училищѣ, неопъемлемо утверждень былъ за онымъ прочными законодательными мѣрами, то заведеніе сіе моглобы получать полное свое содержаніе единственно изъ сего источника. Производящая доходъ работа учениковъ начинается не прежде пятнадцатилѣшняго возраста; но нравственные побужденія заставляютъ принимать ихъ не болѣе пяти лѣтъ отъ роду. Во все продолженіе существованія сего училища, одинъ только ученикъ высланъ былъ изъ онаго за неискоренимые пороки. Сія есть вѣрная порука въ успѣхахъ подобныхъ заведеній, полагая что въ оныя будущъ принимаешь дѣши не са-

мыхъ развращенныхъ нравовъ, у которыхъ недолжно бы испребляшь врожденныхъ пороковъ.

Ремесленники и масперовые принимаютъ обыкновенно мальчиковъ почти тогоже возраста, и на такой же срокъ, какъ они принимающся въ заведеніе Г. Фелленберга, не требуя отъ нихъ никакой другой платы, кромѣ выработанныхъ ими денегъ; стало бытъ произведеніе ихъ работы превосходитъ издержки, употребленныя на ихъ содержаніе.

Если Г. Фелленбергъ не приобрѣлъ споль выгоднаго послѣдствія въ первыхъ своихъ опытахъ, то сіе происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1.) Работа учениковъ его разнообразна, слѣдственно менѣе производящая, нежели единообразная работа на фабрикѣ, или въ масперской. 2.) Она преимущественно обращается на земледѣліе, а за сей родъ работы платящъ обыкновенно самую умеренною цѣною. 3.) Ученики Г. Фелленберга лучше одѣваются и содержатся, нежели мальчики, принимаемые на обученіе масперами. Изъ сего сравненія вид-

но, что въ Фелленбергово заведеніе можно ввести еще почтѣйшую экономію, и сверхъ того, что въ планъ воспитанія убогихъ дѣтей можно включить ремесленные и фабричныя работы. Положивъ наконецъ, что при всѣхъ возможныхъ улучшеніяхъ, выработанныя учениками деньги еще небудутъ доспапочны для удовлетворенія всѣхъ потребностей къ содержанію ихъ, скажемъ въ такомъ случаѣ, выйдя съ Г. Фелленбергомъ: это жертва, которую общество должно принести самому себѣ. И сіе имѣетъ справедливѣе, что это малое приношеніе, было бы произведено не на счетъ производителей, но на счетъ потребителей; лишь бы только утверждено было законодательною властію, во всеобщій планъ испытанія включая всегда и производящую работу учениковъ. — Въ семъ отношеніи Великобританское Правительство недавно подало собою примѣръ прочимъ народамъ, ограничивая, по крайней мѣрѣ, число часовъ, въ которыя должна продолжаться работа мастеровыхъ учениковъ. Это уже первый шагъ къ улуч-

шенію. Было бы похвально, и что важнѣе того справедливо и благоразумно, опередивъ ее на семь новомъ и благодѣшельномъ поприщѣ.

Никогда еще не была доказана споль очевидно, какъ въ наши времена, опасность происходящая отъ несовершеннаго, или недоконченнаго воспитанія. Свѣтъ его озаряетъ нѣкоторыя только предметы по произволу спраспей, другіе же или оспаются во мракѣ, или представляются въ искаженномъ видѣ. Нѣкоторые истинно ученые люди поздно уже должны спвовали исправлять ложныя свои понятія, внушенныя имъ дурнымъ воспитаніемъ; большая часть оспаена съ ними навсегда, и ничѣмъ непоколебимая увѣренность ихъ въ ложныхъ своихъ началахъ со временемъ приобрѣтаетъ напряженіе фанатизма. Журналы составляютъ главный источникъ, изъ котораго большая часть народа почерпаетъ свои свѣденія. Всякой преимущественно читаетъ журналы своей партіи, и сіи ежедневныя поученія производятъ нѣкоторое впечатлѣніе на самые безпечные умы,

подобно капль воды, пробивающей въ продолженіе времени жесткій мраморъ. Между тѣмъ противуборсшвуюція заблужденія ускоряють раздраженіе грозы, послѣ упишенія коей, онѣ примиряются, сливаясь въ одно, и вмѣстѣ исчезаютъ въ общемъ пошкѣ бѣдствій. Народы воспзають обыкновенно послѣ шакаго паденія благоразумнѣе и сильнѣе, нежели какъ были они, когда дремали въ пишинѣ и во мракѣ. Смопря на вещи съ сей почки зрѣнія, можно заключить, что даже несовершенныя знанія, при всѣхъ своихъ неудобствахъ, полезнѣе совершеннаго невѣжества.

Не входя въ разсмотрѣніе злоупотребленій, могущихъ произойти отъ чтенія, скажемъ только, что Гофвильское заведеніе свободно отъ всѣхъ опасносней подобнаго рода. Никогда тамъ не появляюся журналы, а весьма рѣдко книги; ученики обучаются всему нужному въ будущемъ ихъ состояніи посредствомъ разговоровъ. Наставленіе оныхъ въ нравственности основано преимущественно на удаленіи всякаго соблазна и на пред-

спавленіи хорошихъ примѣровъ дѣятельности, бережливости, правдолюбія, повинности, доброжелательства, и готовности къ взаимнымъ услугамъ. Въ самомъ дѣлѣ ученики умѣютъ читать и писать, но они достигнутъ 21 лѣтняго возраста прежде, нежели имъ представится какой либо случай употребить во зло сіи знанія; и пріобрѣтенный ими навыкъ ко всему хорошему, есть вѣрное ручательство въ непорочности будущаго ихъ поведенія.

Нѣкто замѣтилъ на счетъ училищъ по методѣ Белля и Ланкастера, что происходящая отъ нихъ польза есть преимущественно отрицательная. Дѣти, шлепяющія свое время въ играхъ всякаго рода и проказахъ по улицамъ, приглашающія къ игрѣ не менѣе для нихъ занимательной, въ кошорой сверхъ пріятнаго препровожденія времени, они пріобрѣтаютъ навыкъ къ дѣятельности и порядку, и хотябы они здѣсь ничему не научились, шо все таки выигрываютъ, неучась ничему дурному. Все, что производится въ сихъ училищахъ по нѣсколь-

ку часовъ ежедневно въ продолженіе двухъ лѣтъ, по въ заведеніи Фелленберга производится непрерывно во все продолженіе молодости учениковъ, съ доставленіемъ имъ сверхъ того средствъ къ своему содержанію.

Всѣ возраженія, устремленныя противъ просвѣщенія нижняго класса народа, могутъ касаться только многолюдныхъ городовъ, коихъ обитатели, будучи подвержены внезапнымъ переходамъ отъ дѣятельности и изобилія къ нищетѣ и праздности, нередко обуреваются сими бѣдственными переменами, и всегда готовы прибѣгнуть къ жесточайшимъ крайностямъ. Земледѣльцы напротивъ сопавляютъ поколѣніе людей крошечныхъ, безпечныхъ и съ природы шерпѣливыхъ. Уединенныя ихъ занятія нисколько не благоприятствуютъ раскрытію душевныхъ способностей и взаимному общенію идей. Во всѣхъ древнихъ Республикахъ, они обыкновенно, были подчинены владычеству городовъ. Поселяне столько же имѣютъ нужды въ поощреніи и ободреніи, сколько другіе классы

народа въ усмиреніи и обузданіи; и если мы примемъ образованіе ума за поощрительное средство, то кажется, въ немъ настояшья большая нужда для поселянъ, нежели для городскихъ жишелей. Включеніе приносящей доходъ работы въ систему воспитанія убогихъ дѣшей, есть самая счастливая мысль, которую когда-либо гений общественнаго блага породилъ въ душѣ человѣческой.

Фабрики, придавая цѣну даже мало-значущей работѣ дѣшей, способствуютъ народонаселенію и умножаютъ оное скорѣе, нежели оно можетъ умножаться при однихъ только обыкновенныхъ средствахъ къ пропитанію. Такъ и Гофвилъское заведеніе, освобождая родителей отъ зашрудненія содержащья своихъ дѣшей, могло бы бытъ сопряжено съ тѣми же неудобствами; но еще недоказано на опытъ, чтобы заведенія подобнаго рода могли существовать сами собою, т. е. получать свое содержаніе единственно отъ прибрѣпеній, доставляемыхъ работою учениковъ.

Извѣстно, что Бернскій Кантонъ

*

имѣеть нынѣ спольже великое населеніе, каъ въ 1764 году, хопя съ того времени пространство его земли уменьшилось впрое. Приходскіе налоги для вспоможенія бѣднымъ увеличились почти также, какъ въ Англіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они составляютъ 15 процентовъ съ числаго дохода. — Взглянемъ съ другой стороны на состояніе нравственности учениковъ, воспитывающихся въ Гофвилскомъ заведеніи; большая часть изъ нихъ уже достигла совершеннаго возраста. Имъ не позволено оплучаться опъ заведенія ни днемъ, ни ночью; ни одинъ изъ нихъ не бывалъ на сельскихъ праздникахъ, и не имѣеть ни какихъ связей и знакомствъ внѣ училища, да и нѣкогда ему подумашъ о постороннихъ предметахъ. Работа, уроки и обыкновенныя игры занимающъ его попеременно во все теченія дня; и смотря по лицамъ учениковъ, на коихъ написано удовольствіе, нельзя заключишь, чтообъ они чувствовали недоспашокъ въ какихъ нибудь забавахъ. Уже и въ томъ немаловажный выигрышь для Кантона, что ученики будутъ сохраняшь приоб-

рѣшенный въ молодости навѣкъ къ хорошему поведенію и цѣломудрію. Болѣе возвышенныя, чѣмъ у другихъ поселянъ, удовольствія, къ копорымъ привыкли они въ училищѣ, будучь способствовашь имъ ожидать брака съ меньшимъ неперпѣніемъ, и заключашь оный съ болшею осомпрительностью. Наконецъ когда положимъ, что предупредительныя мѣры прошивъ народонаселенія (*), слишкомъ быстро возрастающаго, заключающа въ хорошей нравственности и благоразуміи, то отъ учениковъ Г. Фелленберга, надѣяться должно самыхъ спасительныхъ на сей случай послѣдствій; они обладають

(*) Таковыя мѣры дѣлаются необходимы въ Государствѣ, которое по малому проспрансиву земель своихъ не соотвѣлствуеть множеству жителей, въ немъ поселенныхъ. Послѣдствіемъ излишняго народонаселенія въ маломъ владѣніи, могутъ бысть междоусобія за собственность, разбой и развращь нравовъ, или безпреспанныя переселенія въ другія Государства. *Прим. Ред.*

сими качествами преимущественно предъ другими поселянами.

Еслибы годичная плата отъ 80 до 90 франковъ, требуемыхъ за содержаніе и воспитаніе каждаго ученика не могла бытъ уменьшена, то сія сумма, не смотря на ея умѣренность, превышалабы средства убогихъ родителей; даже и въ такомъ случаѣ, когдабы Правительство отдало домъ для безмезднаго помѣщенія сего заведенія, все еще нѣкоторая только часть убогаго класса народа моглабы непосредственно участвовать въ благотворныхъ выгодахъ сего заведенія; но тѣмъ не менѣе не прямое и посредственное вліяніе онаго на благоденствіе народа былобы всегда самымъ дѣйствительнымъ. Молодые люди, воспитанные въ такихъ заведеніяхъ, бралибы всегда верхъ предъ прочими своими совѣспниками въ сельскихъ должностяхъ. Успѣхи ихъ, и причины сихъ успѣховъ, былибы столь разительны и явны, что все вообще родители, вскорѣ возмущившавші бы желаніе ввести въ домахъ своихъ воспитаніе дѣтей, болѣе или менѣе сход-

ное съ принятымъ въ Гофвильскомъ училищѣ, и такимъ образомъ вліяніе сего послѣдняго prosperлось бы далеко за предѣлы внушрняго своего управленія. Сказанное преимущество питомцевъ подобныхъ заведеній не есть пустая мечта. Г. Фелленбергъ получаетъ ежедневно требованія объ отпускахъ питомцевъ для занятія мѣсяцъ сельскихъ управителей. Всѣ вообще ученики могли бы получить выгодныя мѣсяца еще до истеченія срока, назначеннаго пребыванію ихъ въ семь училищъ, если бы такіе преждевременные отпуски, были полезны и справедливы; ибо заведеніе, доставивъ имъ приличное содержаніе во время ихъ дѣтства, приобрѣло не оспоримое право на производящую съ ихъ стороны работу, къ которой они способны по достиженіи совершеннаго возраста. Не смотря на сіе, двое изъ учениковъ, выпущенные изъ училища преждевременно, получили весьма выгодныя мѣсяца. Одинъ изъ нихъ опредѣлился къ должности, при Венгерскомъ вельможѣ Графѣ Абофи, который поручилъ ему надзоръ за большимъ зем-

дѣльчскимъ заведеніемъ въ своихъ по-
мѣшьяхъ, и новой управитель умножилъ
доходы порученнаго ему заведенія вдвое
прошивъ прежняго. Сей молодой человекъ,
именемъ Мадорфи, сынъ нищаго, досто-
инъ похвалы во всѣхъ отношеніяхъ; но
но со стороны понапливости и счастли-
выхъ дарованій, онъ не былъ изъ числа
оплчнѣйшихъ между своими поварища-
ми. Другой весьма ревностно и успѣшно
исправляетъ должность смолришеля въ
публичномъ училищѣ, недавно заведен-
номъ въ Цирихскомъ Кантонѣ по образ-
цу Гофвильскаго. Третій выпущенъ изъ
училища по настоятельнымъ прозьбамъ
его родственниковъ, имѣвшимъ въ немъ
необходимую нужду.

Теперь приступимъ къ изложенію
нѣкоторыхъ подробностей касательно
способа обученія, принятаго въ заведеніи
Г. Фелленберга. Уроки преподаются обы-
кновенно въ слухъ, въ видѣ разговоръ
или задачъ, предлагаемыхъ къ разрѣше-
нію. Все сіе производится ими на изустъ,
безъ употребленія письма. Предметомъ
шкловыхъ задачъ бывающъ обыкновенно

мѣры пространства, длины и вѣсу: на примѣръ; исчислишь кубическій объемъ срубленнаго дерева, или снога сѣна? Показать, сколько нужно времени, для окончанія такой-то работы;? Въ другой разъ предлагающся имъ вопросы о дѣйствіяхъ шренія въ такой-то машинѣ, о способахъ измѣренія земли, о правилахъ Грамматическихъ, и проч.

Будучи такимъ образомъ лишены всѣхъ искусственныхъ учебныхъ пособій, конечно они должны сначала бороться съ многими затрудненіями; но чрезъ сіе они шѣмъ лучше чувствуютъ важность и выгоды преподаваемыхъ имъ правилъ, приобретающъ теорію вмѣстѣ съ практикою, вниманіе ихъ непрерывно напрягающся, и способности ума развивающся и приходящъ въ совершенство, посредствомъ сего дѣятельнаго упражненія. Хотя сіи лекціи производящся обыкновенно послѣ работы, однакожь я никогда не видалъ, чтобы во время уроковъ, который изъ учениковъ зѣвалъ, былъ развлечень, или казался изнуреннымъ. Кажешся, что продолженіе небольшихъ за-

прудненій собственными нашими силами, есть существенное условие нашего удовольствия, сие же последнее есть вѣрное ручательство въ успѣхѣ. И въ семъ то дѣятельномъ свойствѣ нашей природы, надобно искать причинъ ревности, одушевляющей Гофвильскихъ учениковъ.

Часто ученики съ своей стороны предлагаютъ вопросы и задачи, не очень легкіе къ разрѣшенію и доказывающіе внимательный ихъ умъ. Всякая неисправность, излишнее повпореніе, ошибка или сбивчивость, замѣченныя въ вопросахъ или отвѣтахъ котораго либо изъ учениковъ, содѣлывающаго предметомъ сужденій и исправленія со стороны его товарищей, которыми сей родъ бдительнаго другъ за другомъ присмотра доставляетъ невинное увеселеніе и служитъ поощреніемъ ихъ внимательности. Они исправно рисуютъ всѣ земледѣльческіе снаряды съ начурой и въ перспективѣ, и дѣлаютъ Химическіе опыты надъ разными родами земель и камней, сколько сие можетъ быть приложено къ земледѣлію. Читаютъ въ слухъ Священное Пи-

саніе и разныя нравоучительныя сочиненія, какъ-то: *Леонардъ и Гертруда*, сочиненіе Песталоци; *Робинзонъ Крузе*, сочиненіе Кампе; *Зерцало Гельветической гестии*, Спирлинга, и другія тому подобныя. Музыка ихъ естъ самая простая. Учитель Верли черпиль ноты на черной доскѣ, прикрѣпленной къ стѣнѣ, каждый ученикъ переписываетъ свою часть, и повпоряетъ ее, сперва самъ отдѣльно, а потомъ вмѣстѣ съ другими. Верли, замѣпилъ, что непріятный голосъ никогда не исправляется, но что дурное ухо можетъ исправиться долговременнымъ упражненіемъ. Впрочемъ почти всѣ Швейцарскіе поселяне родятся музыкантами; въ ихъ горахъ, лѣсахъ и при озерахъ раздается прелестное пѣніе, доставляющее одно изъ величайшихъ удовольствій для путешествующихъ въ тѣхъ странахъ.

Старшіе ученики ведутъ книги, въ копорыя записываются земледѣльческія и другія работы всѣхъ учениковъ, ихъ уроки, чтеніе и прочее. Температуры учениковъ писаны исправно и число, хорощимъ Нѣмецкимъ языкомъ, не смотря на

шо, что грубое Швейцарское нарѣчіе есть ихъ природный языкъ. Однажды въ недѣлю они учашся владѣть ружьемъ, чтобы въ случаѣ опасности быть готовыми споль въ ряды защитниковъ опечесва. У нихъ есть еще и другія гимнастическія упражненія, но послѣ дневной работы, умственныя занятія кажутся приличнѣйшими, и даже сіи послѣднія весьма выгодно могутъ быть соединены съ работою. На примѣръ, ученики занимаясь копаніемъ рововъ для спуска воды, приводящъ другъ другу на память всѣ изученныя ими предъ шѣмъ правила Гидравлики; очищая поле отъ камней, и опкладывая въ сторону извѣспковые для пригошвления изъ нихъ извѣспи; они при семъ случаѣ умѣютъ пользоваться своими химическими познаніями, узнающъ съ перваго взгляда качества находимыхъ ими камней, и могутъ показашъ, изъ какой сосѣдственной горы оныя произошли.

Сдѣлающъ можешъ бытъ возраженіе, что подобныя занятія не нужны для земледѣльца, и въ самомъ дѣлѣ нельзя

ушверждать, что они для него необходимы. Но по чему же запрещать земледѣльцу приобретение сихъ познаній, коль скоро они нимало не отвлекають его отъ прочихъ обыкновенныхъ занятій?

Предпринятый Г. Фелленбергомъ въ Гофвильскомъ заведеніи опытъ имѣеть цѣлю опредѣлить, до какой степени можетъ быть доведено просвѣщеніе простаго народа, съ тѣмъ, чтобы опровергая ему путь къ образованію, и ушверждая нравственность его на прочныхъ основаніяхъ, облегчить ему въ поже время и способы къ удобнѣйшему доставленію себѣ безбѣднаго пропитанія; и кажется, что въ семь случаевъ предѣлы усилій не переходятъ за предѣлы возможности.

Нынѣ сомнѣнія, что трудно будетъ найти другаго учителя, подобнаго Верли, который бы ровно какъ сей послѣдній, самъ одинъ и обучалъ своихъ питомцевъ и раздѣлялъ съ нимъ дневные труды и бесѣдовалъ во время вечерняго отдыха; который съ равнымъ искусствомъ дѣйствовалъ бы какъ земледѣльческою сохою, такъ и музыкальнымъ орудіемъ, и

что важнѣе всего, какой бы при всѣхъ своихъ отличныхъ качествахъ, имѣлъ еще такой образъ мыслей, и почто шаковую возвышенность характера, чтобы не прибавляя ничего собственнаго къ предписанному порядку, быть только вѣрнымъ и усерднымъ исполнителемъ порученій Генія, управляющаго Гофвильскимъ заведеніемъ.

Желая поощрить промышленность учениковъ духомъ собственности, Г. Фелленбергъ назначаетъ въ ихъ пользу часи денегъ, соразмѣрную съ цѣною хлѣба, собраннаго ими съ поля, и сія сумма при-сокупаемая къ деньгамъ, вырученнымъ за плоды собственныхъ ихъ огородовъ, со временемъ составляетъ капиталъ, который они получаютъ, выходя изъ сего заведенія. Всячески избѣгаешь пипать въ нихъ какіе нибудь высокомѣрные виды въ будущемъ. Званіе хорошаго земледѣльца или маспероваго, поставляется ими всегда крайнею почкою всѣхъ ихъ ожиданій. Г. Фелленбергъ не заставляетъ своихъ учениковъ возвышались надъ ихъ природнымъ званіемъ, но облагораживая

и усовершенствуя званіе сіе, возвышаетъ оное до той степени, на которую поспавиль своихъ питомцевъ.

Кшо не замѣшилъ, что человекъ, родившійся въ послѣднемъ классѣ народа, удерживается въ своемъ скудномъ и рабскомъ положеніи непреодолимыми преградами, подобными шѣмъ, которыя заключаютъ Индѣйца въ предѣлахъ особенной его касты? Сіи преграды супъ непосредственное слѣдствіе грубаго и почти звѣрскаго невѣжества, омрачающаго и оковывающаго умъ проспаго креснянина. Оно не позволяетъ ему ничего предвидѣть, и однимъ изъ бѣдственнѣйшихъ его послѣдствій есть излишнее и чрезмерное умноженіе народонаселенія. И въ самомъ дѣлѣ, между шѣмъ, какъ средній и вышій классъ едва сохраняется въ обыкновенномъ своемъ числѣ, то народонаселеніе непрерывно возрастаетъ у шѣхъ, коимъ предстоитъ наиболѣе затрудненій въ удовлетвореніи своихъ потребностей. Сей классъ народа, обуреваемый своими неудовлетворенными нуждами, напрасно приписываетъ всѣ свои

бѣдствія Правительству: оныя проистекають непосредственно оупь внутренняго его управления самимъ собою. Когда на примѣръ, пять человекъ получаютъ дневное свое пропитаніе оупь плашы за работу, для совершенія которой пребывалось бы не болѣе четырёхъ, то и въ такомъ уже случаѣ, пропитаніе помянутыхъ пяти человекъ, и даже ихъ независимость, подвержены нѣкопору сомнѣнію и опасности; чтоже будетъ, когда число работниковъ случайно увеличится вдвое противъ прежняго? — Положимъ, что Правительство возьмётъ всѣ возможныя мѣры для прекращенія сего безпредѣльнаго умноженія народонаселенія, положимъ, что война и переселенія будутъ содѣйствовать Правительству въ семъ предпріятіи; но ежели сіе не будетъ сопряжено съ часпною каждымъ человека образованностію и нравственными его навыками, то все еще будетъ шрудно, даже и не возможно удержатъ равновсіе между количествомъ работы и числомъ работниковъ. Но заведеніе Г. Фелленберга преимущественно

предъ другими способствуешь къ поселенію въ сердца молодыхъ людей сихъ хорошихъ и спасительныхъ качествъ. Ученики его по достиженіи ими 21 года, возвращающія ихъ родителямъ или обществу, приобретають нужныя знанія въ земледѣльчествѣ и потребныя въ обществѣ челоука. Сверхъ того каждый изъ нихъ знаетъ какое нибудь ремесло, изъ числа находящихся въ употребленіи въ его странѣ; каждый имѣетъ общія практическія знанія по части сельскаго домоводства, въ большей степени, нежели какой нибудь изъ сосѣдственныхъ поселянъ. Никто уже болѣе не сомнѣвается въ возможности и всеобщей пользѣ, могущихъ послѣдовать отъ приведенія въ дѣйствіе сей системы воспитанія; оспариваются только разрѣшишь посредствомъ благонамѣренныхъ и безпристрастныхъ опытовъ, до какой степени употребленіе оной можетъ просператься. Просвѣщенные друзья челоучества конечно пожелаютъ, чтобы приложеніе оной къ народному просвѣщенію, могло содѣлаться всеобщимъ.

Бъ заведеніи Г. Фелленберга, съ училищемъ промышленности соединено высшее училище; обращаемся къ изложенію описанія сего послѣдняго.

По мнѣнію Г. Фелленберга нынѣшнее поколѣніе рода человѣческаго несравненно болѣе испорчено, нежели въ древнія времена, и сіе невыгодное перерожденіе снановилсяъ часъ ошъ часу важнѣе и ошципительнѣе. По сей причинѣ онъ желалъ бы, возврапипъ людей къ древней простотѣ нравовъ, изгладившейся почпи изъ ихъ характера, и вновь поселилъ въ нихъ поперяпныя ими добродѣтели предковъ. — Здѣсь не мѣсто разсмаприваншь, справедливо ли сіе мнѣніе Г. Фелленберга; можно только замѣпипъ, что шакъ какъ люди, говоря вообще, не имѣюпъ всѣхъ хорошихъ качеспвъ, потребныхъ для общаго благополучія, шо и всякое усердное предпріятіе, имѣющее цѣлью, содѣлавъ ихъ по возможности лучшими, должно удостоиппшь общаго одобренія. Можнобъ было только спросипъ у Г. Фелленберга, гдѣ онъ избралъ въ древности свою почку общаго сравненія? Гомеръ

Любимый Авторъ въ Гофилѣ. Ученики
 высшаго училища корощко знакомы съ
 Героями, прославившимися во время Тро-
 янской войны. Но какія бы впрочемъ ни
 были ихъ Писшическія доблести, Г. Фел-
 ленбергъ, конечно, не спанешъ представ-
 ляшь / кровожадныхъ и дикихъ нравовъ
 сихъ Выпязей къ подражанію своимъ у-
 ченикамъ. Въ наши времена никшо непо-
 желаешъ имѣшь своимъ брапомъ или сы-
 номъ одного изъ Героевъ Иліады. Древній
 Пѣвецъ долженъ былъ украсишь своихъ
 Героевъ такими доблестями, которыя
 въ его время были предметомъ общаго
 удивленія. Во времена послѣдовавшія за
 сею баснословною Эпохою, вспрѣчаются
 нѣкоторыя знаменитые мужи, имѣвшіе
 не споль опврапительные обычаи, но
 они служатъ рѣдкимъ извѣщіемъ изъ об-
 щаго характера древности. Еслибы Г.
 Фелленбергъ рѣшился предпочтительнo
 избирашь свои образцы во временахъ и
 въ мѣстахъ не споль опдаленныхъ, на
 примѣръ между своими соотечественни-
 ками, то вѣрно нащель бы между ними
 такихъ людей, которые не усшудал

*

Спартавскимъ и Римскимъ Героямъ какъ въ храброспи, такъ равно и въ дикоспи, были бы не менте сихъ послѣднихъ чужды добродѣтелямъ, свойственнымъ исключительно нашему времени. Кажется, что ужасное и кровавое пятно, осквернившее на всегда конецъ XVIII столѣтїя, было послѣднимъ изліаніемъ древней дикоспи; и если мы споль сильно гнушаемся симъ произшествіемъ, то это происходитъ отъ разительнаго несогласїя онаго съ общимъ состояніемъ нынѣшнихъ нравовъ; однимъ словомъ, чтобы ни говорили строгіе судьи нынѣшнихъ временъ, но нынѣшнее поколѣніе рода челоувѣрскаго лучше прежняго. Противное мнѣніе несправедливо и даже опасно.

Основаніемъ публичнаго воспитанїя принято одно только односпороннее начало, прикладываемое безъ различїя ко всѣмъ дарованїямъ и характерамъ; по мнѣнію же Г. Фелленберга, лучше сообщать образъ ученїя съ ученикомъ, чѣмъ на противъ. Онъ говоритъ, что хорошій Учитель долженъ быть усерднымъ другомъ и опытнымъ вожакомъ своего ци-

помца, а не своевольнымъ и вспылчивымъ власшелиномъ. Г. Фелленбергъ равно опорочиваетъ какъ наказанія, такъ и награжденія учениковъ; ибо боязнь дѣлаетъ ихъ рабами, а часшо удовлетворяемое самолюбіе развиваетъ въ нихъ пагубныя и опасныя спрасши. „Не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы другой тебѣ дѣлалъ“—вошь по его мнѣнію одно только надежное правило, долженствующее руководствовашъ какъ учителей, такъ и учениковъ. Тотъ, чье сердце исполнено сего Хрисціанскаго чувства, найдетъ въ самомъ себѣ досташочныя награжденія и наказанія. Начало соревнования споль вообще введено въ повсемѣшное употребленіе, что нельзя исключитъ онаго изъ системы воспитанія; но равно нѣтъ необходимой надобности умышленно содѣлывовашъ раскрытію иощренію онаго. Поелику по мнѣнію Г. Фелленберга, нѣжныя чувства, раждающіяся въ молодыхъ людяхъ, воспитываемыхъ въ семейственномъ кругѣ, составляютъ надежѣйшую пружину хорошаго ихъ поведенія, то и система воспитанія

имъ принятая, болѣе имѣеть сходства съ домашнимъ, нежели съ публичнымъ воспитаніемъ. Но какъ не всѣ семейства пафры, какими бы надлежало ижъ бышь, и какъ въ нѣкопрыхъ изъ нихъ, хорошіе навыки приобрѣтенные молодыми людьми во время ихъ пребыванія въ заведеніи, моглибы испортишься; шо по сему пипомцы Г. Фелленберга оспаюся въ заведеніи и во время годичныхъ роздыховъ. Родители должны разлуку сію принести въ жерпву пользь своихъ дѣтей. Впрочемъ привязанность ученика къ своему семейству ни мало опъ шого не терпимъ. Онъ удалился изъ жилищества своихъ родителей, прежде нежели могъ опкрышь въ сихъ первѣйшихъ предметахъ своей любви и благоговѣнія, нѣкопрыхъ пороки, опъ копрыхъ никшо не свободень; а хорошія семейственныя впечатлѣнія, изображеніе его родителей, оспаюся и живущъ во всей силѣ исвѣжести въ его молодомъ сердцѣ, чистомъ и неискаженномъ. — Воспомяя объ опечесшвенномъ домѣ, онъ предшавляеть его себѣ въ самыхъ выгодныхъ и

пріятныхъ краскахъ; сія мечта непре-
рывно привлекаетъ его къ семействен-
ному кругу; наконецъ окончивъ полный
курсъ ученія, онъ возвращается въ домъ
своихъ родителей съ сердцемъ исполнен-
нымъ радости и умиленія. Познаніе ду-
ши человѣческой, и живое чувство сы-
новой обязанности, уменьшаютъ тогда въ
глазахъ его въкопорые недоспашки ро-
дителей, свойственныя слабости чело-
вѣческой.

Курсъ ученія въ Гофвилѣ раздѣляется
на три прехъ-годичные періода: 1.)
Греческой языкъ, древняя Исторія и Ис-
торія Естественная. 2.) Латинскій я-
зыкъ, Исторія Римская и древнее земле-
описаніе. 3.) Новѣйшіе языки, новѣйшая
словесность, Исторія доведенная до по-
слѣдняго столѣтія и общее землеописа-
ніе. Въ продолженіе двѣдого девятилѣтня-
го курса преподаются Химія, Физика,
Математика, рисовальное искусство и
Гимнастическія упражненія.

Ученіе Географіи начинается съ
мѣсть пребыванія ученика. Онъ сперва
упражняется въ Геометрическомъ изо-

браженіи дома, огорода, спраны, печенія рѣки, въ видѣ Географическихъ картъ, которыя не прежде представляють ученикамъ, и не прежде начинаютъ изъяснять имъ науку о глобусѣ и его употребленіи, какъ возбудивъ въ ученикахъ желаніе узнать предметы, еще имъ неизвѣстныя.

Обученіе рисованью начинается равнымъ образомъ съ предметовъ, находящихся въ общемъ употребленіи, какъ шошувель, споловъ, внутренняго расположенія покоевъ, деревъ, домовъ, и пр. Потомъ ученики списываютъ съ рисунковъ и барельефовъ, наконецъ сочиняють сами характеристическія головы, стараются изображать дѣйствіе спраспей въ чертахъ лица; отдѣлка ихъ работъ сего рода обыкновенно исправна, но суха и жестка.

При обученіи музыкѣ болѣе имѣется въ виду, такъ сказать, душа и внутренняя сила сего искусства, чѣмъ преодоленіе трудностей. Важнѣйшею цѣлью сего искусства поставлена найши въ немъ возвышенный и разительный языкъ,

способный къ выраженію нѣкопрыхъ понятій и чувствованій, неизъяснимыхъ на на какомъ другомъ языкѣ.

Гимнастическія упражненія имѣють цѣлью укрѣпленіе здоровья учениковъ, равно какъ и раскрытіе и усовершенствованіе шѣлесныхъ ихъ способностей. Но ипакъ какъ должно опасаться, чтобы сіе не содѣлалось предметомъ и поощреніемъ тщеславія, по и упражненія сіи никогда не имѣють мѣста при постороннихъ свидѣтеляхъ.

Нѣмецкій языкъ, находящійся въ общемъ употребленіи въ Гофвилѣ, имѣеть большое грамматическое сходство съ Греческимъ, и ученикамъ менѣе предстоитъ затрудненій, въ изученіи сего послѣдняго, нежели Латинскаго, а пошому изученіе древнихъ языковъ начинается съ Греческаго. Сверхъ того, просшыя чистосердечныя Гомеровы сказанія, и занимательность, возбуждаемая Одиссеею, облегчаютъ ученикамъ существенныя трудности.

Послѣ Гомера, ученики читають Геродота, а пошомъ смотря по особеннымъ

дарованіямъ и способностямъ каждого изъ нихъ, ровно какъ и по успѣхамъ въ Историческихъ Наукахъ, даюся имъ для чтенія Фукидидъ, Ксенофонъ, Софокль, Эсхиль или Демосѳенъ; чтенія сіи не назначаются имъ вопреки ихъ вкуса и охоты: напрошивъ часщю надобно воздерживашь ихъ, особенно въ отношеніи къ Гомеру, чтеніе коего у нѣкоторыхъ учениковъ доходитъ до спрассти.

Начала Латинскаго языка преподаюся тогда уже ученикамъ, когда чтеніемъ Геродота, они досщашочно познакомились съ Греческимъ. Какъ сочиненія Виргилія не имѣють для начинающихъ тѣхъ самыхъ выгодъ занимательности, каковыми опличается Гомеръ, то для перваго чтенія на Латинскомъ языкѣ, употребляются компіляціи разныхъ Авторевъ; ибо Тита Ливія они тогда уже могутъ читашь съ пользою, когда въ курсѣ Исторіи пройдутъ эпоху Пуническихъ войнъ. Потомъ уже они читають Цицерона, Горація, Тацита, Саллюстія и пр. Познакомивъ учениковъ основательно съ Латинскимъ языкомъ, преподають

имъ имъ наспавленія въ Романскомъ на-
рѣчїи, что служить хорошимъ введені-
емъ въ изученіе языка Италіанскаго и
во всеобщую философическую Грамма-
шику.

(Окончаніе въ предѣ).

С М Ъ С Ь.

У Ч Е Н Ы Я И З В Ъ С Т І Я .

О Б Ъ У Ч И Л И Ц Ъ

П О М Е Т О Д Ъ В З А И М Н А Г О О Б У Ч Е Н І Я

Д Л Я Д Ъ В И Ц Ъ .

Извѣстно уже почтенной Публикѣ изъ объявленія, напечатаннаго въ С.П.Бургскихъ вѣдомостяхъ въ Октябрѣ 1821 года, объ открытіи учрежденнаго здѣсь по ВЫСОЧАЙШЕМУ соизволенію образцоваго училища для образованія дѣшей женскаго пола по правиламъ взаимнаго обученія. Двухлѣтній опытъ въ образованіи какъ не большаго числа онданныхъ въ сіе училище на полномъ содержаніи — ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общесства, и частію на своемъ содержаніи, шакъ и временно приходящихъ дѣвочекъ, коихъ число до нынѣ простиралось до пятидесяти, доказалъ дѣйствительность и пользу сего у-

чилища. Въ особенності же воспитываемыя въ ономъ на полномъ содержаніи дѣвочки, благонавіемъ, прудолюбіемъ, опривно-снїю и искусствомъ — какъ въ чпеніи и писаніи, такъ и въ рукодѣліи и домашнихъ упражненіяхъ примѣрно опличающся.

Таковой способъ воспитанія, особенно для дѣвочекъ, недоспапочнога или посредспвеннаго соспояніа, коихъ жребій наиболее подверженъ опасностямъ и превратностямъ жизни, есть единственной въ своемъ родѣ, и нѣтъ сомнѣнія, чтобы многіе родспели, родспвенники, благошворспели и Помѣщики, узнавъ о важности сего воспитанія, не пожелали воспользоваться симъ учрежденіемъ для своихъ или принадлежащихъ имъ дѣшей женскаго пола. На сей конецъ Управляющая симъ училищемъ Сарра Килеамъ, испросивъ чрезъ Г. Миниспра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія **ВЫСОЧАЙШЕЕ** соизволеніе распроспранить помѣщеніе въ нанятомъ для сего домѣ, для дѣвиць, посшупающихъ на полное содержаніе училища, равно какъ и для временно приходящихъ, предлагаемъ свои услуги въ воспитанія и образованіи оныхъ на слѣдующихъ условіяхъ.

1. Дѣвицы на полное содержаніе, равно какъ и временно приходящія привимающся онѣ 8 до 12 лѣтъ ихъ возраста.

2.) Всѣ онѣ будутъ обучаемы чтенію, писанію, основаніямъ Грамматики и Ариеметикѣ на Россійскомъ только языкѣ, по правиламъ взаимнаго обученія; Священникъ Россійской будетъ учить ихъ Закону Божию.

3.) Онѣ также будутъ наславляемы во всякомъ родѣ рукодѣлія женскаго, въ простой домашней жизни нужнаго.

4.) Соспоющія на полномъ содержаніи будутъ сверхъ того въ самомъ дѣлѣ заниматься разными частями домашняго хозяйства; а по Воскресеніямъ ходитъ въ Церковь подъ надзоромъ Россійской Учительницы.

5.) На полное содержаніе, по естѣ ученіе, пищу, одежду, посилье и мылье платились впередъ по двѣси двадцати, пяти рублей въ годъ, а временно приходящія платяшъ въ годъ по двѣнадцати рублей.

6.) Часы ученія всякой день, кромѣ Воскресенія, для приходящихъ назначены по ушр сь 8 часовъ до 12 часовъ, а послѣ обѣда ошр 2 до 4 часовъ.

Учебныя вещи и книги будутъ доставляемы ошр училища.

Училище сіе находится въ домѣ Типулярнаго Совѣтника Безпалова, Нарвской части въ Измайловскомъ Полку, въ восьмой ротѣ подъ N 252, куда желающіе адресовашься могутъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О КНИГАХЪ.

Издашель Греческихъ Классиковъ имѣетъ честь извѣстить Почтенную Публику что I часть *Олировой Иліады*, состоящая изъ 6 Пѣсней, и Трагедія Софокла: *Эдипъ въ Колонѣ*, съ примѣчаніями Переводчика, оппечатааны. Особы, объявившія желаніе имѣть сіи книги, благоволяшь получають оныя въ шѣхъ мѣспахъ, гдѣ угодно было имъ подписаться. Съ 1 Сентября сего года во всѣхъ здѣшнихъ и Московскихъ книжныхъ лавкахъ, равно и у Издашеля, принимашья будетъ подписка на продолженіе Греческихъ Классиковъ въ 1824 году, въ печеніе коего оппечатаются *вторая и третья* части *Иліады*, изъ коихъ каждая заключають будетъ по 6 Пѣсней, и двѣ Трагедіи Софокла: *Антигона* и *Трахиніанки*, имѣющія сославить впоруую часть Софокловыхъ Трагедій. Цѣна подписная 47 рублей, съ Греческимъ текстомъ, Ру-

скимъ переводомъ и примѣчаніями Переводчика; безъ Греч. шекша 25 руб. На означенныя Трагедіи можно подписываться и порознь, съ платною за каждую: съ Греческимъ шекспомъ по 5, безъ онаго 3 руб.; на 2 же и 3 части *Иліады* подѣлка принимается совокупно съ 1 ошпечашанною часпью, которая немедленно и доставлена будетъ. Имена Особъ, благоволившихъ подписаться, будутъ припечатаны при каждой книгѣ. Желающіе имѣть вышедшія въ текущемъ году часпи *Греческихъ Классиковъ* благоволяше присылаше деньги за оныя особо: за весь годъ по 45 съ Греческимъ шекспомъ; безъ онаго по 25 р. Порознь же за *Эзоповы басни* съ Греч. шекспомъ по 10, безъ онаго по 5 р.; за *Гиллы Каллимаха* шожъ; за *Эдипа Царя* съ Греч. шексп. по 5, безъ онаго по 3 рубли; за *Эдипа въ Колонѣ*, шожъ.

Жишельснво Издашея из Васильевскомъ Ошровѣ по Малому Проспекшу въ 11 линіи, въ собственномъ домѣ подъ N 887.

Адресъ: *Дѣйствителному Статскому Советнику Ивану Ивановичу Мартынову.*

Л И Т Е Р А Т У Р А.

А.

П Р О З А.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ТОМАСА СМЕРТЬ-ЮГСА ВЪ ЯНІНУ.

(Окончаніе).

Обѣдали мы съ Синьйоромъ Псалидою, копорый, между прочимъ, сдѣлалъ выходку прошивъ Англійскаго выговора въ древнемъ Греческомъ языкѣ. Я соглашался съ нимъ на мировую, уступая ему въ томъ, что мы говоримъ худо, но пребуя опъ него сознанія, что и произношеніе нынѣшнихъ Грековъ почти сполькожь ошибочно. Не шунъ-шо было! по его словамъ, попомки древнихъ Грековъ

Часъ XXIII. Кн. III.

15

не могутъ ошибиться ни въ одномъ звукѣ, говоря языкомъ своихъ предковъ, и ихъ произношеніе должно быть совершенно правильно. Желая сообщить ему понятіе о томъ, какъ Англичане умѣютъ сочинять Греческіе стихи, я показаль ему прекрасныя ямбическіе стихи покойнаго Профессора Порсона; но онъ судиль о нихъ съ такимъ презрѣніемъ и разкришиковаль ихъ такъ несправедливо, что подалъ мнѣ весьма невыгодное мнѣніе о своей учености.

Послѣ обѣда мы прохаживались по городу съ Синьоромъ Николою и братомъ его Іоанномъ, которые познакомили насъ со многими почтенными Греческими семейшвами. Однакожь прошло не мало времени прежде нежели мы были приняты на коронкой ногъ къ-либо изъ жилищей Янинскихъ. Деспотизмъ въ этомъ городѣ держиль, такъ сказать, всѣ сердца подъ замкомъ, и никто не смѣеть привѣстить иностранца, не узнавъ напередъ, на какомъ онъ счету у Паши.

Янина, какъ я уже сказалъ, лежиль на западномъ берегу величественнаго о-

зера. Городъ сей построень у подошвы холмовъ, покрытыхъ виноградниками и защищающихъ его отъ запада, съ востока же онъ защищенъ грядою горъ Мицикелійскихъ, примыкающихъ къ Пинду. Отъ середины города большая полоса земли вдается въ озеро; ее называютъ *Каспронъ* или крѣпость; тамъ много домовъ Турецкихъ и Еврейскихъ, но Христіанамъ жить въ Каспронѣ не позволено. Здѣсь также видѣнъ прежній Сераль — огромное строеніе, и двѣ красивыя мечети. Сей Каспронъ нѣкогда составлялъ весь городъ, и видъ его очень правильно уподобляютъ двуглавному орлу, копераго крылья образуются жилищами, лежащими на право и на лѣво. Противъ крѣпости, на озерѣ, находится живописный островокъ; укрѣпленія его и глубокой ровъ, теперь его отдѣляющій, большею частію сдѣланы по приказанію Паши въ то время, когда Французскія войска заняли Далматскія Области. Онъ заставлялъ тогда всѣхъ городскихъ жителей работать безъ всякой паны, а вмѣсто оной посылалъ своихъ музыкантовъ

забавляшь ихъ музыкаю. Опъ сей работы не увольнялъ онъ ни Примасовъ, ни Архоншовъ Греческихъ, ниже Беевъ и Агъ Турецкихъ. Онъ посылалъ на работу даже собственнаго своего сына Мухшара. Синьйоръ Николо еще и при насъ попиралъ себѣ спину, рассказывая о трудахъ и изнуреніи своемъ при переноскѣ камней и копаніи земли.

Противъ Каспрона, своропя немного на Сѣверъ, находится базаръ, самый любопытный предметъ въ Турецкомъ городѣ. Онъ состоишь изъ многихъ непрямыхъ улицъ; лавки низки, съ кровлею, выдающеюся впередъ на значительное пространство и состояющею навѣсъ, подъ которыми мастеровые работаютъ и разкладываютъ свои товары на продажу. Для каждаго рода товаровъ есть особое отдѣленіе лавокъ. На ночь базаръ запирается большими деревянными воротами и сверхъ того спережешся многочисленными спящими злобныхъ собакъ, опъ которыхъ Франку (ш. е. Европейцу) опасно войши спуда даже среди бѣлдня, если онъ одѣнъ, не по Азіатски. У Г.

Паркера разорвали онъ однажды *ридингъ-котъ*, а Антоніешши (*) укусили за ногу. При этомъ случаѣ произошло забавное недоразумѣніе. Укушенный Антоніешши опромешью прибѣжалъ домой, крича во весь голосъ: „проклятая *рогатая* собака!“ — (Презрительное выраженіе, которымъ Турки обыкновенно чesпять Грековъ). Визиревъ Чаушъ Мустафа, жившій у насъ, слыша его восклицаніе, подумалъ, что онъ былъ къмъ нибудь обиженъ; поспѣшь схватилъ свои писюлепы говоря, чтобъ Антоніешши указалъ ему того, кого бранилъ такимъ образомъ, и что онъ оцплашилъ добрымъ порядкомъ его обидчику. Нескоро вразумили его, что слуга нашъ жаловался только на собаку.

Между базаромъ и Каспрономъ протекаетъ небольшая улица, кончающаяся площадью, на которой находится городская гаубшвахша. Это театръ лютеѣшихъ казней, когда Али вздумается подать призывъ строгости своимъ подчиненнымъ.

(*) Испальянецъ, слуга Смерть-Югса и Паркера.

Здѣсь-шо пресупниковъ жгли медлен-нымъ огнемъ, сажали на колъ и сди-рали съ живыхъ кожу; другимъ руби-ли ноги и руки и проч., оставляя ихъ въ семь положеніи, пока смерть прекра-щала ихъ муки. Сначала я сомнѣвался въ справедливости сихъ разсказовъ; но они были мнѣ подтверждены людьми, копо-рымъ нельзя не вѣрить. Сіи примѣры спрогости сильно подѣйствовали на на-родъ, ибо во время нашего пребыванія въ Янинѣ, не было ни одной казни. Тѣ, копорые хвалящъ посшупки Паши въ семь случай, говорящъ, что между дики-ми поколѣніями, ему подвзаспными, гдѣ чувство чести едва существуетъ и гдѣ люди чувствительны только къ блес-нымъ спраданіямъ, наказанія должны бышь кровавы.

Главная часть города Янины про-ширается къ сѣверу за базаромъ и со-держитъ въ себѣ множество красивыхъ и большихъ домовъ, гдѣ живутъ Аги Ту-рецкіе и богатые Греческіе купцы. Нѣ-которые изъ сихъ послѣднихъ украша-ютъ дома свои такъ пышно, что шѣмъ

ускоряютьъ собственное свое разореніе, возбуждая жадность пирана. За нѣсколь- ко дней до нашего приѣзда, былъ тому примѣръ. Визирь ограбилъ Синьйора Ана- спаси, самаго богатаго и почтеннаго Греческаго купца, отнялъ у него по- мѣстья и прекрасный домъ, попому- только, что хотѣлъ ихъ отдатьъ своему племяннику, Пашѣ Охридскому. Подъ ка- кимъ-то пуспымъ предлогомъ, онъ вы- гналъ хозяина, жену его и многочислен- ное семейство на бесплодную скалу Ар- гиро-Каспро, гдѣ я видѣлъ его спусня нѣскольско мѣсяцевъ умирающаго отъ го- рячки, приключившейся ему, какъ сказывали, отъ посвигшаго его бѣдствія. Молодой Паша всступилъ во владѣніе до- момъ его въ печеніе той недѣли, когда мы выѣхали изъ Янины.

Часть города, лежащая на югъ отъ Каспрона, содержишь въ себѣ великолѣп- ные дворцы Паши и двухъ сыновей его. Въ сей части находится длинная улица, ведущая въ Аршу; съ одного конца она заселена безчисленнымъ множествомъ Цыганъ. Жилища сихъ гвусныхъ ошвер-

женцевъ общества суть гнѣздилища оштрапительной нечислоты. Это поколѣніе людей ошлично ошъ всѣхъ другихъ. Они всшупаютъ въ бракъ только между собою, имѣютъ непреодолимую наклонность къ воровству и тунеядству, и по видимому, неимѣютъ никакой вѣры. Главное ихъ ремесло есть кузнечество и воровство. Изъ нихъ Паша всегда выбираетъ своихъ палачей. Близъ часши города, гдѣ они живутъ, растетъ большой яворъ, служащій вмѣсто висѣлицы, какъ *дерево правосудія* въ Элленгованѣ. Нерѣдко видали по десяти, и даже по двадцати воровъ, висѣщихъ въ одно время на его вѣтвяхъ.

Длина города Янины немного побольше двухъ миль; ширина въ разныхъ мѣстахъ разная, но ни гдѣ не больше мили, разве только включая Каспронъ. Улицы въ немъ очень неправильны, однакожъ можно назначить непрерываемую черту сообщенія ошъ одного конца до другаго. Число домовъ полагается до 6,000; Церквей и публичныхъ зданій мало; но мечети, возвышаясь надъ рощами кипарисовъ и высшая изъ за нихъ торжест-

вующій свой полумѣсяць, даюшь сему городу видъ занимательный, особливо если смотрѣшь на него съ холмовъ, лежащихъ къ западу, откуда взоръ прогуливается по всему пространству озера, и по горамъ и пропастямъ, ограничающимъ вдаль сїи виды. Рѣдко мнѣ случалось видѣть подобное сему живописное зрѣлище. Но что подумаешь чистопель о любопытствѣ Грековъ, когда я скажу ему, что оба наши проводники, родясь и взросши въ двухъ шагахъ шагахъ отъ сего мѣста, пришли сюда съ нами впервые?

Бродя по городу, мы встрѣчали мало людей на улицахъ, кромѣ базара, гдѣ всегда находишь шолпу народа. Мѣстами видѣли мы жену Архонша или другую какую знапную госпожу, идущую въ баню или въ госпи. За каждою изъ нихъ шло по нѣскольку прислужницъ, несшихъ связки и ларчики съ нарядами и дорогими вещами. Эпоть древній обычай и доннѣ наблюдается. Мы замѣтили между ними болѣ Турчанокъ, нежели Гречанокъ. Первые почти всегда укушаны длин-

нымъ покрываломъ — послѣднiя всегда. Однѣ только женщины низшаго званiя мѣшающаго въ толпы проходящихъ, и по больше Албанки, нежели Гречанки.

Должно опдаться справедливоспѣ Турецкой Полиции: глаза наши никогда не были въ Греции оскорблены видомъ толпы нищихъ.

Мы заходили во многiя Церкви; во всѣхъ много позолоты, много образовъ Святыхъ Угодниковъ, весьма посредственно написанныхъ; но мало украшенiй, сдѣланныхъ со вкусомъ. Вкусъ есшѣ такая вещь, о которой Греки не имѣютъ еще понятiя; но въ нихъ есшѣ какая-то врожденная склонноспѣ къ пышности. Церковь Пресвятыя Дѣвы, или *Панагии*, въ которой погребень опецъ нашихъ вожапыхъ, называется шакже *Архимандрiонъ*, пошому что на эшомъ мѣстѣ была монастырь, до покоренiя города Турками.

Янина, по сравненiю, есшѣ одинъ изъ новыхъ Греческихъ городовъ, и пошому не можешъ напоминашѣ великихъ историческихъ событiй, ниже предспавишѣ

любопытные остатки древняго зодчества.

Въ шопъ, же день послѣ обѣда Г. Форесши повелъ насъ въ сераль Мухшаръ-Паши, старшаго сына Али, пребывающаго всегда въ сполитѣ, въ качествѣ Каймакана, когда отецъ его находится въ онсушсипви. Говорятъ, что онъ въ высочайшей степени свирѣль и развращень. Въ немъ замѣтна большая часть пороковъ его отца, и ни одного изъ хорошихъ его качествъ, кромѣ храбрости. Онъ чрезвычайно скупъ и еще менѣ великодушень, нежели самъ Али. Синьоръ Николо ему преданъ и служилъ при немъ Секретаремъ во время войны съ Россією, когда Турецкое войско было осаждено въ Руцукъ. Служба Николы въ семъ случаѣ была отнюдь произвольная, потому что въ немъ нисколько нѣтъ военныхъ склонностей. Онъ пошерялъ въ сію войну шрехъ коней, богатый шаперъ и все что при немъ было, и не получилъ въ награду за то ни одной пары (*), бывъ

(*) Мѣлая Турецкая монета.

принужденъ до того еще занявъ денегъ, чтобы снарядишься въ дорогу.

Сераль или дворець Мухшаровъ снаружи красивѣе сераля опца его. Онъ сполнѣ на довольно высокомъ холмѣ и построень почти чеппероугольникомъ; разписанъ яркими красками, но многія изъ каршинъ показывающъ нравъ его владѣльца. Одна изъ нихъ, надъ главнымъ входомъ, болѣе всего насъ поразила: здѣсь предспавленъ Визирь, возвращающійся изъ похода и окруженный своими войсками; передъ нимъ Палачъ вѣшаетъ на висѣлицѣ двухъ Грековъ одною веревкою. Во многихъ другихъ мѣспахъ видны опрубленныя головы и кровь, брызжущая изъ жилъ.

Паша Мухшаръ шолько что возвращился съ соколей охопы; мы заспали еще на дворѣ сераля охопниковъ, держащихъ на рукахъ сихъ гордыхъ пшиць. Насъ ввели въ большую комнапу, украшенную по спѣнамъ сукномъ и шелковою маперіей, прекрасными Нѣмецкими зеркалами; въ ней былъ разосланъ богатый Персидской коверъ и спояла софа,

покрытая шипьемъ; вообще въ уборахъ сей комнапы было больше вкуса, нежели мы ожидали. Обѣ спорныя комнапы со-спавляли почти одно окно, въ копоромъ вставлены были лучшія Вѣнскія стекла. Черезъ полчаса вошелъ Паша и за нимъ толпа пригожихъ юношей изъ Албанцевъ и Грековъ, коихъ волосы развѣвались по плечамъ, а одежда сіяла золотымъ шипьемъ. Всѣ они были босы, и спали чинно передъ диваномъ, положа руки на пиешопелсы и *анджары*, прикрѣпленные къ ихъ кушкакамъ.

Мухшаръ принялъ насъ весьма благо-склонно, и вступилъ въ разговоръ, о копоромъ я не почишаю за нужное разпроспраняшья, ибо онъ неможеть бышь ни насшавипелень, ни занимашелень для чипашеля. Въ заключеніе разговора, онъ обѣщаль насъ везши на охоту изъ ружей по озеру и на соколю правлю. Онъ сдержаль шолько первое обѣщаніе, хопя мы нѣсколько разъ, при удобномъ случаѣ, на-поминали ему и о другомъ.

Вышедъ ошъ него, мы опсправились во Дворецъ Вели-Паши, чшобы посѣпшишь

сына его Махмешъ-Пащу, привлекательнаго молодого человека, какого рѣдко случалось намъ видѣть. Это поэтъ самый юноша, о которомъ Лордъ Байронъ такъ лестно отзывался въ примѣчаніяхъ своихъ къ Поэмѣ *Childe Harold*, и по испивъ онъ не сказалъ ничего лишняго (*). Юный

(*) „Я помню, говоритъ Лордъ Байронъ, что
 „Махмушъ, внукъ Али-Паши, спросилъ у
 „меня, членами ли я и мой товарищъ
 „(Г. Гобгоузъ) конторой нибудь изъ Па-
 „ланъ Парламента? — Сей вопросъ, сдѣ-
 „ланный десятилѣтнимъ ребенкомъ, по-
 „крайней мѣрѣ показываетъ, что вос-
 „питаніе его не было оставлено въ нера-
 „дѣніи. Не знаю, смыслилъ ли шакихъ
 „же лѣтъ диня въ Англіи, какая разни-
 „ца между Диваномъ и совѣтомъ Дерви-
 „шей. Будучи окруженъ исключительно
 „своими Турецкими учителями, какимъ
 „бы образомъ маленькой Махмушъ уз-
 „налъ, что въ Англіи есть Парламентъ,
 „еслибы его наставники ограничили весь
 „кругъ ученія своего воспитанника од-
 „нимъ Алкораномъ?“ — (Изъ пояснитель-
 „ныхъ примѣчаній къ *Childe-Harold*. Русск.
 Переводъ.)

Махметъ недавно приѣхалъ изъ Лариссы, гдѣ былъ для свиданія съ своимъ опцемъ, и мы уже видѣли его съ меньшимъ брашомъ на дворѣ у дѣда ихъ Визиря, у копорого они были съ почтеніемъ. Обхожденіе его было совершенно пропиво-положно съ обхожденіемъ его дяди, онъ копорого мы передъ шѣмъ вышли. Какъ скоро ему доложили о насъ, то онъ вспалъ и встрѣтилъ насъ у дверей съ самымъ ласковымъ видомъ. Послѣ того пошелъ впередъ съ важностію, приличною маленькому Принцу, сѣлъ на диванъ и указалъ намъ мѣста подлѣ себя. Выраженіе лица его было самое пріятное, какое только мнѣ случалось видѣть, а звукъ голоса сладостенъ для слуха. Онъ потчасъ вступилъ съ нами въ разговоръ, очень ловко и умно спрашивалъ насъ о разныхъ спранахъ, копорыя мы проѣхали, а болѣе всего о Великобританіи, прибавя, что очень хочеть ее видѣть. Потпомъ вдругъ оборотясь къ меньшему своему брату Измаиль-Бею, сидѣвшему подлѣ него, спросилъ, любишь ли онъ Англичанъ? Какъ эшотъ ребенокъ не отвѣчалъ

опть заспѣнчивости или по скромности; по онъ сказалъ ему смѣясь, что заперъ бы его въ темной комнатѣ и посадилъ бы на хлѣбъ и на воду, еслибъ онъ не любилъ друзей его Англичанъ, которые изъ такой дали приѣзжаютъ ихъ видѣть. На вопросы наши о правленіи опца его въ Лариссѣ и о состояніи тамошней страны, отвѣчалъ онъ умно и разсудительно, рассказывалъ намъ о новыхъ мощахъ, недавно посмеренныхъ, также о другихъ публичныхъ спреніяхъ, и намъ казалось, что онъ неизмѣнъ ни какихъ предразсудковъ. Опть чистаго сердца смѣлся онъ надъ вздорнымъ понятіемъ о предопредѣленіи, которое мѣшаетъ Туркамъ брашь предосторожности противъ моровой язвы, и сказалъ намъ, что онъ никакъ не намѣренъ итти въ рай эшою дверью. Чернилица, перья и бумага, находившіяся на столѣ, показывали намъ, что сей молодой человекъ, едва вступившій на 15 годъ своей жизни, употреблялъ свое время на ученье, а не предавался лѣности, свойственной его единоземцамъ. По примѣру всѣхъ молодыхъ

Турокъ знашной породы, у него были учители свѣтскихъ приличій и вѣжливо-сти; но искусство не могло бы дать его пошупкамъ такой приятности, еслибы природа не наградила его споль щедро своими дарами. — Отвѣдавъ закусочъ, которыми онъ насъ съ избыткомъ пощивалъ, мы пошли отъ него, будучи въ полной мѣрѣ довольны симъ посѣщеніемъ.

На другой день мы пошли въ сѣверное предмѣстіе, смотрѣть прекрасную кіоску Али-Паши, стоящую въ срединѣ обширнаго сада; это любимое убѣжище Визиря: здѣсь онъ отдыхаетъ послѣ трудовъ, не удаляясь отъ города. Въ другой сторонѣ сада есть небольшое строеніе, гдѣ онъ иногда занимается рѣшеніемъ дѣлъ и выдаетъ жалованье войскамъ. У него покрайней мѣрѣ съ прицатъ шакихъ маленькихъ увеселительныхъ домиковъ въ Янинѣ и въ окрестностяхъ, и онъ часто увѣзжаетъ въ которойнибудь изъ нихъ, чшобъ повеселишься, или занявшись важнѣйшими дѣлами. Когда онъ выѣзжаетъ изъ дворца, никто не знаетъ, куда онъ отправляется, покаместъ онъ не приѣ-

дешь на мѣсто. Сію привычку, кажется, должно приписать болѣе его своеяравію, нежели боязни, кошорой можетъ быть подверженъ подобный ему пиранъ;... либо ни-кто больше его не показывается въ народѣ. Такого страха онъ не знаетъ. Каждый день пробѣзжается онъ по городу верхомъ, съ однимъ шолько проводникомъ, и допускаетъ къ себѣ всѣхъ безъ разбору, вооруженныхъ и безоружныхъ, одинъ ли онъ, или окруженъ многочисленною спражею. Сею довѣрчивосью онъ ограждаетъ жизнь свою и народъ думаешь, что его дни охраняются чародѣйствомъ.

У входа въ садъ, окружающій кіоску, находишся казарма Албанцевъ; мы видѣли на дворѣ красиваго леопарда, который, безпреспанно находясь съ людьми, сдѣлался шакъ ручень, что его осматриваютъ здѣсь въ совершенной свободѣ. При всемъ томъ, видя насъ въ незнакомой ему одеждѣ, онъ казалось пришелъ въ прежнее свое свирѣпство, и окружавшіе насъ почли за необходимое, для нашей безопасности, бросишь ему кусокъ мяса. Длин-

ная дорожка, кончорую на лѣво, обсаживають виноградными лозами, привела насъ ко входу кіоски. Зданіе это прекрасно; снаружи оно изощрено множествомъ лѣпныхъ украшеній и позолоты, въ лучшемъ вкусѣ Турецкой Архитектуры, дѣлающемъ честь его строителямъ. Внутренность разгорожена на восемь отдѣленій или открытыхъ комнатъ, обороченныхъ лицевой сторорою къ большой рошондѣ, составляющей ихъ средоточіе. На самой серединѣ сей рошонды находится водоменъ, заслуживающій любовыпство по своему устройенію: это маленькая крѣпость, сдѣланная изъ мрамора, на брустверѣ которой поставлены черезъ одну небольшую пушки и фигуры живописныхъ, бросающіа воду въ изобиліи. Движеніемъ воды играетъ также маленькой органчикъ, поставленный подлѣ одной колонны. Это образчикъ народнаго вкуса, предпочитающаго чудное испинно-прекрасному, и вещи могущія удивить, шѣмъ которыхъ могутъ пѣннать умъ человека образованнаго. Всѣ восемь комнатъ кіоски убраны роскошно и велико-

лѣпно шелковыми занавѣсами и пышными софами.

Здѣсь-то Али Паша давалъ нѣкогда Графу Гвильфорду большой обѣдъ, за которымъ вся посуда была золотая. Лѣстница ведетъ на верхъ въ комнату, откуда Серальскимъ наперсницамъ Визиря позволяется иногда смотрѣть сквозь рѣшетчатое окно на празднества, даваемые въ честь ихъ господина и любовника. Вышедъ изъ сада, мы увидѣли обширный паркъ и въ немъ множество ланей, также большого спруса; на которомъ маленькой Албанецъ вѣдиль верхомъ.

Возвратясь въ городъ, изъ учтивости мы посѣтили Синьора Исалиду, который принялъ насъ съ видомъ важнымъ и даже опчасти надменнымъ. Хозяйка дома сама принесла кофе и подносила оный гостямъ и своему мужу, не осмѣливаясь сѣсть при немъ безъ его позволенія. Къ намъ подвели двухъ прелестныхъ дѣтей, мальчика и дѣвочку. Сей послѣдней едва минуло девять лѣтъ, и уже она была обручена съ главнымъ Визиремъ.

дѣмъ лѣкаремъ. Когда госпожа дома ушла, я навелъ разговоръ на обычай здѣшней страны, который казался мнѣ непонятнымъ, а именно, на исключеніе женщинъ изъ общества, черезъ что оно лишается приятности, которую онѣ однѣ могутъ придавать ему. Кажется, я до сихъ поръ ничего еще не сказалъ, чтобы сколько сильно проповидилось предрассудкамъ хозяина. Онъ горячо защищалъ сей обычай, утверждая, что всѣ женщины склонны къ злу, и что еслибъ имъ дали хотя немного свободы, то онѣ бы сдѣлали изъ нее самое вредное употребленіе. Я отвѣчалъ ему, что ничто болѣе не можетъ поселить въ женщинъ понятія о чести и добродѣтели, какъ довѣренность, имъ оказываемая и приводить въ примѣръ женщинъ моей родины. Въ отвѣтъ на сіе онъ потчасъ мнѣ привелъ въ примѣръ древнихъ Грековъ, которые не могли заблуждаться и разговоръ шѣмъ кончился; ибо оспаривать мнѣніе Платона въ Греціи — непроспительное пресупленіе. Я отважился однакожь напомнить ему два стиха одного древняго Поэта, котораго

нельзя упрекнутьъ въ незнаніи свѣта и людей; но эпопъ Поэпъ былъ не Грекъ.

*Cui peccare licet, peccat minus: ipsa potestas
Semina nequitiae languidiora facit.*

Ovid. Amor. Lib. III, Eleg. 4.

Мы разговаривали пономъ о состояніи бывшей Греціи, но о семъ предметѣ невозможно было вызнать наспоющихъ его мыслей. Иногда онъ оплакивалъ бѣдствія своей отчизны и дѣлалъ упреки Европейскимъ державамъ за то, что онѣ не прекращающъ сихъ бѣдствій; иногда же говорилъ съ презрѣніемъ о своихъ единоземцахъ и хвалилъ правленіе Али-Паши, хвалилъ даже ужасное кровопролитіе въ Гардики, о которомъ я буду говорить въ своемъ мѣснѣ.

Простясь съ нимъ, мы вошли къ Г. Пукевилю, Французскому Консулу; мы считали пріятнымъ долгомъ показать сей знакъ нашего вниманія челоѣку, пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ, и который, по занимаемому имъ мѣсту, не могъ первый искашь нашего знакомства. Онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ брашомъ, Вице-Консуломъ въ Аршѣ, почти безъ

всякаго дѣла, съ тѣхъ поръ какъ Французы переспали бытъ на хоронемъ счешу въ Янинѣ. Вѣроятно, его шептали въ семь городѣ только по тому, что Французы владѣли еще тогда островомъ Корфу (*): ибо Али, несмотря на свое къ нимъ отвращеніе, недосадовалъ на ввозъ опшоль въ его владѣнія разныхъ произведеній, за что ему плашили значительныя пошлины. Какъ онъ запретилъ своимъ подданнымъ всякія сношенія съ Г. Шукевилемъ, исключая развѣ по дѣламъ, хотя и позволилъ ему жить въ своей столицѣ, по бѣдный Николо принужденъ былъ оставить насъ у воротъ и возвратиться домой.

Консуль принялъ насъ съ истинно-Французскою вѣжливостію; разговоръ его пріятенъ и занимателенъ, какъ и должно было ожидать отъ свѣтскаго человѣка и отъ ученаго. Война, въ которой тогда находились Франція и Англія, не имѣла ни малѣйшаго вліянія на его гостепріимное обхожденіе, котораго цѣну тѣмъ

(*) Въ 1812 году. — *Прим. Руск. Переводъ.*

болѣе мы чувствовали, что другъ нашъ Г. Фореспи былъ въ оплучкѣ изъ Янины почти все время нашего тамъ пребыванія. Никогда я не переспану съ благодарностію вспоминать одолженій, оказанныхъ мнѣ Г. Пукевиллемъ: не только дверь его всегда была намъ открыта, но онъ при всякомъ случаѣ готовъ былъ намъ вспомоществовать своими знаніями и опытностію; а какъ онъ уже съ давняго времени живетъ въ сей странѣ, то для насъ находка такого переводчика была безцѣнна. Будучи тогда нѣкошорымъ образомъ въ немилости у Паши, онъ проводилъ большую часть своего досуга, работая въ своемъ саду, для котораго выписалъ изъ Франціи самыхъ лучшихъ цвѣшовъ, къ великому удивленію Турокъ, которые немогли понять, почему въ ихъ садахъ нѣтъ такихъ же? Братъ его служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ его съ Пашею; мундиръ онъ надевалъ только тогда, когда ѣздилъ въ Корфу, гдѣ ему отдавались воинскія почести по чину Бригаднаго Генерала. Человѣкъ колюбивымъ и великодушнымъ сво-

имъ нравомъ заслужилъ онъ уваженіе всѣхъ Янинскихъ жишелей, которые употребляли его довѣренность у Визиря, пока онъ самъ ею пользовался, для избавленія ихъ отъ жестокоостей сею властителя. То, что онъ сдѣлалъ для женщины, въ домъ которой жилъ во время нашего съ нимъ знакомства, служишь доказательствомъ сказаннаго мною выше.

Въ слѣдствіе безчеловѣчнаго обычая, введеннаго въ сей странѣ самовластіемъ, если кто нибудь умираеть безъ наследниковъ мужескаго пола, все его имѣніе принадлежитъ Визиру. Вдова и дочери умершаго, въ минушу лютейшей печали о потерѣ супруга и отца, могутъ быть выгнаны изъ дому, оставлены на произволь сослраданія своихъ согражданъ, или насилія злодѣевъ и козней развратниковъ. Во всей системѣ правленія Али, я ничего не знаю гнуснѣе сей мѣры. Бѣдная женщина, о которой идешь рѣчь, находилась въ семь ужасномъ положеніи съ холодою, прелестною своею дочерью, по смерти своего мужа. Едва шло его положено было въ гробъ, какъ жадные клевет-

решы Али-Паши пришли, завладѣли домомъ покойника и выгнали вонъ вдову и дочь его. Несчастныя прибѣжали къ Г. Нукевиллю, умоляли его о заснуплени и не обманулись въ своей надеждѣ. Укрывъ ихъ сначала у себя, почтенный сей мужъ на другоежь утро пошелъ къ Паши, выпросилъ у него собственно для себя домъ умершаго, отдалъ его снова бѣднымъ хозяйкамъ и поселился у нихъ въ качествѣ пошпояльца.

Говоря о семъ предметѣ, непростительно было бы мнѣ умолчать также о непрерывныхъ усиліяхъ Г. Форести къ смягченію сирданій и облегченію тяжести бѣдствій, терпимыхъ его согражданами. Изъ тысячи слышанныхъ мною примѣровъ такого достойнаго похвалъ поведенія, выберу одинъ, рассказанный мнѣ очевиднымъ свидѣтелемъ и представляющій въ самомъ ясномъ свѣтѣ не только нравъ Визиря, но и вліяніе Г. Форести на его умъ, о чемъ мнѣ неоднократно еще случится говорить.

Одна изъ пружинъ тайной политики Али-Паши къ содержанію въ страхѣ и

повиновеніи подчиненныхъ его; состо-
ипль въ помѣхъ, что онъ оупь времени до
времени повергаецъ въ глубочайшую про-
пасль бѣдствій челоуѣка; находящагося
на самой высотѣ земнаго счаслія; осо-
бливо если самъ способствовалъ къ его
возвышенію.

Михайль Михелахи былъ молодой че-
ловѣкъ, произшедшій оупь одной изъ луч-
шихъ фамилій въ Албаніи. Отець его,
бывъ самымъ стариннымъ и вѣрнѣйшимъ
другомъ Визиря, умеръ еще во время дѣт-
ства Михаила и оставилъ его со всѣмъ
имуществомъ подъ опекою своего Вла-
стителя. Казалось, что Али былъ про-
нупъ сею довѣренностью къ его чув-
ствительности и честности: онъ чрез-
вычайно пекася о своемъ юномъ питомцѣ,
далъ ему по возможности самое лучшее
воспитаніе, и когда онъ взросъ, возвра-
тилъ ему все его имѣніе, которое зна-
чительно умножилось во время его несо-
вершеннолѣтія: щедрость его симъ не о-
граничилась: онъ женилъ Михаила на бо-
гатой наслѣдницѣ и наименовалъ его
Примасомъ города. Михелахи вель себя

въ этомъ званіи такъ хорошо, что заслужилъ общее уваженіе Грековъ и Турокъ. Но полишкѣ Али-Паши показалось нужно явить примѣръ паденія знашнаго челоуѣка, и невзирая на всѣ добродѣтели Михаила, онъ обреченъ былъ жертвою. Ч. чтобы соблюсти наружность правосудія, подкуплены были лжесвидѣтели, утверждавшіе, что Михелахи завладѣлъ богатствами предѣсѣнника Визирева, Калу-Паши, котороя вдова сего послѣдняго скрыла по смерти своего мужа.

Его привели на очную ставку съ сими гнусными доносчиками, и велѣли ему подъ смертною казнію предсказать сокровища. Можетъ быть чувство своей невинности заспавило его говорить съ излишнею гордостью. Сказываютъ, что бѣшенство овладѣло тогда Али-Пашею, такъ что лице его сдѣлалось ужасно и отвращительно; страшнымъ голосомъ закричалъ онъ, чтобы Михаила бросили въ Булдрунъ, мрачную и сырую пюрью, находящуюся близъ Каспрона. Повелѣніе сіе было исполнено; руки, ноги и шея несчастнаго обременены тяжкими цѣ-

ями. Домъ его былъ разграбленъ, богатые уборы изломаны и выброшены на улицу; а бѣдное его семейство заключено въ иѣсной комнашѣ, въ коей одинъ досшойный почшенія Священникъ едва могъ зацѣпить его отъ оскорбленія Албанскихъ солдатъ. Ужась и уныніе разпростиранились въ городъ; и люди разнаго званія и вѣры приходили посѣтить сію несчастную семью, чтобы соучастіемъ облегчить ея горесть. Многіе даже подходили къ сералю, съ намѣреніемъ умолять Али о пощадѣ мнимаго преслупника. Но Паша былъ разъяреннымъ львомъ и никто во весь день не могъ къ нему достигнуть.

Г. фресели оплучался въ то время изъ Янины; онъ провожалъ до горы Пинда одного Офицера, ѣхавшаго съ депешами въ Порпы. Возвращаясь домой вечеромъ, онъ нашелъ у себя знавшійшихъ Грековъ, копорые пришли извѣстить его о бѣдствіи, постигшемъ Михелахи. Ему никакъ нельзя было видѣть Визиря въ шопъ вечеръ; но на другой день съ разсвѣтомъ онъ явился въ сералъ, въ шу ми-

пушу, когда Али окончить упрежнее свое омовеніе. Дворъ и переднія серальскія комнаты уже наполнены были толпою людей, коихъ лица изображали безпокойство и страхъ.

Г. Форесни потребовалъ аудіенціи у Паши, и былъ тотчасъ къ нему допущенъ. Онъ началъ ему говорить о разныхъ дѣлахъ, чтобы не подать вида, будто бы пришелъ проповорѣчить его на мѣреніямъ. Наконецъ сказалъ ему, какъ будто между разговоромъ: „я видѣлъ нынѣшнимъ утромъ множество людей во кругъ сераля и весь городъ какъ будто въ волненіи. Я спросилъ о причинѣ того; никто не хотѣлъ мнѣ сказать. Поваръ мой (*) открылъ мнѣ, что ты велѣлъ погубить друга моего Михелахи. Мнѣ это очень прискорбно, по тому что онъ былъ честной человѣкъ и я готовъ опрѣчать за его невинность; но я радъ, что это случилось уже по ошѣздѣ Драгомана Порлы, кошорый разсѣялъ бы въ

(*) Сей поваръ былъ изъ Франковъ; и следовательно не подданный Паши.

Кристанлинополъ эту вѣсть, для насъ огорчительную:“

— Я не погубилъ Михелахи, вскричалъ съ живостію Паша; онъ живъ еще.—

„Слава Богу! я очень этому радъ.“

— Но, сынъ мой (*)! онъ безчестно поступилъ со мною, немилосердо меня обманулъ. Поступокъ его зажегъ неутолимое пламя въ моемъ сердцѣ; я бы хотѣлъ, чтобъ ты съ нимъ увидѣлся. Какъ могъ человекъ, котораго я осыпала блаженіями съ самаго его дѣтства, такъ мнѣ отплащивъ? —

„Если онъ виновенъ, то я первый его осужу. Но далъ ли ты ему способы доказать свою невинность? Кто его обвинилъ?“

— Цѣлая толпа людей, которые потянулись въ испинѣ своего доноса. —

„Можешь бышь; но какіежь это люди, чтобъ заслуживали довѣренность? Можешь ли ты вѣрить ихъ клятвамъ, предпочитая ихъ слову такого человека,“

(*) Привѣшливое выраженіе; которое Али-Паша говаривалъ друзьямъ своимъ.

каковъ Михелахи? Чшо скажутъ въ Пор-
пъ, чшо подумаетъ мое Правиншельство,
узнавъ, чшо ты предашь на смерть или
разорилъ одного изъ лучшихъ своихъ
друзей, опираясь на такихъ свидѣтелей? "

— Но, сынъ мой, чшо же мнѣ дѣ-
лать теперь? дѣло зашло слишкомъ да-
леко: —

„Вели его сей же часъ пересмотрѣшь.“

— Хочешь ли ты взять это на се-
бя? —

„Охотно; и вѣрь, чшо больше для
самаго тебя, нежели для Михелахи. Толь-
ко надобно его освободить на поруку;
ибо онъ въ оковахъ и можетъ умереть
прежде чѣмъ докажетъ свою невинность.“

— Такъ помѣсти же его въ комна-
тѣ чшо надъ казначействомъ и приставь
къ нему надежную стражу, чшобъ онъ не
ушелъ. Теперь, да поможетъ тебѣ Богъ
въ семь дѣлъ! “ —

Получивъ это, Г. Форести все полу-
чилъ. Взявъ съ собою Архіепископа и
двухъ Примасовъ города, сначала онъ пе-
ревелъ узника въ назначенное ему мѣсто,
посомъ всѣ четверо отправились въ домъ

его, гдѣ нашли молодую и прекрасную его супругу, погруженную съ дѣтьми своими въ ужасное опчаяніе. Они упѣшили ее, увѣряя, что мужъ ея внѣ опасности, и для формы дѣлали самый строгій обыскъ для открытія сокровищъ, о несуществованіи которыхъ были увѣрены. Тогда они допросили Михелахи и его обвинителей, не могшихъ ничѣмъ подтвердить своего доноса, и возвратились къ Визирю съ извѣстіемъ, что узникъ невиненъ. Тиранинъ приговорился чрезвычайно разгнѣваннымъ на негодлеву, которыхъ самъ вельвѣ подкупилъ, и объявилъ, что они будутъ умерщвлены мучительнѣйшею казнью. Только по настоятельной просьбѣ Михелахи и Г. Форести удовольствованъ онъ заключеніемъ лже-свидѣтелей на нѣсколько мѣсяцовъ въ пещицу. Онъ снова возвратилъ Михелахи свою благосклонность и многократно благодарилъ Г. Форести за то, что онъ спасъ его отъ стыда и печали, которыхъ онъ навлекъ бы себѣ погибелью невиннаго.

Вечеромъ мы были удивлены прибы-
 Часъ XXIII. Кн. III. 17

тіемъ одного изъ Кайвазіевъ, или Камергеровъ Визиревыхъ, которые спояшь обыкновенно у дверей Аудіенць-залы, держа въ рукахъ просъ съ золотою головкою. Онъ сказалъ намъ, что ему вельно жить у насъ во все время нашего въ Янинѣ пребыванія, ипши передъ нами по городу съ своею *официальною* палкою, ѣздитъ съ нами за городъ, наблюдать, чпобъ съ нами обходились съ почтеніемъ и уваженіемъ и доставлялъ намъ безденежно лошадей, пищу и ночлеги. Нельзя было выбрашь къ этому челоѣка, вѣрнѣе и услужливѣе Муссафы. Въ продолженіе долговременнаго нашего вмѣспѣ жинья, кажешся, онъ въ самомъ дѣлѣ насъ полюбилъ; и не смотря на свое мусульманское равнодушіе къ наукамъ, сдѣлался подь конецъ совершеннымъ Антикваріемъ: понималъ различіе между разными родами Греческой архитектуры, открывалъ древнія развалины съ удивительною догадливостію, и прыгалъ отъ радости при открытіи *палайо кастро* — имя, кошорое нынѣшніе Греки даютъ осташкамъ древнихъ зданій.

Съ Французс. С.

У Р О К Ъ

МОЛОДЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

(Изъ III части *L'Hérite de Londres*).

*Du nom de fierté noble on orna l'impudence,
Et la fourbe passa pour exquisite prudence.*

BOILEAU.

„Какъ поживаетъ спарая моя пешушка? спросила въпренная Миссъ Марчмондъ у матери своей, которая славишя умньемъ жить въ свѣтѣ, и знаніемъ всѣхъ модныхъ обыкновеній. — Спарая пвоя пешушка! повшорила Госпожа Марчмондъ съ изумленіемъ и гнѣвомъ: впередъ не осмѣливайся никого называшъ *старымъ*; ничего не можешъ бытъ невѣжливѣ эшого въ свѣтѣ. При шомъ же пешкѣ пвоей не болѣе пятидесяти лѣтъ ошъ роду и она по лѣтамъ своимъ, еще

*

очень хороша собою. Между ею и мною, очень мало въ годахъ разницы и она крайне была бы недовольна, еслибъ узнала, что ее почишаютъ, или называють спарою.“

Вступаясь за шепку, Госпожа Марчмондъ говорила такимъ образомъ ошчаши и въ свою пользу.

„Однакоже машушка, сказала Генриетта, бывають и спарые люди; я слыжала, какъ вы сами называли спариками кучера и лѣсничаго. — Какая нужда до названія, которое дають кучеру или лѣсничему. прервала машъ: но повпоряю шепбъ, что не должно называшъ шакъ никого изъ людей большаго свѣша. Въ модномъ кругу никшо никогда не бываетъ ни спаръ, ни безобразенъ. Если шы говоришь о женщинѣ, которой не минуло еще пятидесяти лѣшъ, и которая имѣеть хошя нѣкоторыя ошпанки красоты, шо она еще молода; если она приближаешся къ шестому десятку, шо говорится, что она входить въ зрѣлыя лѣша; наконецъ еще позже, шы можешъ сказать, что она приближаешся къ своей осени.

Точно также и о мужчинѣ. Если онъ кажется тебѣ старымъ, ты должна говорить, что онъ въ лѣтахъ; если онъ приходитъ въ дряхлость, ты можешь пожалѣть о томъ, что слабое здоровье такъ рано его расстроило; но до тѣхъ поръ, пока онъ еще въ состояніи посѣщать общества, ты не должна называть его иначе, какъ человекомъ среднихъ лѣтъ. Равнымъ образомъ слово *безобразный*, вовсе не должно быть употребляемо. Эта молодая дѣвица не дурна собою; эта дама порядочна, у этого мужчины умное лицо: вошь какъ слѣдуетъ говорить о тѣхъ людяхъ, которые имѣютъ наружность, непозволяющую ихъ хвалить. Въ хорошемъ обществѣ нѣтъ ни заикъ, ни хромоногихъ, ни горбашыхъ, ни косыхъ; шамъ не встрѣчаются и рыжіе волосы; всѣ такіе недостатки принадлежатъ однимъ только низшимъ сословіямъ. Можно нѣсколько запрудняться въ произношеніи, имѣть нешвердую поспуць, нѣкошорую неровность въ плечахъ, небольшую неправильность во взглядѣ, наконецъ опчасши рѣзкаго цвѣ-

та волосы; но выраженія, копорья грубѣе эпихъ, никогда не должны оскорблять слуха. Чрезъ это опличающя люди благовоспитанные; а учтивость иногда до такой степени умѣетъ смягчать образъ изъясненія, и представлять намъ видимый недоспашокъ въ такомъ благопріятномъ видѣ, что его можно даже почесать нѣкопорого рода красою. Къ тому же изобрѣшательные геніи нынѣшнихъ временъ, открыли средства съ такимъ успѣхомъ исправлять большую часть эпихъ маловажныхъ несовершенствъ, что онѣ почти вовсе исчезли изъ хорошаго общества.“

Я былъ свидѣтелемъ этого урока, и отдавая полную справедливость Госпожѣ Марчмондъ, долженъ прибавить къ тому, что она умѣетъ подтверждать примѣрами свои правила, что она мастерски убавляетъ свои лѣпа и въ совершенствѣ обладаетъ искусствомъ скрыть недоспашки или выказывать какую нибудь малѣйшую пріятность. Совершенно справедливо говорятъ, что Венеціанской Карнавалъ гораздо менѣ представляетъ пре-

вращеній, нежели сколько можно опкрышь ихъ между нашими модными людьми, копорые прогуливаются по *Бондской* улицѣ, выспавляютъ прелести свои въ *Гайдъ-Паркѣ* или возбуждаютъ всеобщее къ себѣ удивленіе въ шапкахъ.

Да и естественны ли, чшобы въ Лондонѣ можно было найши спариковъ или безобразныхъ лицемъ, подумаль я возвращаясь домой и пробѣжавъ безчисленное множество объявленій, помѣщенныхъ въ журналахъ:

„Лучшія румяны, незамѣтные для самыхъ опытныхъ глазъ — небесная роса для умыванья — единственное мыло, копорое мягчитъ кожу, придавая ей лоскъ и бѣлизну — соспавы для крашенія въ русый и черный цвѣта, бѣлыхъ и рыжихъ волосъ — порошокъ для истребленія усовъ у спарыхъ вдовъ; — помада для ращенія волосъ — эластическіе корсешы съ пружинами, мужскіе и женскіе — накладныя груди — зубы изъ слоновой кости, красивѣе нежели природныя — поддѣланныя волосы — фальшивыя икры и проч. . . .“ Вошь, несравненный Лон-

донъ, сокровища и приманки, копорыя ты представляешь обоимъ поламъ и всѣмъ возрастамъ.

Но Генріетта, которой спройный спанъ, вовсе неимѣешь нужды въ помощи искусной порпнихи, копорая богаша одними шолько дарами Природы, копорой розы и лили ничемъ не обязаны искусству, совершенно непонимала насшавленій своей мапери. Она сообщила недоумѣніе свое подругамъ, имѣвшимъ болѣе опытности, копорыя наконецъ убѣдили ее въ шомъ, что она непременно должна слѣдовать совѣшамъ своей мапери и замѣнять природу искусствомъ; что она много чрезъ шо выиграешь и ничего не можешь потерять.

; Напримѣръ, сказала ей одна изъ ея пріятельницъ, положимъ что ты нѣсколько времени благосклонно смотрѣла на какого нибудь молодого человекъ, что онъ гордился преимуществомъ, копорое по видимому ты отдавала ему предъ другими, и что тебѣ самой казалось, будшо ты его любишь; положимъ шеперь, что явшяся другой, копорый гораздо бо-

гаче или знашиѣ его: въ такомъ случаѣ, все то, что происходило съ первымъ, есть не что иное какъ шалость и ребячество. Онъ вздумаетъ напомнить тебѣ обѣщанія свои, данное ему слово . . . Все это ничего не значишь. Въ большомъ свѣтѣ то только важно, что согласно съ выгодами. Положимъ также, что ты повѣрила эту пайну одной изъ подружекъ своихъ и что ты въ этомъ раскаеваешься: всего естественнѣе сказать ей, что это была только шутка, испытаніе ея скромности, и что все что ты ей ни говорила, неимѣетъ ни малѣйшаго основанія. “

Точно такимъ же образомъ спарость, дряхлость и безобразіе, испина, чистосердечіе и прямотушіе, суть такія слова, которыя не имѣють мѣста въ модномъ словарѣ. Уста, умѣющія по волѣ улыбаться или показывать досаду; глаза искусные проливать слезы и въ шуже минуту блищать прищворною радостію; сердце, трепещущее по произволу безъ всякаго ощущенія удовольствія или огорченія; голова склоняющаяся безъ унижен-

ности; рука, пожимающая другую безъ малѣйшаго чувства; вошь что необходимо должно имѣть мужчинѣ или женщинѣ хорошаго тона. Въ высшемъ кругу общества, почишаютъ Природу какъ бы деревенскимъ родственникомъ, котораго съидяшся признавать и опъ котораго всячески стараются какъ нибудь избавиться.

„А почему же и не такъ? сказала мнѣ Леди Флориморъ, которой я сдѣлалъ это замѣчаніе; мы любимъ зимою украшать гостинныя наши розами, а лѣтомъ изгоняетъ дневной свѣтъ изъ нашихъ споловыхъ? Для чего же человѣку въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ не стараться украшать себя искусственными цвѣтами?“ Можетъ быть не трудно было бы найти хорошій опвѣтъ на ея доказательства, но въ эту минушу я не могъ приискать его въ умѣ моемъ.

Съ Французскаго С. де Шанлетъ.

Б. К Р И Т И К А.

О РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

(Окончаніе второй статьи).

Приспуюаю къ очерпанію Поэзіи Германской, кошорая образовалась, въ нынѣшнемъ ея видѣ, позже другихъ упомянутыхъ нами; но по особенной, ей полько свойспвенной оригинальности, по высокимъ дарованіямъ Пѣвцовъ, ее прославившихъ и проложившихъ новый путь въ царствѣ воображенія, едва ли не превзошла Поэзію прочихъ народовъ Европы. Близкое сосѣдство наше и почти непрерывныя сношенія съ племенами Германскими, великое сходство въ духѣ языковъ опносительно къ Поэзіи (*), а

(*) Чему служитъ доказательствомъ великое удобство переводить стихами близко и соблюдая всѣ красоты подлинника, какъ

особливо съ нѣкотораго времени сильнѣе
вліяніе Поэзіи Германской на собствен-
ную нашу, заставляють насъ говорить
о ней просираннѣе, шѣмъ болѣе, что,
какъ изъясняется одна знаменитая Пи-
сательница, каждый изъ великихъ Поэ-
товъ Германіи составляетъ особенную
свою школу (*).

Опличительное свойство Поэзіи Гер-
манской, или справедливѣе, свойство ве-
ликихъ Поэтовъ сей страны, Клопштокъ,
Шиллера и Гётте, состоить въ томъ,
что они облекли радужными цвѣтами

съ Нѣмецкаго на Руской, такъ и съ Рус-
каго на Нѣмецкой языкъ. Превосходныя
преложенія лучшихъ стихотвореній
Шиллера и Гётте, которыми дарить
насъ Г. Жуковскій, нѣкоторые прекрас-
ные опыты Милонова, также близкіе и
достойные всякой похвалы переводы нѣ-
которыхъ Рускихъ Стихотвореній на
Нѣмецкой языкъ Г. Фонъ-Деръ Борха, и
недавно еще появившееся преложеніе По-
эмы А. Пушкина: *Кавказскій Пѣвникъ*,
— подтверждаютъ мою сказанное.

(*) Г-жа Спаль, De l'Allemagne.

стихотворства высокія истины Вѣры и Философіи. Можно даже сказать, что у нихъ Поэзія слипа съ философіей, ибо въ Поэзіи Германской много философическаго, а въ философіи много поэтическаго. Пѣвцы Германіи нашли тайну выказывать изъ подъ прозрачной пелены во-вображенія понятія опвлеченныя; мудрецы ея — говорятъ уму посредствомъ во-ображенія. Самый языкъ, который для непривычнаго слуха чужестранцевъ кажется грубъ и несомѣстень съ гармоніей, сдѣлался усиліями великихъ Поэтовъ гибокъ и звукоподражателень. Подъ ихъ перомъ, языкъ сей подобно мягкому воску, легко принимаетъ всѣ формы, всѣ измѣненія, и шѣмъ разнообразіе, что каждый Поэтъ даетъ ему особенное, свое направленіе.

Многія причины заставляють меня избрать въ пушеводительи на семьъ деприщѣ славную Писательницу, которая такъ искусно умѣла раскрыть и оцѣнить отличнѣйшія произведенія пѣвцовъ Германіи. Г-жа Спаль-Голштейнъ съ пронзительнымъ взоромъ и разсудительнымъ

умомъ мужины взвѣсила каждую мысль, каждый стихъ, носящіе печать оригинальности; съ тонкимъ чувствомъ женщины указала намъ каждый звукъ, копорому опголоскомъ служишь сердце. Ея способъ разсмапривать и оцѣняшь изящное въ Поэзіи Германской, по моему мнѣнію, шаковъ, что не оставялашь ничего желашь, и слѣдовашельно лучшей; по чему говоря о семъ предметѣ, я намѣрень бышь шолько ея истолковашелемъ на природномъ моемъ языкѣ. Здѣсь я даю себѣ свободу собирашь вмѣстѣ мнѣнія и сужденія объ одномъ Писашель, разсѣянныхъ Г-жею Спаль въ разныхъ мѣстахъ ея сочиненія; позволяю себѣ нѣкошорыя изъ нихъ сокращашь, и даже пропускашь шо, чему, къ сожалѣнію, предѣлы сей спашьи не оставяють мѣста.

Въ прошедшемъ вѣкѣ, Словесность Германская была также подвержена раздѣленію. Были Писашели, и даже опличныя, копорые хотѣли подчинить ея условному вкусу современной Поэзіи классической, и въ особенностіи Французской. Изъ сихъ Писашелей первое мѣсто зани-

маесть Виландъ. Пѣвецъ *Оберона*, *Философіи Грацъ* и Авторъ многихъ Романовъ, отличающихся остроуміемъ и обработанностію слога, хотѣлъ подражать въ Поэмахъ своихъ Аріосту, а въ прозаическихъ произведеніяхъ — Волперу. Но въ философическихъ его Романахъ уже явно бorenіе врожденнаго, можно сказать, вкуса Германца съ прививнымъ вкусомъ Французовъ. Виландъ часто бываетъ слишкомъ глубокъ шамъ, гдѣ хотѣлъ бы казаться легкимъ и шушлвымъ; онъ не можетъ, по примѣру своего образца, безопасно скользнуть по предметамъ важнымъ и увлекается непреодолимою склонностію изслѣдовать и обдумать. Опытъ сего-то важное и шушливое въ его Романахъ такъ рѣзко выказываются одно изъ за другаго, что никакъ не могутъ слышаться вмѣстѣ. Противоположности намъ нравятся; крайности насъ упомляютъ.

Другіе Писатели, отличившіеся опытъ Виланда и его послѣдователей, духомъ и формою своихъ произведеній, ввели въ Германію вкусъ Романтическій, по образцу Поэтовъ Англіи. Первые начатки ихъ

были почти подражанія Поэтамъ Бришанскимъ, но въ послѣдствіи Германская Поэзія оплчилась особеннымъ духомъ и свойствомъ, о чемъ я имѣлъ уже случай сказать выше. Сія часть Писателей доказала ясными доводами и опытами, что *Романтизмъ* болѣе свойственъ Германцамъ какъ по качеству самаго языка, такъ и по духу народному племенъ Тевтоническихъ. Романпики Германскіе скоро воспоржесствовали надъ ихъ проповниками, и поржесство ихъ было шѣмъ блистательнѣе, что въ числѣ ихъ несравненно болѣе славныхъ Писателей, нежели между поборниками вкуса классическаго. Клопшпокъ, Гётше, Шиллеръ, Мапписсонъ, Тикъ, Бюргеръ — суть имена, копорыя украсили знамена Музы романпической.

Геній Клопшпока воспламенился чпениемъ Милпона и Юнга; но опъ него получила бышіе настоящая школа Германская. Въ одной своей Одѣ, онъ воспѣлъ соспязаніе двухъ Музъ: Англійской и Германской. Онъ гошовящся всшупишь въ бѣгъ. Поэпъ живо изобразилъ благородное ихъ прѣніе; но по понокому чувству

не хотѣлъ назваться побѣдительницею. Муза Германіи любитъ подругу свою, удивляется ей; но безсмертіе, вѣнки побѣдныя всего ей дороже. „Еслибъ, говоришь, „я первая достигла цѣли высокой. . . о! „и тогда ты близко будешь по слѣдамъ „моимъ . . . дыханіе швое будешь коле- „бать волнующіеся мои волосы.“ — Вдругъ загремѣла шруба; онѣ полетѣли съ быспрошною орлиною; облако пыли вспало на обширномъ поприщѣ. Я видѣлъ ихъ близь мѣшы; но облако сгустилось и скоро я потерялъ ихъ изъ виду.“

Всѣ шворенія Клопшпока имѣли цѣлью или прославленіе Вѣры, или возбужденіе любви къ Отечеству. Многія изъ Одъ его могутъ назваться Псалмами Христіанства. Болѣе всего славу его ушвердила Пѣснь Духовная въ видѣ Поэмы Эпической, на которую онъ посвятилъ двадцать лѣтъ своей жизни — *Мессіада*. До него было двѣ Поэмы, основанныя на Христіанствѣ: Поэма Даншова и *Потерянный Рай* Милтона. Первая наполнена вымыслами и призраками, свойственными времени Данша и понятіямъ о вѣрѣ его

единоземцемъ (*). Милтонъ, жившій въ
 гедину междоусобій своего ошечесства,
 особенно превосходенъ въ изображеніи
 лицъ и свойспвъ; его Сашана есть испо-
 линъ заговорщикъ, воспававшій про-
 шивъ Неба. — Клопшпокъ поспигъ чув-
 спво Хриспіанина во всей его чистотѣ:
 душа его была посвящена божественно-
 му Искупителю чловѣковъ. Опцы Цер-
 ковные были вдохновеніемъ Данту, Биб-
 лія — Милтону; превосходѣшія мѣста
 Поэмы Клопшпоковой почерпнуты изъ
 книгъ Новаго Завѣша. Онъ умѣлъ извлечь
 изъ божесивенной простоты Евангелія
 прелестъ Поэзіи, ни мало не помрачаю-
 щую чистоты его. Начиная читать По-
 эму сію, думаешь, что вошелъ въ огром-
 ный храмъ, посредѣ коего раздаются сла-
 досшныя звуки пѣнія хвалебнаго: умиле-
 ніе и благоговеніе, внушаемыя храмами
 Господними, овладѣвають душою при-
 чшеніи Мессіады.

Главное лице сей Поэмы — выража-

(*) О Данте см. въ сей статьѣ, гдѣ говорит-
 ся о Поэзіи Итальянцевъ.

жаясь на нашемъ смертномъ языкѣ, — внушаетъ въ одинакой степени удивленіе и жалость, такъ, что одно изъ сихъ чувствованій нимало не ослабляетъ другаго. Одинъ великодушный Поэтъ сказалъ о вѣнчанномъ спрдаальцѣ Людовикѣ XVI:

Jamais tant de respect n'admit tant de pitié ()*.

Сей стихъ прогашельный и благоговѣйный могъ бы выразить по умиленіе, которое Мессія внушаетъ въ Поэмѣ Клопшковой. Конечно, предметъ оной выше всѣхъ изобрѣшеній ума; но великія его усилія нужны, чтобы изобразить съ такимъ чувствомъ человѣчество въ Существѣ божественномъ, и съ такою силою Божество въ Существѣ человѣческомъ.

Дабы избѣжать однообразія, какое весьма было бы оцущипельно въ Поэмѣ, основанной на предметѣ умственномъ и созерцательномъ — на воплощеніи и спрданіи Спасителя міра, — Клопшпокъ украсилъ ее Эпизодами. Смерть Маріи, съ

(*) Стихъ Г. де-Сабрана.

стры Лазаревой, представляеть карпину успенія праведника. Самъ Клопшпокъ, передъ кончиною нихо повторяль сіе мѣсто своей Поэмы, какъ бы для шого; чшобы пригошовиль себя спокойно разспашься съ жизнью: чувспвованія, выраженныя юношею, были споль чисты, что служили къ ушѣшенію спарца въ послѣднія минушы. Сія же пѣснь о смерти Маріинной была читана, вмѣсто надгробнаго слова, при опщаніи плачевнаго долга браннымъ останкамъ Клопшпоковымъ. — Другой эпизодъ представляеть любовь Циди и Семиды, воскрешенныхъ Исусомъ. Любовь ихъ чиста и непорочна, какъ любовь небесная, какъ новое бытіе ихъ: они не боялися смерти, но чаюшъ перейши опъ земли къ небесамъ, не изпынавъ горестной разлуки. — Наконецъ, въ одномъ эпизодѣ Клопшпокъ изображаешъ Аббадону, духа оппадашаго, копорый, нося на чель своемъ печашь опверженія, чувствуешъ еще влеченіе дѣлать добро человѣкамъ. Грызущее разкаяніе прилѣпляешъ къ безсмертной его породѣ; онъ груспишъ о нешъ, имъ ушраченномъ,

о кругахъ звѣздныхъ, бывшихъ его жилищемъ. Какое положеніе предсавляетъ сей возвратъ къ добродѣтели, когда судьбы непреложны! къ мукамъ геенны недоспавало водворенія сущесва, обратившагося къ чувствительности! Мы еще недовольно извѣдали пособія нашей Вѣры въ возвышенной Поэзіи; Клопшпокъ есть одинъ изъ шѣхъ новыхъ Поэповъ, копорые умѣли олицетворить созерцательность Вѣры Хрисціанской положеніями и картинами, ей свойственными.

Чишпателямъ нашимъ конечно будетъ пріятно вспомнить превозходный переводъ сего эпизода Поэмы Клопшпковой. Хотя мы увѣрены, что каждый изъ нихъ знаетъ сіи прекрасные стихи, въ копорыхъ Жуковскіиша къ счастливо соспязался съ шворцемъ подлинника; но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать по мѣсто, гдѣ Аббадона, приближась къ врагамъ Эдема, узнаешь между спрегущими ихъ Ангелами Абділа. Другъ Аббадоны до его паденія не слышавъ его голоса, погружаясь въ созерцаніе славы Бождей;

..... Какъ прелестнѣ
 Перваго ушра, какъ младоснѣ первой веснѣ
 мірозданье,
 Такъ Серафимъ блисшаль, но блисшаль онъ не
 для Аббадоны?
 Онъ оплешъль, и одинъ посреди опустѣвшаго
 неба
 Такъ невнимаемымъ гласомъ взываль издали
 къ Абдіилу:
 „О Абдіиль! мой брашъ! иль навѣки меня шь
 оприпуль?
 Такъ! навѣки я розно съ возлюбленнымъ!
 спрашная вѣчноснѣ! —
 Плачь обо мнѣ, все швореніе! плачьше вы, ча-
 да свѣпа!
 Вѣчно не бышь мнѣ любимымъ! уваныше, вы,
 шайныя сѣни,
 Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ нѣжно сли-
 вались!
 Свѣплы небесны пошоки, близъ коижъ, сладко
 объемлясь,
 Мы воспѣвали чисною пѣснію Божію славу,
 Ахъ! замолчише, изсякните! нѣшь для меня
 Абдіила!
 Нѣшь! и навѣки не будешъ! адъ мой, жилище
 мученья,
 Вѣчная ночь! унывайше вмѣспѣ со мною на-
 вѣки!
 Нѣшь Абдіила! вѣчно мнѣ милаго брата не
 не будешъ!“ —

Такъ шосковаль Аббадона, споя предъ
 входомъ въ созданье.
 Строемъ капилися звѣзды. Блескъ и крыла-
 шые громы
 Встрѣчу ему Оріоновъ лешящихъ, его устра-
 шали —
 Цѣлые вѣки не узрѣлъ онъ, шоской одинакой
 помимый,
 Свѣшлыхъ міровъ! Погружень въ созерцанье,
 печально сказалъ онъ:
 „Сладостный входъ во блаженство! почшо
 загражденъ Аббадонъ?
 О! для чего не могу я опяшь залешъшь на опш-
 чизну,
 Къ свѣшлымъ мірамъ Вседержишеля, вѣчно
 покинушь
 Область изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя
 чада созданья!
 Въ оный шоржешшвенный часъ, какъ блишная
 изъ мощной десницы,
 Вы полешъли по юному небу, — я былъ васъ
 прекраснѣй!
 Нынѣ спюю, помраченый опшерженець, си-
 рый изгнанникъ,
 Гнусный, среди красошы мірозданья. О небо
 родное,
 Видя шебя, содрагаюсь, шамъ потерялъ я сла-
 женство!

Тамъ, ополчившись на Бога, спалъ грѣшникъ!
 О миръ непорочный!
 Милый товарищъ мой! въ свѣтлой долинѣ
 спокойствія, гдѣ ты? —
 Тщетно! одно лишь смятенье при видѣ со-
 зданія славы
 Мнѣ отъ прожекціи жизни оспалось, печаль-
 ный оспашокъ!
 Ахъ! для чего я къ Нему не могу возгласить:
 мой Создатель!
 Радостнобъ нѣжное имя отца уступилъ не-
 порочнымъ!
 Пусть неизгнанные въ числомъ воспоишь:
 Отецъ! восклицаюль.
 О Судія непреклонный! преслупникъ молишь
 не дерзаешь,
 Чшобъ хоть единымъ ты взоромъ меня посѣ-
 шилъ въ сей пучинѣ!
 Мрачныя, полныя ужаса мысли, и ты безна-
 дежнось,
 Грозный мучитель, свирѣпствуй! почшо я
 живу, о ничпожностъ,
 Иля себя не узнашь? ... проклинаю сей день
 ненависный,
 Зрѣвшій Создателя въ шестви свѣпломъ съ
 предѣловъ воспока,
 Слышавшій слово Создателя: буди! слышав-
 шій голосъ
 Новыхъ безсмертныхъ, вѣщавшихъ: и братъ
 нашъ возлюбленный созданъ!

Вѣчность! почто родила ты сей день? по-
 что онъ былъ ясенъ,
 Мрачностью не былъ той ночи подобенъ, ко-
 порою Вѣчный,
 Гнѣвомъ грозы ополченный, себя облакаешь?
 почто онъ
 Не былъ проклятиемъ Бога гнѣпомъ, обна-
 женъ отъ созданій?...
 Что я изрекъ?... охулишь! кого предъ оча-
 ми созданья
 Ты порицаешь? Вы, солнца, меня опалишь!
 вы, звѣзды,
 Гряньтесь ко мнѣ на главу. и укройте меня
 отъ престола
 Вѣчныхъ правды и мщенья! О ты, Судія не-
 преклонный,
 Или надежды вѣчность Твоя для меня не
 скрываетъ?
 О Судія! Ты Создатель! Отецъ!... Что въ-
 щаю, безумецъ?
 Мнѣль призываешь Иегову? Его нарицаешь име-
 нами
 Спрашными грѣшнику? Ихъ лишь даруешь
 одинъ Примиришь!
 Ахъ! улешимъ! ужъ воздвиглись Его всемогу-
 щіе громы
 Страшно ударишь въ меня... улешимъ! но ку-
 да?... гдѣ опрада?...
 Рекъ и низринулся быспро во глубь безпре-
 дѣльныхъ бездны!

Горько взывалъ онъ: „Созли, уничижь меня,
огнь разрушитель!“
Вопли исчезли въ пустынь и огнь не при-
шекъ разрушитель!
Смушный онъ снова помчался къ мірамъ и
приникъ упомянный
Къ вѣкому пышноблещащему солнцу. Ошпо-
ль на бездны
Скорбно сморѣлъ онъ. — Тамъ звѣзды кипѣ-
ли, какъ свѣпное море,
Вдругъ налешѣла на солнце заблуждая въ
безднѣ планета!
Чась ей настала разрушенья, уже задымилась
и рѣла . . .
Къ ней полешѣлъ Аббадона, мечпая разру-
шишься вкупѣ . . .
Дымомъ она разлешѣлась, но ахъ! не погибъ
Аббадона! —

Мы уже сказали выше сего, что
Клопшпокъ сочинилъ много Одъ Духов-
ныхъ и Папріотическихъ; кромѣ того
онъ написалъ нѣсколько Одъ на другіе
предметы. Въ духовныхъ своихъ Одахъ
онъ умѣлъ сдѣлать осязаемыми понятія
о безпредѣльномъ; но сей родъ Поэзіи не-
рѣдко шеряется въ неизмѣримомъ, кошо-
рое силился объять. Трудно было бы

привесли какойнибудь стихъ изъ сихъ Ода, какъ мысль ошдѣльную: красота ихъ соспоишь во впечатлѣніи, производимомъ цѣлымъ. Какъ пребывашъ ошъ челоуѣка, смопряцаго на море, сію необозримую бездну воду, вѣчно движущуюся и всегда неизпощимую, сію бездну, представляющую образъ всѣхъ времянь въ наспоящемъ, всю цѣпь событій въ одномъ цѣломъ, — какъ пребывашъ, говорю, ошъ сего челоуѣка ошчета, волна за волною, въ пошь удовольствіи, которое онъ чувспвуецъ, мечтая на берегу? То же можно сказашь и о размышленіяхъ благоуѣйныхъ, украшенныхъ Поэзіей: они доспойны удивленія, если окрыляють насъ всегда на новый полешъ къ долѣ возвышеннѣйшей, если напшавшись ими, челоуѣкъ чувспвуетъ себя лучшимъ: паковъ долженъ бышь судъ о сихъ произведеніяхъ.

Между Патріотическими Одами Клопшпока замѣчательна, *Пѣснь Скальдоеъ о смерти Германа*, копораго Римляне называли Арминіемъ. Германъ былъ умерщвленъ Князьями Германскими, изъ зави-

спи къ его славъ и могуществу; при Скальда, Вердомарь, Кердингъ и Дармондъ, оплакивають смерть его, вспоминаяють его воинскіе подвиги, побѣду надъ Варусомъ, Римскимъ полководцемъ, и хопящъ скрыль гореспное событіе ошъ Туснельды, супруги сраженнаго измѣною Героя, Туснельды, копорой опецъ былъ въ числѣ убійць Германа. Въ сей и нѣкопорыхъ другихъ своихъ Одахъ, Клопшпокъ воспользовался Мифологіей древнихъ Скандинавовъ.

Изъ прочихъ его Одъ упоминаемъ объ одной, весьма пріятной, подъ заглавіемъ: *Искусство Тьяльфово*, т: е: искусство бѣгать по льду на конькахъ, коихъ изобрѣшеніе приписываютъ исполину Тьяльфу. Поэтъ самыми живыми красками изобразилъ сіе зимнее увеселеніе, котораго удовольствіе соспоитъ въ преодоленіи опасносшей по хрупкому льду, въ борьбѣ съ холодомъ и пр.

Гёшпе есть одинъ изъ плодовитѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ Поэтовъ Германіи: онъ писалъ Поэмы, Драматическія сочиненія, Баллады, Элегіи и разныя мѣл-

кія Лирическія Стихопворенія. Его Поэма *Германнъ и Доротея*, переведена на многіе языки (въ помѣ числѣ и на Руской): но се надобно чинити въ подлинникѣ, чшобъ имѣти понятіе объ удивительномъ дарованіи Поэта, копорый умѣлъ придасть занимательность и прелестъ лицамъ и произшествіямъ незначительнымъ. Въ переводѣ сія прелестъ исчезаетъ.

Драматическія сочиненія Гётте можно раздѣлити на два рода: шѣ, копорыя онъ писалъ для представленія, и шѣ, копорыя онъ писалъ, какъ должно предполагать, не имѣя въ виду сей цѣли. Въ первыхъ много ума, много пріятности — и ничего болѣе. Во вторыхъ, коихъ нельзя, или по крайней мѣрѣ весьма трудно сыграть на театрѣ, являешя необыкновенный талантъ Гётте во всемъ своемъ блескѣ. Его гений, по видимому, не можетъ спѣснять себя границами Театра: подчиняясь правиламъ, онъ теряетъ часть своей оригинальности, и тогда только находишь ее снова во всей полношѣ, когда можетъ своевольно смѣшивать всѣ роды Поэзіи.

Гётте попеременно испыывалъ да-

рованія свои въ разныхъ родахъ, принималъ и ошмешалъ разные вкусы. Если вкусъ его соотечественниковъ прильпился къ какой нибудь крайности, то онъ вдругъ старался дать ему другое, противное направленіе. Казалось, что онъ самовластно господствовалъ мнѣніями въ области Лишераптуры.

Наскуча подражаніями Французамъ въ драматическихъ сочиненіяхъ, которыя тогда являлись въ Германіи, написалъ онъ историческую Драму *Геццъ Фридрихъ Берлихингенъ*; эту Драму можно почти назвать слѣпкомъ съ Трагедій Шекспировыхъ. Въ ней видишь стараго Рыцаря, коего вся жизнь ознаменована была честью и правдивостью; другъ его измѣняетъ ему; но онъ любитъ еще и друга измѣнника. Окруженный врагами въ своемъ замкѣ, онъ велитъ оборвать свинецъ съ оконъ, чтобы слыть изъ него пули и опспрѣливаться. Наконецъ, поперявъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ, раненый и плѣнный, онъ умираетъ на рукахъ жены и сестры своихъ. Въ Драмѣ сей находишь также противоположные характеры

двухъ женщинъ, супруги Берлихингена, крошкой, покорной волѣ своего мужа, и злобной Аделаиды, копорая засшавила слабодушнаго друга Гецова, Вейслингена, нарушишь данное другу его обѣщаніе, вышла за него за мужъ, измѣнила ему и вовлекла въ измѣну пажа его; наконецъ довела сего несчастнаго юношу до того, что онъ оправиль своего господина. Лице сей преступной Аделаиды подало Сочинишелью мысль къ одной прекраснѣйшей сценѣ — засѣданію Тайнаго Судилица. — Въ другой своей Драмѣ: *Графъ Эгмонтъ*, онъ выводитъ сего Батавскаго Героя, осужденнаго на смерть Филиппомъ II за покровительство, копорое онъ оказывалъ Реформаціи. Казалось бы, что предметъ простой, основанный на политикѣ, не могъ сильно одушевить Поэша и разширогать зришельей или чашапешей; но Гётше умѣлъ искусно вмѣшашъ въ него любовь Эгмонша и Клары, дочери Брюссельскаго мѣщанина. Эгмоншь любилъ ее, какъ существо доброе и чистосердечное, близъ котораго онъ отдыхалъ отъ заботъ и огорченій своей об-

щественной жизни; но Клара страстна Эгмонтомъ до изсипуленія: она любитъ его славу, любитъ въ Эгмонтѣ Героя — и эта любовь облагороживаетъ ее въ глазахъ чипапелей и придаетъ ей особенную силу и возвышенность духа даже и тогда, когда Сочинитель, для пропово-положности ея состоянія съ чувствами и мечтами, представляетъ ее въ домашнемъ быту ея родителей. Она не можетъ перенести мысли о близкой гибели Эгмонтовой, умираетъ, — и уже является Эгмонту во снѣ передъ сною минушою, когда онъ долженъ идти на эшафотъ. Сими опшѣнками въ любви двухъ дѣйствующихъ лицъ, искусно приговореннымъ участіемъ и удивленіемъ къ Эгмонту, возраспающимъ инпересомъ завязки и прогающими душу положеніями, Гѣште умѣлъ поддержать занимательность своей Драмы.

Въ послѣдствіи, когда на Германскихъ Театрахъ безпреспанно давали мѣщанскія Драмы и Мелодрамы, когда сцена была наполнена рыцарями, лошадьми и шумомъ — Гѣште вздумалъ снова привести Литературу къ строго-

му вкусу древнихъ. Съ сею цѣлью написанъ онъ *Идигенію въ Тавриду*. Содержаніе сей Трагедіи всѣмъ извѣстно: Гётте изложилъ его весьма просто. Какая-то шоржесшвенная пишина, какая-то величавость дѣйствія наполняютъ душу зрителя впечатлѣніями, подобными тѣмъ, копорыя мы чувствуемъ при разсматриваніи древнихъ образцовъ ваятельнаго искусства. Удивительно здѣсь приведены воспоминанія Ореста и Ифигеніи о происшествіяхъ, случившихся въ родѣ Апридовъ: кажется видишь, какъ передъ глазами смѣняющіяся картины, коими Исторія и Баснословіе обогатили древность, Изъ мѣстъ Лирическихъ, разсѣянныхъ въ сей Трагедіи, превосходно то, гдѣ Ифигенія, въ грусти, поетъ древнюю пѣснь, извѣстную въ ея родѣ и копорюю кормилица убавала ее въ колыбели: эта пѣснь, пѣтая въ адѣ Танталу Парками, кои предвѣщали ему бѣдствія его поколѣнія. Ужасныя картины, мѣра стиховъ, согласующаяся съ чувствами, придаютъ отпрыску сему краски народности. Нужно величайшее усиліе таланта, чтобы,

накъ сказать, сроднишься такимъ образомъ съ древностью, чѣлобы схватишь черпты, бывшія народными у Грековъ и произвеси посредствомъ ихъ, въ семь необъятномъ разстояніи вѣковъ и нравовъ, столь сильныя и свѣжія впечатлѣнія.

Въ Драмѣ: *Торквато Тассо*, Гётше употребилъ шуже проспошу дѣйствія, какъ и въ *Ифигеніи*. Онъ хошѣлъ изобразить противорѣчія, встрѣчающіяся въ мечтательности Поэша съ свѣтскими приличіями. Для сего онъ ввелъ въ свою Драму чепыре лица: Принца, Принцессу, Царедворца и Поэша, дѣйствующихъ въ маломъ кругу со всѣмъ упорствомъ самолюбія, которое, въ другомъ масштабѣ, могло бы вспревожитъ цѣлый міръ. Извѣстна болѣзненная чувствительность Тасса и вѣжливая жестокость его покровителя, Альфонса д' Эсте, который, при всемъ своемъ удивленіи къ *Освобожденному Герцсалиму*, заперъ въ домѣ сумасшедшихъ инворца его. Въ лицѣ Леоноры д' Эсте, къ которой Тассъ пылалъ тайною любовью, Гётше представилъ смѣ-

шеніе возвышенности чувствъ и слабости характера, предавшагося всей власти приличій. Въ Царедворцѣ представилъ онъ придворнаго мудреца, по понятіямъ свѣта; въ обращеніи своемъ съ Тассомъ, Царедворецъ сей пользуется пѣвми преимуществами, кои умъ дѣловаго челоѣка признаешь въ себѣ надъ умомъ Поэта; сохраняя хладнокровіе, онъ искусно раздражаетъ своего противника, но такъ, что по наружности бываетъ всегда правъ. Однакожь въ сей пьесѣ, опличающейя благородствомъ и красою слога, слишкомъ много рѣчей и слишкомъ мало дѣйствія; такъ, что когда Поэтъ даетъ ей нѣсколько движенія, то кажется, будто онъ дышетъ онъ безпрестаннаго вниманія, какого пребуешь мысли, обильно въ ней разсѣяныя, особливо въ роля Тасса, который часно вдаешся въ Метаморфозы. Мы любимъ погружаться въ размышленія, находясь въ спокойномъ состояніи; но когда идемъ, тогда медленность насъ упоминаетъ.

Своенравіе вкуса Германскаго скоро наскучило именами и эпохами извѣст-

ными, историческою вѣрностью картинъ и сходствомъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ съ подлинниками. Нѣкоторые писатели выдумали, такъ сказать, отвлеченныя Драмы, въ коихъ отношенія людей между собою изображены въ общихъ чертахъ, не заботясь ни о времени, ни о мѣстѣ, ни о собственныхъ именахъ лицъ. Гётте также написалъ въ семь родѣ *Догь любви*, гдѣ дѣйствующія лица названы просто: Король, Князь, Отецъ Дочь и ш. п.

Спраннѣе всѣхъ прочихъ, — и смѣло можно сказать, удивительнѣе по многимъ отношеніямъ, — пьеса его *Фаустъ*, родъ яркой фарсы, но фарсы плавкой, какую могъ написать только Гётте: Одинъ изъ трехъ изобрѣтателей книгопечатанія, Докторъ Фаустъ, и донынѣ сльветъ въ Германіи колдуномъ, подобно какъ Карданъ во Франціи и Твердовскій въ Польшѣ. Простолудіе говоритъ, что сей Фаустъ, не смотря на глубокую свою ученость, наскучилъ жизнью, заключилъ союзъ съ злымъ духомъ, который подъ конецъ унесъ его съ пѣломъ и душою. На

этомъ народномъ повѣрѣ, Гётте основалъ свое необыкновенное сочиненіе.

Въ немъ не должно искашь ни снротго вкуса, ни мѣры, ни искусства, копорое избираешь предметъ и рачишельно его оканчиваешь; но еслибъ можно было вообразить хаосъ умшвенный, шо Фаустъ Гёттевъ могъ бы дать о немъ понятіе. Нигдѣ не найдешь болъшей смѣлости мыслей, и воспоминаніе, остающееся по проченіи сего сочиненія, похоже на круженіе головы послѣ угара — Фаустъ соединяешь въ себѣ всѣ слабости чловѣчества: спрасшь къ познаніямъ и усталость отъ труда, нужду успѣховъ и пресыченіе въ удовольствіяхъ. Это совершенный образецъ творенія непоспояннаго и перемѣнчиваго, коого чувствованія, по сравненію, гораздо еще крашкременнѣ жизни, на которую оно жалуется. Но главное лице сей Драмы не Фаустъ, а злой духъ, съ которымъ онъ въ союзѣ. Сочинитель не представилъ сего духа въ видѣ отвращительнаго призрака, но сдѣлалъ изъ него идеаль злаго чловѣка, передъ коимъ всѣ злые люди —

не больше, какъ слабые ученики. Мефистофелесь (шакъ назваль его Гёшпе) говоришь обо всѣхъ вещахъ съ адскою насмѣшливостью: онъ смѣется надъ умомъ, надъ ученостью, надъ правилами, надъ удовольствіями; ввергаетъ Фауста во всѣ дорожки, во всѣ преступленія, дѣлаетъ его соблазнителемъ, убійцею, опшшупникомъ — и самъ надъ нимъ насмѣхаешся. Въ этомъ то и естъ отличительное свойство злобнаго, свойство духа ильмы, чшобъ умершвишь въ душѣ челоуѣка чувство высокаго, удовольствіе отъ прекраснаго; чшобы показывать адскую радость въ шоржествѣ порока, на развалинахъ добродѣтели.

Одинъ молодой Лейпцигской Студеншъ приходитъ къ Фаусту, проситъ его совѣта, какимъ наукамъ долженъ онъ посвянить себя? Фаустъ проситъ Мефистофелеса отвѣчать вмѣсто его просшодушному Студеншу. Мефистофелесь наряжаешся въ Докторское плашье и начинаешъ свой разговоръ съ Студеншомъ, описываетъ ему чешыре ученые факультета въ такомъ видѣ, что слышываетъ

на вѣкъ всѣ понятія неопытнаго юноши. Мефистофельсь приводитъ ему тысячи разныхъ доводовъ, Студентъ всѣ ихъ принимаетъ одинъ за другимъ и дивится ихъ заключенію, по тому что ждешь чего нибудь положительнаго и важнаго, а духъ только кощунствуетъ. Студентъ охотно готовъ чему нибудь удивляться, а на повѣрку выходитъ, что слышанное имъ внушаетъ только презрѣніе. „Не каждое ли слово заключаешь какую нибудь мысль? говоритъ онъ. — Да, если можно, — отвѣчаетъ Мефистофельсь: только не нужно слишкомъ ломать надъ эпимъ голову: ибо, гдѣ недостаешь мысли, слова какъ шутъ являющаяся, чтобы ихъ замѣнить.“

Мефистофельсь приводитъ Фауста къ одной колдунѣ, у кошорой подъ власшью находящяся уродливя живошныя, до половины обезьяны и до половины кошки (Meer-Katzen), говорящія странныя слова, гдѣ искусно повпоряются одни и шѣ же звуки. Сія слова уже по составленію своему возбуждаютъ смѣхъ, и еслибъ они были въ прозѣ, то казались

бы только нелѣпыми; но прелестъ стиховъ нѣсколько ихъ облагороживаешь. Слушая рѣчи сихъ обезьянъ-кошекъ, кажешся, разгадываешь, какія были бы мысли живошныхъ, еслибъ они могли выражать ихъ по человѣчески, и какое грубое, смѣшное понятіе составлялибъ они себѣ о природѣ и человѣкѣ.

Въ сей пьесѣ, которую почти можно назвать *шалостью ума и воображенія*, всѣ правила Театра нарушены; мѣра стиховъ измѣняется въ ней сообразно положеніямъ, и происходящее отъ того разнообразіе удивительно. Если предположишь въ ней нравственную цѣль, то кажешся Гётте хотѣлъ показать, что человѣкъ, выходя за предѣлы ему предписанные, бываетъ окруженъ какимъ-то хаосомъ мыслей и дѣйствій, нарушающимъ спокойствіе его совѣсти и миръ душевный, въ наказаніе за то, что самъ онъ дерзнулъ нарушить опредѣленный ему кругъ дѣйствія и въ безумной гордости своей мечталъ разпорѣгнуть чинъ природы.

Не возможно, прибавляешь Г-жа Спаль,

читашь Фауста, чтобъ онъ не пробудилъ тысячи разныхъ мыслей: ссоришься съ Сочинителемъ, винишь его, оправдываешь; но онъ заставляетъ размышлять обо всемъ — и, говоря языкомъ одного прямодушнаго ученаго среднихъ вѣковъ, — *о гелль-то еще больше, нежели обо вселѣ* (*). Справедливость требуетъ однакожь сказать, что сія пьеса никакъ не можетъ служить образцомъ. Разсмащивашь ли ее, какъ швореніе изсшупленнаго ума, или какъ порожденіе пресыщеннаго разсудка — все должно желать, чтобы подобныя произведенія больше не появлялись; но когда Геній, такой какъ Гётше, разшорженъ всѣ оковы условій, тогда мысли у него пѣсняшся въ такомъ множествѣ, что онъ повсюду перескакивающъ и опрокидывающъ границы искусства.

Мѣлкія Стихотворенія Гётше, кромѣ оригинальности, копорю онъ запечатлѣлъ всѣ свои произведенія, заставляющъ предполагать въ немъ или обширнѣйшую ученость, или, что гошовасъ пи-

(*) De omnibus rebus & quibusdam aliis.

сашь каждое изъ нихъ, онъ внимательно вглядывался въ шѣ предметы, кои со-
составляють — по выраженію живопис-
цевъ — *натуру и придаточное дѣйствіе*
(*accessoires*) его картинъ. Такъ въ Элегі-
яхъ своихъ, написанныхъ въ Римѣ, онъ
заспавляетъ насъ, кажется, дышашь воз-
духомъ Италіи, рассказываетъ свои удо-
вольствія и какъ будто бы самъ дѣлает-
ся Римляниномъ (*). Если онъ говоритъ о
Греціи, то въ стихахъ его чувствуешь
какое-то соприисущіе древнихъ сыновъ
Элады, съ ихъ вѣрою, обычаями и суе-
вѣріями. Такимъ образомъ въ Балладѣ сво-
ей: *Коринѣская невеста*, онъ мастерски
воспользовался древнимъ Греческимъ пре-
даніемъ о любви Махашеса и пѣни Фи-
линніоны, о которомъ рассказываетъ
Флегонъ. Но въ сей старинной повѣсти
Гёшше поражаетъ читателя новыми, не-

(*) У читателей нашихъ конечно еще въ свѣ-
жей памяти одна изъ сихъ Элегій: *Путешественникъ*, переложенная Г. Жуков-
скимъ и помѣщенная въ VIII кн. *Сына*
Ошечества на сей 1823 годъ.

ожиданными соображеніями: онъ выбралъ для дѣйствія именно ту эпоху, когда половина Греціи обратилась въ православіе Хрисціанское, а другая половина оставалась во мракѣ язычества. Учасіе, возбуждаемое имъ къ невѣстѣ Коринѣской, или лучше сказать, къ ея тѣни, основанъ на разности вѣръ, раздѣляющихъ ее съ женихомъ. Поэтъ такъ искусно настраиваетъ воображеніе чипапеля, что какъ бы заставляешь его видѣть на яву призракъ, и нѣкоторая дрожь невольно пробѣгаетъ по соснавамъ, когда представляешь себѣ борьбу любви и ужаса, сочетаніе жизни съ гробомъ. Познакомя съ повѣрьями Грековъ, Гёпше ведетъ насъ въ Индію, въ прелестной Балладѣ своей: *Баядерка*. Пляски сей дѣвы веселія, благовопія и цвѣтны, ее окружающіе, словомъ, всѣ краски Поэзіи въ этой пьесѣ такъ, можно сказать, восполнены, что по нашимъ Европейскимъ нравамъ нельзя достойно оцѣнить сей картины, имъ вовсе незнакомой. Часто Гёпше плѣняетъ насъ впечатлѣніями самыми просшыми, замѣшвованными изъ о-

кружающей насъ природы, какъ въ *Рыбакѣ*. Иногда въ чудесномъ находишь оныя средство насъ позабавишь, на примѣръ, въ *Питомцѣ Колдуна*, разсказывая, какъ сей неудалый ученикъ, подслушавъ нѣсколько таинственныхъ словъ у своего учителя, вздумалъ ими воспользоваться, приказалъ мешлѣ носить воду — и мешла наносила столько, что почти зашпила домъ. Ученикъ, позабывъ слова запретительныя, въ сердцахъ перерубилъ мешлу по поламъ — и обѣ половины начали еще больше таскать воды. Ученикъ бранился — но ничто бы не помогло, еслибъ учитель его не пришелъ во время и не пособилъ его горю, посмѣявшись надъ его самонадежностью. — Неудачное подражаніе великимъ тайнамъ искусствъ весьма живо изображено въ эпомъ небольшомъ *Спихошвореніи*.

Повторимъ, что одно изъ отличительныхъ свойствъ шаланша Гётте, есть почти неизмѣнное его разнообразіе. Иногда оныя, такъ сказать, дышетъ страстью, какъ въ *Вертерѣ* и *Графѣ Эдмонтѣ*, иногда разпрогиваетъ всѣ стру-

ны воображенія мѣлками своими Спихотвореніями; иногда изображаетъ намъ Испорію со всею истиной, какъ въ *Геццъ Фонд-Берлихингенъ*; то, подобно древнимъ, является во всей простотѣ, какъ въ *Германнъ* и *Доротей*. Наконецъ, съ *Фицтомбъ* бросается въ вихрь жизни, и вдругъ попадаетъ въ *Гастъ*, въ *Догери Любви* и даже въ *Ифигеніи*, онъ постигаетъ драматическое искусство, какъ памятникъ, воздвигнутый при гробахъ: тогда его творенія имѣютъ прекрасныя формы, блескъ и бѣлизну мрамора, но также и хладную его недвижимость. Не лзя крипиковать Гёппше, какъ Писателя, хорошаго въ одномъ, и дурнаго въ другомъ родѣ: его приличіе всего сравнить съ Природою, которая производишь все и изъ всего.

Шиллеръ, какъ Писатель Драматическій, намъ давно извѣстенъ. Его Трагедіи: *Разбойники*, *Заговоръ Фіеска*, *Коварство и Любовь*, *Марія Стюартъ*, и наконецъ *Іоанни д' Аркъ*, отъ времени до времени являлись на нашемъ Театрѣ; и потому было бы лишнѣе, помѣщать здѣсь изложеніе, или мнѣніе о сихъ пьесахъ,

знакомыхъ нашей Публикѣ. Послѣдняя изъ печатанныхъ здѣсь Трагедій, переложенная стихами, надѣемся, скоро появленіемъ своимъ удовлетворитъ наши нетерпѣливыя ожиданія. Нѣкоторыя отрывки изъ *Донъ Карлоса* и *Вильгельма Телля*, другихъ Шиллеровыхъ Трагедій, были также переведены и напечатаны въ разныхъ Рускихъ Журналахъ.

Здѣсь мы намѣрены нѣсколько разпространиться объ одной только Трагедіи Шиллера, *Валитейнѣ*, Трагедіи, которая для Германцевъ имѣетъ передъ другими достоинство народности. Содержаніе оной почеркнуто изъ произшествій 30 лѣтней войны, когда вражда политическая и война за вѣроисповѣданіе раздирали Германію. Шиллеръ раздѣлилъ Трагедію свою на три части: первая, родъ пролога, названа имъ: *Лагерь Валитейна*. Если примѣнитъ одно искусство къ другому, по *Оптическій обманѣ* Поэзіи въ семь Прологѣ неподражаемъ: кажешся, видишь себя подлинно среди стана военнаго. Солдаты старые и новонабранные, маркишанцы, крестьяне — все сіе живи-

ляешь картину и способствуешь къ ея точности. Какъ должно быть сильно воображеніе Писателя, чтобы предсавивъ себѣ съ такою вѣрностью жизнь военную, свободу и шумную веселось, еще больше пробуждаемую близкими опасностями! Навѣреніе Шиллера было, родить въ зрителяхъ участіе и удивленіе къ Валштейну: въ шапкахъ и на полѣ битвы, воины безпрестанно говорятъ о своемъ Полководцѣ; ему преданы ихъ сердца и души — въ немъ ихъ надежда.

Вторая часть, подъ заглавіемъ: *Пикколомини*, содержишь въ себѣ измѣну Валштейна и распрю его съ другими военачальниками. Валштейнъ, сражавшійся за Австрію противъ Государствъ, вводившихъ Реформатское исповѣданіе, прельстился ложною и безумною надеждою, присвоить себѣ все средства, досель имъ употребленные для блага общаго, и сдѣлаться независимымъ. Другіе военачальники ему прошиваясь — не опъ чистой добродѣтели, а изъ зависти. Спросяшь: чтожь въ этой пьесѣ возбуждаетъ участіе? — Вѣрная картина спрасней че-

ловѣческихъ и событій того времени. Однакожь Шиллеръ умѣлъ создать два лица, возбуждающія участіе романическое. Онъ изобразилъ Макса Пикколомини и Теклу, какъ повторенія, соблюдшія любовь и чистоту душевную среди борьбы сѣрашей политическихъ. Текла дочь Валштейна, Максъ — сынъ ложнаго друга его, Пикколомини. Они любящъ другъ друга, не смотря на раздоръ ихъ родителей, не смотря на судьбу; ищущъ другъ друга — и встрѣчаются въ жизни и смерти. Въ пылу замысловъ честолюбія, сіи два существа являются, какъ жертвы обреченныя, и сіе чистое ихъ самоотверженіе составляетъ превосходную противоположность съ эгоизмомъ другихъ. — Въ эпизодъ второй части, или правильнѣе, второмъ Прологѣ, нѣтъ развязки онъ кончился, какъ перерванный разговоръ.

Наконецъ третья часть заключаетъ въ себѣ *Развязку*, или собственную Трагедію. Въ ней Валштейнъ является со всѣми его свойствами: неустрашимъ и суевѣренъ, честолюбивъ и нерѣшимеленъ,

онъ попеременно внушаетъ къ себѣ то удивленіе, то негодованіе и сожалѣніе. Прощаніе Макса Пикколомини съ Теклою, при звукахъ военныхъ трубъ, и рѣшительность Теклы провести остатокъ дней своихъ при гробѣ ея любезнаго, когда она узнаетъ о смерти его — одни изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ сей Трагедіи.

Извѣстный Бенжамень-Констанъ де Ребекъ передѣлалъ сію Трагедію стихами для Французскаго Театра, соединя въ одну всѣ при частіи Трагедіи Шиллеровой.

Мѣлкія Стихотворенія Шиллеровы опличаются чувствительностью, такъ какъ Гёттевы силою воображенія. Многія изъ нихъ знакомы намъ по переводамъ разныхъ нашихъ Стихотворцевъ (*)

(*) *Кассандра, Ахилл, Желанія* и пр., переведены Жуковскимъ; *Мать-убійца*, Милоновымъ; *Надежда*, М. Дмитриевымъ, *Пѣсне Радости*, Мансуровымъ. — Почти за лишнее говорилъ о многихъ переводахъ и подражаніяхъ Шиллеру шѣхъ изъ нашихъ Стихотворцевъ, которыми Шиллеръ не давался въ руки.

вообще можно сказать, что изъ Германскихъ Поэтовъ Романтической школы, Шиллеръ извѣстнѣе прочихъ въ Россійской Литтературѣ. Одна изъ Лирическихъ его пьесъ: *Идеалы*, была у насъ переложена двумя опличными Поэтами. Г. Жуковский въ переводѣ своемъ назвалъ ее: *Мечты*, а покойный Милоновъ, въ весьма близкомъ и прекрасномъ подражаніи — къ *Юности* (*).

Превосходное Стихотвореніе Шиллера: *Колоколъ*, состоишь изъ двухъ различныхъ частей. Повторяемая въ немъ строфы, въ видѣ припѣва, изображаютъ работу кузнецовъ, или мѣдниковъ; но между сими строфами находящяся восхищительные стихи о торжественныхъ случаяхъ, о необыкновенныхъ происшествіяхъ, возвѣщаемыхъ звукомъ колоколовъ, каковы напр., рожденіе, бракъ и смерть челоука; пожаръ, возмущеніе и п. п.

(*) Сравненіе обоихъ сихъ преложеній и сличеніе ихъ съ подлинникомъ Шиллера, помѣщено въ 23 и 24 N *Благонамѣреннаго* на 1821 годъ.

Стирофы въ короткихъ стихахъ соснавлены изъ словъ, въ опривиспомъ и быспромъ звукѣ копорыхъ, кажешя, слышишь повпоряющіеся удары молоша и скорые шаги рабшниковъ, образующихъ кипящую мѣдь. Въ прозаическомъ переводѣ не лзя сего выразить (*): эшо значило бы чипашь, а не слушашь музыку; и шупь еще воображеніе легче можешь себѣ предспавить впечатлѣнія, производимыя музыкальными инструменшами, копорые мы знаемъ, нежели согласіе и разногласіе стихопворной мѣры и языка, намъ незнакомыхъ. Здѣсь, шо правильная крапкосъ размѣра даешь чувспвовашь проворство ковачей, ограниченную, но безпрерывную силу дѣйствія въ прудахъ вещественныхъ; шо, вслѣдъ за симъ грубымъ и рѣзкимъ шумомъ, слышашся воздушныя пѣсни вдохновенія и задумчивоспи.

(*) Да позволено намъ будетъ желашь, чшобы славный нашъ Поэшь, споль вѣрно передавшій намъ многія произведенія великихъ Поэшовъ Германскихъ, подарилъ насъ и эшимъ Стихопвореніемъ.

Шиллеръ часто представляетъ намъ самыя глубокія размышленія подъ покровомъ благородныхъ вымысловъ: онъ говоритъ съ человекомъ, какъ сама Природа; ибо Природа, въ мірѣ веществномъ, есть величайшій мудрецъ и Поэтъ. Чтобы сообщить намъ понятіе о времени, она разливаешь передъ нами струи рѣки неизшощимой; а чтобы вѣчная юность ея заставляла насъ мыслить о краткости бытія нашего, она убираешся цвѣтами, скоро увядающими, опряхаешь осенью съ деревь листвы, красовавшіеся весною. Возвышенная Поэзія должна бытьъ земнымъ зеркаламъ Божества, и въ цвѣсахъ своихъ, звукахъ и мѣрахъ, отражашся всѣми красотами созданія.

Бюргеръ, между Германскими Поэтами, отличаетъ народностью своихъ произведеній; въ прекрасныхъ стихахъ онъ оживилъ преданія старины и повѣрья своихъ единоплеменцевъ. Мы знакомы съ однимъ изъ лучшихъ его Стихотвореній, съ его Балладою *Ленора*, по Людмилѣ, превосходному подражанію Г. Жуковскаго, который умѣлъ сдѣлать ее народною

и для Рускихъ, тѣмъ болѣе, что самое содержаніе было уже опчасти намъ извѣстно (*).

Мы бы не кончили, еслибъ вздумали изчислить все хорошее въ Поэзіи Германской. Матиссонъ, Тикъ, А. В. Шлегель, Вернеръ и другіе отличные Поэты обогатили ее въ разныхъ родахъ сколько, что должно бы посвящать цѣлыя книги на изчисленіе и разсмотрѣніе ихъ произведеній (**). Говоря о Поэзіи Германцевъ, неприспешельно было бы позабыть, что и у нихъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ отыскана старинная Поэма, писанная въ XIII столѣтіи, подобно какъ у насъ най-

(*) Въ разказахъ старыхъ нашихъ нянюшекъ есть что-то сходное съ этою Балладой: особливо мнѣ памятна приговорка: „мѣ- „сяць свѣпнись, мертвецъ ѣдешъ: не бо- „ишься ли ты, дѣвица?“

(**) Въ сей Статѣ мы упомянули о двухъ Трагедіяхъ Гётте: *Геццъ Фондъ-Берлихингендъ* и *Графдъ Эгмонтъ*, равно какъ и о нѣкопрыхъ Трагедіяхъ Шиллера, написанныхъ Прозою. Но Гётте и Шиллеръ Поэты, даже и безъ стихотворной мѣры.

дена древняя *Пѣснь о полку Игоревѣ*. Заглавіе сей Поэмы — *Нибелунги*. Она содержитъ въ себѣ подвиги Героя сѣверной Германіи Сигефрида, умерщвленнаго Королемъ Бургундскимъ, мщеніе за смерть его и пр. Духъ воинственный и вѣрность, отличительныя черты людей того времени, изображены въ этой Поэмѣ языкомъ простымъ и простымъ: тогда не знали еще украшать повѣствованія мыслями общими и опвлеченными, и описывали событія и нравы такъ, какъ одни случались а другіе казались.

В-

СТИХОТВОРЕНІЯ.

~~~~~

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ПЕРЕВОДА РАСИНОВОЙ ТРАГЕДІИ:

Ф Е Д Р А.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тезей и Ипполитъ.

~~~~~

Тезей (увидя входящаго
Ипполита).

Вошь онъ.— О небеса! споль благородный видъ
Кому, подобно мнѣ, очей не обольспишь?
Возможно ли! въ душѣ злодѣйсшва всѣ скрываетъ,

ваешъ,

И — добродѣтели наружношью блистаешъ!
Не должноль, чшобъ чершы ужасныя лица
Изобличали злыхъ коварныя сердца?

И п п о л и т ъ.

Что вижу, Государь! иль скорбь необычайна
 Твой возмушила духъ? . . . какая страшна
 шайна
 Могла чело твое покрыть печали мглой?
 Благоволи ее открыть передо мной,
 Чтобъ я довьремъ родишеля счастливымъ, . . .

Т е з е й.

И смѣль передъ опца предсташь ты, нече-
 сливый!
 Подобье изверговъ, которыхъ я сразилъ,
 Чудовище! . . . Какъ громъ небесъ тебя щадилъ!
 Пресупниѣйшей любви въ безмѣрномъ изсту-
 пленѣ
 До ложа опчаго проспершій дерзновенье,
 Неисповый, ты здѣсь являешься предъ мной
 Гдѣ все осквернено, заражено тобой!
 И не бѣжишь — чтобы отмщенье не пости-
 гла —
 Въ спраны, кудабъ мое вѣкъ имя недоспигло?
 Но не дерзни, злодѣй, опнынѣ мнѣ предсташь,
 Чтобъ раздражашь мой духъ и гнѣвъ мой пре-
 зирашь!
 Я укрошу его: одно твое рожденье
 Уже мнѣ навлекло и скорбь и посрамленье,
 Кончиноють еще твоихъ презрѣнныхъ дней
 Мнѣ должно помрачишь сіянье жизни всей?

Въги! и если казнь люпѣйшая, мгновенна,
Казнь, оипь руки моей всѣмъ извергамъ суж-
денна,

Спрашна тебѣ, — брегись вовѣкъ со дня сего,
Да не освѣпишь Фебъ возвраша швоего.

Въги! съ спремениемъ и шрепетомъ злодѣя,
Скрой гнусный образъ свой изъ областей Те-
зея.

А ты, о грозный богъ, Непшунъ! на чьихъ
брегахъ

Я жспребиль убійцъ, разсѣялъ общій спрахъ;

Вспомни мнѣ швое за подвигъ общааше,

Исполнишь первое Тезеево желанье.

Въ шемницу вверженный крушился я, спра-
даль,

Но помощь мнѣ явишь шебя не умоляя,

Блюдя швои о мнѣ благія попеченья

На время злѣйшаго судьбы ожеспоченья: —

Теперь молю шебя: возстань за честь опца!

Излей на изверга весь гнѣвъ свой до конца

И попуши его неисповы желанья.

Сей месшью мнѣ яви швои благодарья.

И п н о л и т ъ.

Въ преспудной сей любви, я — Федрой обви-
ненъ?

Чрезмѣрнымъ ужасомъ разсудокъ мой ему-
щень. . . .

Твой проклятія мнѣ душу поразили,
Пресѣкли голосъ мой, усна мнѣ заградили.

Т е з е й.

Предатель! ты мечпалъ, что Федра умол-
чишь —
И звѣрскій умыселъ оспанется сокрышь?
Почшожъ покинулъ мечъ, бѣжавъ ошъ ней въ
забвеньѣ,
Служащій явною уликой въ преспуленьѣ?
И чѣмъ удержанъ былъ, что не возмогъ дерз-
нуть
Однимъ ударомъ ей на вѣкъ усна сомкнушь?

И п н о л и т ъ.

Споль черной клеветной правдиво раздражен-
ный,
Я долженъ бы отккрышь сей умыселъ презрѣн-
ный . . .
Но, честь твою храня, до гроба ушаю.
Уважь безмѣрную любовь къ тебѣ мою,
Родишель! и смягча свой гнѣвъ и огорченье,
Изслѣдуй жизнь мою и самое рожденье.
Злодѣйство лишь печешь за преступленьемъ
въ слѣдъ:
Кшо пренебрегъ свой долгъ, нарушилъ свой
обѣщъ,
Тотъ, можешь бышь, и золь ужаснѣйшихъ
содѣшель;
По спешенямъ идушь цорокъ и добродѣшель!

Но никогда шѣхъ свойспѣвъ невинность не
была,

Чтобъ отъ смиренія вдругъ къ наглости пре-
шла;

И добродѣтели и чести бывъ подвласнымъ,
Кшо, въ день одинъ, возмогъ спашь извер-
гомъ ужаснымъ?

Женою доблестной рожденъ, вскармленъ я;
Во вѣкъ не посрамлю священну кровь ея.
Отъ первыхъ лѣтъ моихъ, мудрецъ, dospой-
ный славы,

Царь, чтимый въ Греціи, образовалъ мнѣ
нравы.

Я не могу себя превозносить хвалою;
Но если добрыхъ свойспѣвъ дана мнѣ часть
судьбой,

Сильнѣйшее изъ всѣхъ я ощущалъ — през-
рѣнье.

Къ шому, чѣмъ днесъ меня порочить дерзно-
венъе

Давно всей Греціи извѣстенъ Ипполияшъ,
Какъ высоко онъ чешъ и добродѣтель чшипъ:
Мой силогій, знають нравъ, языкъ съ душой
согласный,

И сердце чистое, какъ полько чистъ день яс-
ный.

И мысляшъ, чтобъ я былъ такъ низокъ, из-
синуплень . . .

Т е з е й.

Кичливостью шакой ны пуце обличень!

Притворную твою холодность вижу ясно:
 Прельщая дерзкій взоръ лишь Федроу несча-
 сливной,
 Ты склонностью къ другимъ смѣль прези-
 рать, злодѣй,
 Гнушаясь чистый огонь пилашь въ душѣ своей.

И п п о л и т ъ.

Нѣтъ, нѣтъ, родишель мой! узнай, что ощу-
 щаю:
 Я не презрѣлъ сей огонь, я симъ огнемъ пы-
 лаю!

(Упадеешь къ ногамъ его).

У ногъ своихъ открышь всю истину дерзну.
 Люблю! — карай мою ужасную вину:
 Арисія во мнѣ сей огонь возпламенила,
 И Ипполита — дочь Палланша побѣдила.
 Любя, боготворя гонимую тобой,
 Я сердце, жизнь отдашь могу лишь ей одной.

Т е з е й.

Къ Арисіи любовь!... Нѣтъ; явно ухищренье:
 Ты пресшупленіемъ скрывать мыслишь пресшу-
 пленье.

И п п о л и т ъ.

Уже шесть мѣсяцевъ сгораю симъ огнемъ.
 Я съ шрепешомъ пришелъ шебѣ открыться
 въ шомъ;

Но ахъ! ты пуще гнѣвъ мнѣ взорами являешь!
 Какихъ, родишель мой, ужасныхъ кляшвъ же-
 лаешь?
 И небо и земля да внемлюшъ мнѣ въ сей часъ!

Тезей.

Безбожнымъ извергамъ обыченъ клятвы гласъ.
 Преспань! избавь меня оупь дерзкаго вѣщанья,
 Коль не находишь средспвъ иныхъ для о-
 правданья.

Ипполитъ.

Коварною шебъ рѣчь кажется мол, —
 И Федрою въ душѣ оправданъ больше я.

Тезей.

Безчестныи! . . . какъ мое онъ множишь ос-
 корбленье!

Ипполитъ.

Скажи: въ какой мнѣ край спремншься въ за-
 шоченье?

Тезей.

Хотя бы за сполпы Алкида ты бѣжалъ,
 Все близкимъ я къ себѣ злодѣя бы считалъ.

Ипполитъ.

Позоромъ опягченъ, сраженный клеветною,
 Гдѣ я друзей найду, опзверженный побою?

Тезей.

Спрямись! ты можешь шамь друзей себѣ об-
 ресшь,
 Гдѣ наглосшь — похвала, гдѣ поступленье —
 честь!
 Неблагодарившихъ, коварныхъ, беззакон-
 ныхъ,
 И дружбу и покровъ явишь тебѣ достойныхъ.

Иполитъ

Въ неистовствахъ меня ты хочешь укорять —
 Молчу. Но сколь была порочна Федры машь,
 Воспомни; родъ ея—ты, Государь извѣстенъ—
 Не болѣе чьмь мой преступень и безче-
 сень?

Тезей.

Ко мнѣ ли могъ простерть ты дерзость
 словъ шакихъ?
 Внемли въ послѣдній разъ,—сокройся съ глазъ
 моихъ,
 Въ сей самый мигъ бѣги! или, злодѣй пре-
 зрѣнный,
 Увлечь себя велишь ошець швой раздражен-
 ный.

И. Чеславскій.

ДЕКОРАЦІИ.

С к а з к а.

„Хопъ я и небогатъ,
А прогулять пришлось синицу (*),
(Сказаль помѣщикъ нашъ Филантъ,
Приѣхавъ по дѣламъ въ Сполицу);
Пойду въ Театръ! „ — Пошелъ, сидишь —
На Декораціи глядишь.
И шакъ сосѣду говоритъ:
„Ну, башюшка, и я сегодня вижу ясно,
Что живописцы здѣсь большіе-мастера:
Какъ нарисовано прекрасно!
Ужь это ли не храмъ? ужь это-ль не гора?
И вошь долина вся усѣяна шапрами!
А памъ — почнеховько ручей

(*) Въ нѣкоторыхъ Провинціяхъ — въ шупгахъ и въ просторѣчи — называющся ассигнаціи: синія синицею или синюшкою, красная краснушкою, бѣлая бѣланкою.

Течешь между цвѣтами!
 Хвалишь не досаждаетъ рѣчей! . . . “
 — И подлинно не худо,
 Сосѣдъ съ улыбкой ошвѣчалъ;
 Но . . . я вамъ покажу еще другое чудо. —
 (Филапъ ошъ радости чуть чуть не закричалъ).
 Все кончилось. Сосѣдъ Филапа взялъ на сцену
 И къ Декораціямъ подвелъ
 Узнали-ль живопись? — Увидѣвъ перемѣну,
 Филапъ оспобенѣлъ. — „Я, право, не осель,
 Онъ молвилъ съ огорченьемъ;
 Не стыдноль, мой ошець, смѣялся надо мной?
 Не могъ плѣнишься я шакою песпрошой!“ —
 — Вы обманулись ошдаленьемъ,
 Сказалъ сосѣдъ смѣясь — и кончилъ поучень-
 емъ:
 И въ людяхъ часпо мы находимъ сей обманъ!
 Инаго изъ дали мы гениемъ считаемъ;
 А какъ приближимся — узнаемъ,
 Чшо онъ — мешесанный болванъ.

— Но —

Н А У К И.

ВОСПИТАНІЕ.

О УЧЕБНОМЪ ЗАВЕДЕНІИ Г. ФЕЛЛЕН- БЕРГА ВЪ ГОФВИДЪ.

(Оконтаніе).

Историческая истина не всегда основывается на дѣлахъ, часто малоизвѣстныхъ, или предсавленныхъ намъ въ ложномъ видѣ; успѣшнѣе можно ее изыскать въ важныхъ политическихъ послѣдствіяхъ и перемѣнахъ, которыя менѣе подвергаются искаженію или недосповѣрности. Нравы и обычаи народа предсказываютъ будущую его участь, и въ тоже время озаряютъ нѣкоторымъ свѣтомъ отдаленнѣйшія эпохи его Исторіи. Такимъ образомъ въ Римскихъ Патриціяхъ

Часть. XXIИ Ки. III.

21

мы узнаемъ наслѣдниковъ опцевъ семействъ, или Папстріарховъ. — Сіе сцѣпленіе причинъ и дѣйствій, составляющее философію Испоріи, конечно обращаетъ на себя вниманіе старшихъ учениковъ; но при семъ случаѣ всячески избѣгаешся упреждать разысканія собственнаго ихъ разума, предославляя имъ самимъ выводитъ послѣдствія и ограничивая себя только исправленіемъ ихъ неправильныхъ заключеній. Равнымъ образомъ избѣгаешся въ историческимъ эпохами, представленными насшоющему вниманію учениковъ, смѣшивать Испорію новѣйшихъ временъ, копорою они еще не занимались, и копорою по тому должна быть будшо бы неизвѣстна и самимъ учипелямъ. Не скрывая опъ учениковъ представляющіеся въ Испоріи примѣры заблужденій и злодѣяній, охопнѣе обращаютъ ихъ вниманіе на опрадные примѣры паптріотическаго пожертвованія, челоуѣколюбія и великодушія, дабы благородные порывы, свойственные молодому сердцу, и щеплое его упованіе на волю Всевышняго, не

были попушены уныніемъ и разочарова-
ніемъ.

Сверхъ того, древнія и новѣйшія вре-
мена представляющъ столь разитель-
ныя между собою различія, что нельзя
изыскать между ними значительнаго
историческаго сходства въ причинахъ и
дѣйствіяхъ. Настоящій образованный міръ
сдѣлался огромнымъ тѣломъ, коего части
сходь одна отъ другой независимы, что
всякая изъ нихъ можеть подвергаться
особеннымъ перемѣнамъ, не причиняя
чрезъ то другимъ ни малѣйшаго вреда; и
въ тоже время сходь тѣсно соединен-
ны, что ни одна изъ нихъ не можеть
испытать такого совершеннаго разру-
шенія, чтобы чрезъ то загладить и уни-
чтожить черты общаго сходства меж-
ду народами. Въ началѣ Христіанской
Эры, весь извѣстный свѣтъ раздѣлялся
на два большіе разряда, то есть на Рим-
скую Имперію и такъ называемыхъ вар-
варовъ. — Римъ, власнеликъ всего того,
эпо ему заблагоразсудилось присоеди-
нить къ своей державѣ, не поспавляя
своему владычеству никакихъ другихъ

предѣловъ, кромѣ предѣловъ Географіи, Римъ касался своими границами крайнихъ оконечностей извѣстнаго тогда образованнаго міра. Но Римляне, обманутые сознаниемъ своего могущества, съ излишнею довѣрчивостію и безпечностію предались сладостямъ долговременнаго бездѣйствія. Упоная въ богатствахъ и роскоши, окруженные толпищами опущенниковъ и невольниковъ, бывшихъ вмѣстѣ и орудіями ихъ распутства и учителями дѣшей ихъ, Римляне потеряли сію нравственную твердость и силу, съ которыми тѣсно соединено было преобладающее ихъ могущество. Между тѣмъ варварскіе народы возрѣсали въ силѣ, бодрости, опытности и вѣроятно въ добродѣтеляхъ. Уже за нѣсколько столѣтій до своего паденія, Римъ существовалъ единственно волшебнымъ, такъ сказать, могуществомъ древняго своего имени, и палъ наконецъ совершенно безъ надежды возстанія; ибо его успановленія, законы и языкъ вмѣстѣ съ нимъ поглощены были въ бездну уничтоженія. Едва нѣкоторыя слабыя слѣды его Императра-

туры сохранились въ нѣсколькихъ разбросанныхъ рукописяхъ. Такой разрушительный переворотъ не можетъ случиться въ наши времена. Нѣтъ уже варваровъ, нѣтъ опдаденныхъ, неизвѣстныхъ странъ, въ копорыхъ бы они могли скрываться. Почти всѣ части земли населены людьми и намъ извѣстны. Человѣческое просвѣщеніе не можетъ уже испытать совершеннаго попушенія, какъ сіе случилось при паденіи Рима; искусство книгопечатанія, умножая число книгъ, въ тоже время умножаетъ и число любителей чтенія. Много экземпляровъ Европейскихъ сочиненій, разсѣянныхъ по всей землѣ, не могутъ уже совершенно истребиться, и во всякомъ случаѣ останутся ихъ довольно, для того, чтобы сдѣлать новое изданіе. Нѣтъ болѣе разрушительныхъ войнъ. Члены великаго Европейскаго союза могутъ нѣкогда прийти въ несогласіе, и возстать войною другъ на друга; но всякой разительный перевѣсъ и разположеніе къ завоеваніямъ, замѣченныя въ одномъ изъ сихъ членовъ, вскорѣ вооружаютъ опасеніе и ревность

другихъ, и первая неудача гордаго властелина служилъ знакомъ ко всеобщему союзу для его усмиренія. Сіе господствующее нынѣ въ Европѣ начало общаго другъ за другомъ присмотра не менѣе очевидно во внутреннемъ управленіи Государствъ, какъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ оныхъ. Начало сіе, какъ внутри, такъ и внѣ Государствъ, обуздываетъ и усмиряетъ всякое расположеніе къ прихвненіямъ, завоеваніямъ и ширанству. Оно содѣйствуетъ къ прекращенію злоупотребленій, исправляетъ поспешную порчу, наносимую печеніемъ времени, и кажется что оно предопредѣлено для увѣковѣченія юной свѣжести народовъ.

Сіе опсупленіе не должно бытъ почитаемо возраженіемъ на историческую методу обученія, приняую въ Гофвилѣ. Я полагаю, что и тамъ замѣченъ недоспашокъ историческаго сходства между древними и новѣйшими временами. Я даже замѣшилъ, что въ Фелленберговомъ заведеніи избѣгается доводить слишкомъ скоро учениковъ до Исторіи послѣднихъ временъ. Сія часть Исторіи преподается

имъ не прежде, какъ при оканчиваніи ими курса ученія, когда разсудокъ ихъ доспигъ совершенной зрѣлости; Г. Фелденбергъ желаетъ, чтобы его питомцы вошли въ свѣтъ безъ опредѣленныхъ съ своей стороны мнѣній, о разныхъ партіяхъ, раздѣляющихъ оныя.

Ученіе Математики продолжается непрерывно со вступленія ученика въ училище, до отправленія его въ Университетъ. Всякая проблема разбирается и объясняется ученикамъ во всѣхъ возможныхъ ея приложеніяхъ, и тогда только переходятъ къ дальнѣйшимъ, когда ученики совершенно постигнутъ изъясняемую. Переходы отъ одной части науки къ другой производятся соразмѣрно съ дарованіями и способностями каждаго изъ учениковъ; не заставляющъ разныхъ дарованій двигаться впередъ равными шагами. Внимательность и охота учениковъ менѣе способныхъ, поддерживаются приложеніемъ науки къ практическому употребленію; только одаренные отличными способностями переходятъ къ чистой Математикѣ; но среди всѣхъ успѣ-

ховъ сихъ послѣднихъ, Начальство беретъ мѣры, чтобы оградить учениковъ отъ высокоумной гордости, копорая разсмапривая отккрытія своихъ числительныхъ разысканій, увлекается иногда къ пренебреженію Вышняго Всемогущества.

Усмапривая во всей природѣ несомнѣнныя доказательствва бытія Всевышней Премудрости и безпредѣльнаго могущества, шесшвующаго въ своихъ дѣляняхъ по совершенному плану, Г. Фелленбергъ убѣжденъ въ недослапачности сихъ доказательствъ и въ поже время въ необходимости и несомнѣтельности Божественнаго Откровенія. Онъ изложилъ въ рѣчи, произнесенной имъ къ Профессорамъ, свои мнѣнія по сему предмету, и доказательства подтверждающія сію истину. Проснота и чиспосердечіе учениковъ, населенныя въ сердца ихъ чувствва всеобщаго доброжелательствва, содѣлывающъ ихъ весьма способными къ принятію началъ Христіанскаго ученія, копорого догматическое преподаваніе предославлялся ихъ Священникамъ, смо-

пря по вѣроисповѣданію каждаго изъ учениковъ. Првнія о вѣрѣ вовсе неизвѣстны въ Гофвилѣ.

Въ заведеніи семь нѣтъ особеннаго Курса для Философіи и Логики. Хорошо обдуманнѣмъ направленіемъ преподаваемыхъ ученикамъ наукъ философическихъ, они пріорѣщаютъ искусство правильно разсужданъ въ Хрисіанскомъ же ученіи и въ Исторіи они имѣтъ способы изучинься испинной Философіи. Равнымъ образомъ, нѣтъ особаго курса для Политической Экономіи. Не преподавалъ ученикамъ полной системы сей науки, представляюща имъ собирать начала оной, разсѣянныя на обширномъ пространствѣ разныхъ другихъ знаній. Въ послѣдствіи времени, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ они будутъ читать сочиненія основательней сей самой младшей науки.

Когда жестокой голодъ, свирѣпствовавшій въ цѣлой Европѣ, особенно же въ Швейцаріи въ 1816 — 17 годахъ, заслужилъ состраданельныхъ друзей челоѣчества производить непосредственныя вспоможенія нищимъ, то Г. Фелленбергъ

велѣлъ ежедневно раздавать порціи экономическаго супу въ Гофвилѣ. — Ученики высшаго заведенія учредили между собою Комитеты для опыскиванія бѣдныхъ, и посѣщали жилища ихъ, чшобы удостовѣриться въ истинной нуждѣ и придумать удобнѣйшія мѣры для вспоможенія истинно недоспапочнымъ. Подобныя занятія легко могутъ превратиться въ прищворную чувствительность. Однакожь я сего не замѣнилъ въ сообщенныхъ мнѣ опчетахъ, составленныхъ учениками по сему случаю. Они представляють ясныя, правильныя и въ поже время челоуколюбивыя мысли. Разные случаи, препятствующіе производительной промышленности и иссушающіе источники народнаго богатства, сославляютъ важный предметъ Политической Экономіи; такимъ образомъ, сей случай, доставляя ученикамъ пользу въ учебномъ отношеніи, въ по же время служилъ для нихъ рззительнымъ урокомъ челоуколюбія и соспрадапельности.

Такъ какъ ученіе въ сёмъ заведеніи производится большею частію наизусть,

и преподаешь порознь малочисленнымъ опредѣленіямъ учениковъ, то и необходимо должно въ ономъ содержать много учителей. И въ самомъ дѣлѣ для 80 учениковъ, содержится неменѣе 30 учителей.

Нерѣдко дѣлаются вопросы: отъ чего производишь, что въ заведеніи, объемлющемъ воспитаніе дѣтей убогихъ, равно какъ и богатыхъ, число сихъ послѣднихъ вдвое болѣе противъ первыхъ, хотя поистинѣ, пропорція между богатыми и убогими жителями вовсе шому противна? Сіе возраженіе есть не что иное, какъ непрямое обвиненіе основателя сего заведенія въ его корысполюбивыхъ видахъ. Но подробное изложеніе счешной части заведенія будетъ достаточнымъ на то отвѣтомъ. Годичная плата, получаемая отъ Швейцарскихъ урожденцевъ, есть 1075 франковъ, не включая въ число ихъ одежды и платы учителямъ прилжныхъ искусствъ. Все же спойтъ родителямъ отъ 2400 до 3000 франковъ. За сію послѣднюю сумму, заведеніе принимаетъ на себя всѣ издержки. — Нѣкоторые родители спеченіемъ неблагопріятныхъ

обстоятельствъ поставлены были въ невозможность производить плату за содержаніе своихъ дѣтей; Г. Фелленбергъ оставилъ ихъ у себя безденежно, и число такихъ проспирается отъ 12 до 15.

Плата 30 учителямъ, составляетъ въ годъ 75,000 франковъ, кромѣ содержанія ихъ споломъ и кварпирою. Содержаніе 34 учениковъ низшаго заведенія стоить въ годъ по 80 фр. съ каждаго. Изъ сего общаго обозрѣнія легко заключить можно, что безъ соблюденія снрожайшей бережливости и точнѣйшаго порядка, заведеніе Г. Фелленберга не могло бы существовать само собою. Не смотря на сіе однакожь, Г. Фелленбергъ находитъ средства ежегодно умножать свои экономическія снроенія.

Говорятъ, что Гофвильское земледѣльчество разорительно. Еслибы сіе возраженіе было справедливо, то Заведеніе отъ того много бы потерпѣло. Однакожь сего невидно. — Сверхъ того мы имѣемъ по сему предмету свидѣтельства самыхъ опытныхъ и надежныхъ судей. Я упомяну здѣсь только о рапортѣ Г.

Крюда, одного изъ Комиссаровъ, избран-
ныхъ Гельветическимъ Сеймомъ для осмо-
тра земледѣльческихъ заведеній въ Гоф-
вилъ, и донесенія о состояніи оныхъ Изъ
сего видно, что земля проспанствомъ
въ 214 $\frac{1}{2}$ десятиинъ, принесла въ четыре
года, по еспь, съ 1810 до 1814, Бернскою
монетою 54,705 ливровъ, слѣдовательно
въ одинъ годъ приносила 14,176 ливровъ.—
За исключеніемъ 6-ши процентовъ съ капя-
шала 14,382 л., находящагося въ обращеніи
для воздѣлыванія новой земли - - 863.—
Оспаешся чистаго дохода - 13,313 ливр.
Слѣдственно, на одну мѣру (розе) при-
дется Швейцарскою монетою 62 л. 4 су,
или 93 франковъ $\frac{30}{100}$ Французскою. Такимъ
образомъ, по весьма высокой оцѣнкѣ одной
позы въ 1125 фр., чистый доходъ соспа-
вляетъ 8 $\frac{1}{4}$ со спа, болѣе обыкновеннаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльческое
заведеніе получаетъ большія выгоды отъ
соединеннаго съ нимъ высшаго училища,
употребляющаго его произведенія. Сверхъ
того, ремесленное училище доставляетъ
ему недорогихъ работниковъ. Съ другой
стороны земледѣльческое заведеніе полез-

но для училища, доставляя ему случаи къ выработыванію, и вообще всѣ части Гофвильскаго заведенія поддерживаютъ одна другую. Гофвиль представляетъ собраніе 130-ти учениковъ, 50-ти учителей, столько же служащихъ, нѣкоторое число поденщиковъ, ошъ 6-ти до 8-ми семействъ ремесленниковъ, а всего около 300 человекъ, сверхъ воспитанія, снабженныхъ довольно всеми потребностями жизни, изъ доходовъ ошъ 200 десятинаъ земли и капитала 200,000 франк.

Г. Фелленбергъ, приступая къ заведенію сего Инстишута; обладалъ имѣніемъ, приносившимъ ему въ годъ 12,000 фр.; сверхъ того сдѣлалъ онъ долгъ, равный цѣнѣ сего имѣнія и обеспеченный онымъ; болѣе долговъ никакихъ онъ неимѣлъ, и всѣ расходы по заведенію уплачивающіимъ съ точностію. Разсудительность основателя, доказываемая хорошимъ порядкомъ и благоустройствомъ его заведенія, есть вѣрное ручательство въ будущаго онаго успѣхахъ. Къ сему еще должно присовокупить, что построеніе и продажа земледѣльческихъ машинъ, составляютъ

значительную сумму доходов заведения, которое продает ежегодно около 200 съезельных машин по 500 фр. и большое количество экспирпапоровъ или машинъ для выриванія кореньевъ.

Жизни человѣческой не спанешъ для совершенія подвига, каковой предпринялъ Г. Фелленбергъ; спроеиe, коeму онъ начерпалъ планъ, не можешъ быть окончательно своимъ основашелемъ. Плоды прудовъ его назначены болѣе для будущаго посѣва, нежели для насющаго употребленія. Нынѣ онъ посшавляешъ цѣлью своего заведения, образовашъ ошъ 35 до 40 учишелей, подобныхъ учишелю Верли; кошорые могли бы надежно управлешъ сего рода заведениями, и 80 молодыхъ досшашочныхъ людей, въ кошорыхъ бы сии заведения нашлн своихъ покровишелей. Можно полагать, что по крайней мѣрѣ нѣкошорые изъ его пишомцевъ оправдаюшъ подаваемыя ими о себѣ надежды. Но какъ гораздо легче найши дѣшей убогихъ, нуждающихся въ безмездномъ воспитаніи, нежели великодушныхъ благошворишелей, расположенныхъ къ ободренію и поддержкѣ

ванію полезныхъ предпріятій, що и самая важнѣйшая надобность состоить въ образованіи сихъ послѣднихъ.

Воспитаніе проспаго народа естъ почти совершенно отрицательное: довольно, чтобы удаливъ отъ соблазнительныхъ пороковъ и праздности, окруживъ его хорошими примѣрами. Между тѣмъ какъ воспитаніе высшаго класса, конечно болѣе положительное. Имъ болѣе надлежитъ узнать, въ чемъ состоятъ источники народнаго благоденствія, отъ какихъ причинъ вліяніе богатства становится спасительныхъ, или пагубныхъ; они должны себѣ составить правильное понятіе о гражданскомъ равенствѣ, существующемъ при всѣхъ необходимыхъ различіяхъ породы и имущества. Они должны совершенно узнать начала разныхъ общественныхъ узаконенныхъ властей, основанныхъ на всеобщей пользѣ; властей, которыя весьма легко оправдать противъ всѣхъ проспыхъ возраженій, если примемъ оныя за пружины и составныя части большой общественной машины. Дѣло состоить въ обществен-

номъ распорядженіи, по которому изъ всѣхъ неудобствъ общественаго состоянія, выбирается самое малѣйшее, и переносимо безъ ропсання.

Люди нашего времени не могутъ уже *незнати*; оспаривается только обдумать способы къ тому, чтобы они *хорошо знали*, ибо опыты показали, чего сполняютъ несовершенныя знанія, Если гроза революціи, которая все еще носится надъ Европою, имѣетъ свое начало въ мнѣніяхъ человеческихъ, то надобно именно посреди сихъ мнѣній поставить громовыя ошводы, чтобы предупредить ужасныя послѣдствія разраженія.

Не должно однакожь заключать, что ученики двухъ отдѣльныхъ Гофвильскихъ заведеній обращаются другъ съ другомъ, какъ равныя шоварищи. Г. Фелленбергъ не принимаетъ мечтательныхъ идей о всеобщемъ равенствѣ, споль прошивномъ благоустройству и пользѣ общественной. Ученики его знаютъ и почишаютъ другъ друга, но кромѣ времени богослуженія об-

щаго для единовѣрцевъ, они живутъ опдѣльно. —

Въ Гофвилѣ находится 23 ученика Римско-Каполическаго вѣроисповѣданія, т. е. 14 въ высшемъ училищѣ, принадлежащихъ къ знашнымъ Нѣмецкимъ фамиліямъ, 2 въ училищѣ промышленности, 1 учитель, и 6 служащихъ или работниковъ. Они имѣютъ Священника, ушвержденнаго Начальникомъ Каполическаго Духовенства. Тамъ есть опъ 15 до 18 Рускихъ, которые имѣютъ свою Греческую церковь, между Гофвилемъ и Берномъ. Оспальные ученики суть Люпераны и Кальвинисты — Одинъ только ученикъ умеръ со времени учрежденія сего Инстишута.

Не ограничиваяся собственными моими замѣчаніями, я спарался узнать, что думаютъ соотечественники Г. Фелленберга о его заведеніи. Ни одно важное возраженіе не дошло до моего свѣденія касательно училища промышленности. Его польза признана всѣми единоголасно.

Чтоже принадлежитъ до высшаго училища, по объ немъ говорятъ, что ученики въ ономъ воспитанные, не достигаютъ той степени совершенства въ нѣкоторыхъ знаніяхъ, какой достигаютъ въ другихъ высшихъ училищныхъ заведеніяхъ. Впрочемъ всѣ соглашаются въ томъ, что нравственность Гофвильскихъ учениковъ превосходна, что они обыкновенно бываютъ крошки, разсудительны и доброхопны, что они обогащены многими знаніями, хорошо между собою сопряженными. Наконецъ всѣ полагаютъ, что Гофвильское Заведеніе болѣе способно образоватъ отличныхъ свѣтскихъ людей, нежели ученыхъ Профессоровъ.

Бернскіе Патриціи не очень хорошо расположены къ сему заведенію, однакожъ нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ въ немъ своихъ дѣшей. Недавно узналъ я даже, что одинъ изъ нихъ, самый непримиримый врагъ сего заведенія, первѣйшій чиновникъ тамошняго уѣзда, умирая, бпредѣлилъ въ своемъ завѣщаніи, чтобы его сынъ воспитывался въ Гофвильскомъ Заведеніи.

*

Нѣтъ нужды превозносишь похвалами Г. Фелленберга. Всѣ его благородныя качества изображаются въ его заведеніи. Описаніе сего послѣдняго есть самая достойная похвала основателю. —

Перевелъ Ил. Блот.

Апрѣля 1823 года.

С М Ъ С Ъ.

О ВЪЯВЛЕНІЯ О КНИГАХЪ.

I.

*О подпискѣ на Сибирскій Вѣстникъ
на 1824 годѣ.*

Журналь, *Сибирскій Вѣстникъ*, продол-
жашься будеть и въ 1824 году.

Въ составъ онаго входящъ слѣдующіи
ошдѣленія:

I. ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФІЯ и СТАТИСТИ-
КА. Разныя сочиненія, ошрывки и свѣденія,
составляющія предметъ сихъ наукъ, въ оп-
ношеніи къ Сибири и вообще къ Азіятскимъ
спранамъ, какъ шо: Кипаю, Японіи, Тапа-
ріи, Тибешу, Индоспану, Персіи и проч.

II. ПУГЕШЕСТВІЯ. Ученыя и любопыт-
ныя пушешествія по означеннымъ спранамъ,
полныя и ошрывки изъ пушешествій.

III. ЭГНОГРАФІЯ или НАРОДООЧИСА-
НІЕ. Извѣстія о народахъ обитающихъ въ
Сибири и въ спранахъ съ нею сопредѣльныхъ.

IV. БІОГРАФІЯ. Жизнеописанія разныхъ лицъ, чѣмъ-либо опличившихся въ Сибири, или въ сѣранахъ съ нею сопредѣльныхъ.

Каждое изъ сихъ отдѣленій имѣетъ два разряда: первой для сѣрашей, относящихся собственно къ Сибири и вообще Азіатской Россіи; второй къ прочимъ сѣранамъ Азіи.

V. СМѢСЬ. Сіе отдѣленіе назначается для всякихъ свѣденій, копорыи, по какимъ-нибудь причинамъ, не могутъ входить ни въ одно изъ предъидущихъ отдѣленій; но копорыи нужны сколько для необходимаго въ періодическихъ изданіяхъ разнообразія, столько же для пользы и удовольствія чіпашелей, какъ то: сѣрашии ученаго содержанія, извѣстія о новыхъ учрежденіяхъ, открытіяхъ, происшествіяхъ и проч.

По разнообразію предметовъ Сибирскаго Вѣстника, и въ 1824 году чрезъ каждыя двѣ недѣли будетъ выдаваться по одной книжкѣ сего Журнала отъ 3 до 4 печатныхъ листовъ. Къ нѣкопорымъ книжкамъ прилагаемы будутъ, сколько позволитъ возможность, гравированные или липогравированные лясшы, представляющіе иногда виды красивыхъ или почему-нибудь занимательныхъ Сибирскихъ и другихъ мѣстъ, иногда одежды и саряды жишелей, планы мѣстъ и сѣроеній, ландкаршы и проч.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 24 книжекъ, 30 рублей, съ доставленіемъ на домъ 35, а съ пересылкою во всѣ Россійскіе города 37 рублей.

Кромѣ спашей, предназначенныхъ для помѣщенія въ Сибирскомъ Вѣспникѣ 1824 года, Издашеля разположилъ прилагашь къ книжкамъ онаго оппечатанные лиспы, составляемаго имъ *Географическаго и Статистическаго описанія Сибири и ея острововъ*, за которое подписавшіеся на сей Журналь не плашашь особо денегъ.

Подписка на Сибирскій Вѣспникъ принимается въ С. Петербургѣ: у самаго Издашеля Бергмейспера 8 класса Григорья Ивановича Спасскаго; въ библіошекъ для чшенія (бывшей) Плавильщикова у Синяго моспа; въ книжномъ магазинѣ И. В. Сленина у Казанскаго моспа и во всѣхъ книжныхъ лавкахъ; а въ Москвѣ у Коммисіонера шамошняго Универсишеша А. С. Ширяева. Иногородные могутъ опноситься въ Газетную Экспедицію С. Пешербургскаго Почпамша, или къ самому Издашелю.

Желающіе получить Сибирскій Вѣспникъ съ 1818 по 1824 годъ, благоволяшъ адресовашься шолько къ Издашелю, съ плашою за каждый годъ порознь 25 рублей, а вообще за шешь лѣшъ 125 рублей.

III. и IV. Части книги *Объ обращеніи съ людьми*“ переведенной изъ сочиненій Барона Квинге, *Яковомъ Лангенмилъ*; новое изданіе, исправленное и дополненное,“ вышли изъ печати и раздаются почтеннымъ Гг. пренумерантамъ въ книжныхъ лавкахъ Глазунова, Свѣшникава, Плавильщикова, Заикина и Слѣвина. — „Не одинъ шокмо юноша находить въ семъ сочиненіи надежнѣйшее руководство, какъ долженъ онъ вести себя, вступая на скользкое поприще свѣпскаго обращенія, чшобы снискашь любовь и уваженіе; зрѣлому даже возрасту предсшавляешся здѣсь толь обширное поле для размышленія, чшо безъ сомнѣнія и самый опыннѣйшій знашокъ большаго свѣша прочтешъ книгу сію не безъ всякой пользы и удовольствія. Знаменитый Авторъ оной, въ соображеніяхъ своихъ, не основывался на общихъ правилахъ обращенія; но представивъ каждый характеръ челоуѣка въ опредѣлности, показываешъ, какимъ образомъ должно поступать въ обращенія съ каждымъ изъ нихъ, и шѣмъ самымъ швореніе его заслуживаешъ преимуществво предъ всѣми подобными и по справедливости вочесться можешъ полезнымъ приобрьшеніемъ для Отечественной Словесности.“

Полное швореніе сей книги, изъ 4 частей

соспоящей, продается исключительно въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома. Цѣна оной на простой бумагѣ 12 руб., а на веленовой 17 руб. — Иногородныя Особы благоволятъ адресовать требованія свои на имя Смотрицела означенной Типографіи, Губернскаго Секретаря Ивана Ивановича Курашкина, прилагая сверхъ того еще по 3 руб. за пересылку.

3.

Полярная Звѣзда на 1824 годъ уже поступила въ печать. Въ оной будутъ помѣщены прозаическія сочиненія и стихотворенія многихъ отличныхъ Россійскихъ Писателей. Сверхъ того книжка сія будетъ украшена картинками, коихъ предметы заимствованы изъ опечесивенныхъ Поэповъ. Она выйдеть 15 Декабря. Иногородныя особы, желающія получить оную непосредственно по выходѣ ея въ свѣтъ, благоволятъ адресоваться къ Книгопродавцу И. В. Сленину, и въ бібліотеку для чтенія покойнаго В. А. Плавильщикова. Цѣна сей книжки въ С. Петербургѣ 10 р., съ пересылкою въ города 12 р.

ИМЕНА МЪСТЪ И ОСОБЪ, БЛАГОВО-
ЛИВШИХЪ ПОДПИСАТЬСЯ НА ПОЛУ-
ЧЕНІЕ СЕГО ЖУРНАЛА ВЪ 1823 ГОДУ.

(Продолженіе).

Въ Брянскѣ.

Тамошній Уѣздный Дворян. Предводитель Г.
Поручикъ Неболсинъ.

Въ Георгіевскѣ.

Его Высокоблагородіе Эльпидифоръ Петро-
вичъ Манассеинъ.

Въ Ирбити

Вольскій купецъ Андрей Александровичъ Брю-
хановъ.

Въ Керчи.

Его Высокородіе Ефимъ Ивановичъ Фонденъ.

Его Высокородіе Рафаиль Августиновичъ де
Скаси.

Его Высокоблагородіе Павелъ Александровичъ
де-Бруксъ.

Его Благородіе Евстафій Александровичъ Тур-
чандиновъ.

Въ Кизлярѣ.

Штатный Смотритель Кизлярскаго Уѣзднаго училища Г. Иерусалимскій.

Въ Красноярскѣ (Енисейской Губерніи).

Г. Енисейскій Гражданск. Губернашоръ Александръ Петровичъ Степановъ.

Спашскій Совѣтникъ Александръ Лаврентьевичъ Афанасьевъ.

Коллежскій Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Галкинъ.

Коллежскій Ассесоръ Филипъ Ивановичъ Христьяновичъ.

Коллежскій Ассесоръ Василій Петровичъ де Валуа.

Коллежскій Ассесоръ Федоръ Степановичъ Семеновъ.

Коллежскій Ассесоръ Иванъ Ивановичъ Коноваловъ.

Коллежскій Секретарь Созонъ Гавриловичъ Немолодышевъ.

Красноярскій Купецъ Иванъ Кириловичъ Кузнецовъ.

С. Пешербургскій Купецъ Г. Зубковъ.

Въ Кронохѣ.

Тамашній Уѣздный Предводитель Дворянства Г. Шохвисневъ.

Въ Липецкѣ.

Тамашній Предводитель Дворянства Федоръ Ивановичъ Туровскій.

Въ Малоархангелскѣ (Орлов. Губерн.)
 Астраханскаго Кирасирскаго Полка Поручикъ
 Иванъ Михайловичъ Бакунинъ.

Въ Макареевѣ. (Нижегородской Губерніи).
 Тамашній Земскій Исправникъ Губернскій
 Секретарь Веселовскій.

Въ Москвѣ.

Ея Высокородіе Дарья Николаевна Лопухина
 Его Высокоблагородіе Александръ Андреевичъ
 Нирошморцовъ.
 Его Высокоблагородіе Иванъ Михайловичъ
 Сивгиревъ.

ОПЕЧАТКИ

XXIII ЧАСТИ.

КНИГА VII.

		<i>Напечатано</i>	<i>Читай.</i>
<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>		
6	13	досадею	досадою
—	26	ѣми	мнѣ
11	12	Проѣзжаа	Проѣзжая
19	26	мена	меня
20	22	простился роп- щущими	простился съ роп- щущими
30	22	мена	меня
31	(сверху) 13		31
—	13	домашники	домашними
15	20	обдуманыхъ	обдуманность,
54	(в примѣт.)	Je n'en- tendix	Je n'entendis
—	(в прим.)	Agametnom	Agametnon
68	10	подлиннииа	подлинника
60	7	надъ	подъ
64	1	ОДОБРЕНІЕ	ОБОДРЕНІЕ
—	5	одообренье	ободренье
65	7	Невѣрно счастье намъ, но слава—	Невѣрно счастье намъ, но слава

Напетатано

Читай.

Стр. Строк.

66	10	къ неблагогород-	къ неблагодарнымъ
		нымъ	
—	13	кромкѣй	кромкѣй
68	7	внушише	внушише.

К Н И Ж К А VII.

109	8	Nons	Nous
123	(2 въ прим.)	Siale	Sicile
148	5	маленькія	маленькіе
149	15	Саншо-Мавры	Санша-Мавры
152	(1 въ прим.)	Essaisur	Essai sur
154	(7 въ прим.)	сихъ	ихъ
163	(2 въ прим.)	Rewiew	Review
167	10	не давно	недавно
172	15	На личныхъ	Наличныхъ

К Н И Ж К А IX.

235	1	приѣхахъ	приѣхалъ
270	1	единоземцемъ	единоземцевъ
—	11	превосходѣй-	превосходнѣйшія
		шія	
273	18	Жуковскійша къ	Жуковскій шакъ
277	9	охулишеть!	о хулишеть!
—	13	на главу. и	на главу, и
285	15	Баснословіе	Баснословіе
300	5	повшоренія	творенія
304	13	лишвы	лишвы

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАТЦАТЬ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

І. Л И Т Е Р А Т У Р А.

А. П Р О З А,

	<i>Странъ</i>
1. Второй вечеръ на Бивуакъ - - - -	3.
2. Ошкровенность молодой дѣвушки -	29.
3. Госпиная Аншенской улицы - - -	109.
4. Опрывокъ изъ путешествія Томаса Смершь-Югса въ Янину, во время господства Али-Паши - - -	123 и 221.
5. Урокъ молодымъ людямъ - - - -	254.

Б. К Р И Т И К А.

6. О Романтической Поэзии 42. 151. и 263.	
---	--

В. С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

7. Къ Кн. А. Цершелеву - - - - -	60.
8. Ободреніе - - - - -	64.
9. Мудрость, <i>Басня</i> - - - - -	69.
10. Бѣгунъ и Кляча. <i>Сказка</i> - - - -	70.
11. Смѣшливый Экономъ. <i>Сказка</i> - - -	170.
11. Такъ да не шакъ. <i>Сказка</i> - - - -	172.

	<i>Стран.</i>
13. Отрывокъ изъ перевода Расиновой
Трагедіи: Федра - - - - -	307.
14. Декорации, Сказка -	314.

II. НАУКИ.

И С Т О Р І Я.

13. Посольство Голландцевъ Алберта Бур-
га и Иоанна Фанъ Фельшдриля въ
1630 года - - - - -	62.

В О С П И Т А Н І Е.

16. О учебномъ заведеніи Г. Фелленберга
въ Гофвилѣ - - - - -	174 и 317.

IV. С М Ъ С Ъ.

У Ч Е Н Ы Я И З В Ъ С Т І Я.

17. Письмо къ Предѣдателю Общества	94.
18. Объявленіе о книгахъ -	108. 219 и 337.
19. Объ училищѣ по Методѣ Взаимнаго
Обученія для дѣвиць , - - - - -	216.
20. Имена мѣстъ и Особъ, благоволив-
шихъ подписаться на полученіе се-
го Журнала - - - - -	342.

